

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Голубев Иван Сергеевич

**Стратегии взаимодействия государства и общества
как предмет социально-философского анализа**

5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор

Момджян Карен Хачикович

Москва – 2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Формирование и развитие альтернативных стратегий взаимодействия государства и общества	22
1.1. Становление интегративной стратегии взаимодействия государства и общества.....	22
1.2. Политический каркас Модерна: конфликтная стратегия взаимодействия государства и общества	38
1.3. Гегель: диалектическая «коррекция» Модерна.....	57
Глава 2. Конфликтная стратегия взаимодействия государства и общества: основные формы и парадигмальные особенности	67
2.1 Конфликт как системообразующая форма социального взаимодействия	67
2.2. От конфликта к антагонизму: становление и развитие конфликтно-антагонистической формы конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества.....	86
Глава 3. Интегративная стратегия взаимодействия государства и общества: онтологические основания и современные проекции	107
3.1. Взаимодействие государства и общества в свете современных концепций социополитогенеза	107
3.2. Взаимодействие государства и общества как фактор реализации потребностей и интересов индивида	128
3.3. Интегративная стратегия и практика «социального государства»	144
Заключение.....	162
Список литературы	169

Введение

Актуальность исследования

Настоящая диссертация посвящена анализу классической социально-философской темы, которую в истории общественной мысли принято именовать проблемой взаимодействия государства и общества. Строго говоря, это название нельзя считать абсолютно корректным, поскольку государство, несомненно, является институтом политического управления обществом, которое представляет собой реальную самодостаточную группу людей, способных создавать и воссоздавать все необходимые условия своего существования. В этом плане государство, как институт публичной власти, имманентно обществу и является его частью, которая не должна предпосылаться целому как нечто внешнее, противостоящее ему.

Тем не менее, следуя терминологической традиции, мы будем говорить о проблеме взаимодействия государства и общества, исследование которой, на наш взгляд, является одной из важнейших, и можно, наверное, сказать, всегда актуальных задач социального познания. В теоретико-методологическом отношении непреходящая актуальность социально-философского анализа этого взаимодействия определяется как значительностью влияния последнего практически на все стороны жизни индивида и общества в целом, так и фундаментальностью, и сложностью феноменов государства и общества самих по себе. Неслучайно в истории философской мысли важнейшие труды её крупнейших представителей, таких как Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегель были посвящены вопросам общественно-государственного устройства. Вместе с тем, следует отметить, что в последние 2–3 десятилетия, как в отечественной, так и в зарубежной философской литературе, анализу данной проблематики не уделялось значительного внимания. Так, среди российских источников нам не удалось найти ни одного монографического исследования, специально посвящённого изучению взаимодействия государства и общества. Что же касается журнальных

публикаций, то их число крайне незначительно, например, в «Вопросах философии» за последние двадцать лет, за исключением «круглого стола», на котором обсуждались в основном практические вопросы формирования социального государства в России, было лишь несколько статей, в которых рассматривались различные аспекты этого взаимодействия*.

Схожая ситуация наблюдается и в новейшей зарубежной, особенно англоязычной философской литературе. Такое положение дел вряд ли можно считать вполне оправданным, поскольку в современной социальной теории не выработано общепринятых определений понятий общества и государства. Вместе с тем проблема обоснования адекватной современным реалиям формы организации взаимодействия этих фундаментальных социальных феноменов продолжает вызывать самые напряжённые дискуссии в социальной науке, в том числе и, особенно в последнее время, в российской. Однако в научной литературе, посвящённой анализу этой проблематики преобладают труды социологов, политологов, экономистов. При всех возможных достоинствах, в них, как правило, рассматривается тот или иной конкретный аспект взаимодействия государства и общества, причём под определённым углом зрения, и, соответственно, задача глубокого и всестороннего анализа их сущности и форм организации их взаимодействия в принципе не ставится.

В практическом отношении актуальность исследования взаимодействия государства и общества для Российской Федерации определяется такими важнейшими факторами как масштаб территории и значительное внутреннее социокультурное разнообразие страны. Что касается первого, то, очевидно, что российское государство должно обладать достаточным потенциалом чтобы предпринимать необходимые меры для надлежащего обеспечения пространственной связанности-целостности, укрепления территориального единства российского общества. Относительно второго, следует отметить, что уникальное, носящее цивилизационный характер, национально-

* Подробнее об этом см.: Вопросы философии. 2019. № 10. С. 5–26.

культурное, языковое, религиозное разнообразие российского общества требует принятия в РФ специальных мер для адекватной организации двустороннего и равноуровневого взаимодействия государства и общества.

Необходимо подчеркнуть и ещё одно принципиально важное обстоятельство, обуславливающее особую актуальность исследования взаимодействия государства и общества для России. Страна, как и весь современный мир, находятся на переходном этапе своего развития. Чем он завершится – покажет будущее, но ясно, что в подобные переходные периоды глобальных политических и социальных изменений практическая значимость объективного социально-философского анализа форм и принципов организации взаимодействия государства и общества не может не возрастать.

Теоретико-методологическая и практическая значимость и актуальность объективного научно-философского анализа взаимодействия государства и общества определяется и тем, что эта проблематика всегда находилась, и в последнее время часто оказывается в центре острых идеологических дискуссий. Этим, также, во многом объясняется характерный для современной социальной науки широкий плюрализм мнений как о происхождении и сущности общества и государства, так и о необходимых принципах и формах организации их взаимодействия. Вместе с тем, следует отметить, что в современной социальной науке, прежде всего в англоязычной литературе, доминирует противопоставление общества и государства, понимание последнего как, по существу своему, конфликтного образования, главной, «порождающей» функцией которого является принуждение, ограничивающее общественную свободу, и, соответственно, возможности реализации интересов индивида.

Показательны в этом отношении такие влиятельные социально-философские, а также социологические и экономические концепции как учение о «биополитике» и «полицейском государстве» М. Фуко, концепции

государства как «организованной преступности» Ч. Тилли, осёдлого (стационарного) бандита М. Олсона, «властвующей элиты» Ч. Р. Миллса и Р. Лахмана, «минимального государства» Р. Нозика, «публичной сферы» Ю. Хабермаса и др¹. Представления о конфликтогенной природе государства в рамках таких концептуальных подходов, зачастую развиваются до утверждения его принципиально репрессивной сущности; всем им также свойственна настойчивая актуализация темы «закономерного конфликта интересов» государства и общества.

Вместе с тем, такое противопоставление общества и государства не обладает монополией на научную обоснованность и не является единственно возможной оптикой их рассмотрения. Не менее оправданным как в теоретическом, так и в практическом отношении представляется и другой, альтернативный подход, рассматривающий это взаимодействие в своего рода интегративно-синергичном ключе, в качестве объективно необходимого на определённом этапе социально-исторического развития, отвечающего интересам индивидов условия оптимальной организации их коллективного существования.

Характеристика источников и степень научной разработанности проблемы

Анализ принципов взаимодействия государства и общества относится к числу наиболее дискуссионных проблем современной социальной теории. Вместе с тем приходится констатировать, что в социальной науке сегодня по-

¹ См. например. Фуко М. «Нужно защищать общество»: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/76 учебном году. СПб.: Наука, 2005; Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978/79 учебном году. СПб.: Наука, 2010; Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime / Bringing the State Back // edited by Peter Evans, Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 169–191; Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013; Олсон М. Диктатура, демократия и развитие / Экономическая политика. 2010. № 1. С.167-183; Миллс Ч. Р., Властвующая элита. М.: Директ-Медиа, 2007; Лахман Р. Государства и власть. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020; Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008; Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2016; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.

прежнему отсутствует единство в понимании сущности этих фундаментальных феноменов, на что указывают в своих работах такие авторитетные современные учёные как Э. Гидденс², П. Бурдьё³, Н. Луман⁴, И. Валлерстайн⁵, Н. Элиас⁶.

Для характеристики античного понимания взаимосвязи государства и общества с целью концептуализации интегративной стратегии их взаимодействия анализируются ключевые социально-политические произведения Платон и Аристотеля. Общая характеристика социальной философии Платона в аспекте рассматриваемой проблематики представлена в аналитических работах А. Ф. Лосева⁷, Д. В. Бугая⁸, В. В. Сапова⁹. Взаимосвязь государства и общества в социально-политическом учении Аристотеля анализируется А. И. Доватуром¹⁰, Ю. Н. Давыдовым¹¹, Э. Тигерстедтом,¹² В. А. Гуторовым¹³. Концептуализация конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества в социально-политической философии Нового Времени происходит, прежде всего, посредством обращения к ключевым произведениям Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Фундаментальные основания политической философии Модерна анализируются в работах Л. Штрауса¹⁴, А. В. Магуна¹⁵ и В. С. Левицкого¹⁶. Социально-политические учения Т. Гоббса и Дж. Локка в аспекте взаимосвязи

² Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический проект, 2002.

³ Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989- 1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

⁴ Луман Н. Общество общества. Т. 1. М.: Логос, 2011.

⁵ Валлерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы социологии. 1992. №1.

⁶ Элиас Н. Общество индивидов М.: Практикс, 2001.

⁷ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.

⁸ Бугай Д. В. Единство платоновского «Государства». М.: Издатель Воробьев А. В., 2016.

⁹ Сапов В. В. Генезис и структура социальной утопии Платона / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010.

¹⁰ Доватур А. И. Политика Аристотеля / Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

¹¹ Давыдов Ю. Н. Социальная философия Аристотеля от «Этики» к «Политике» / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010.

¹² Tigerstedt E. The legend of Sparta in Classical Antiquity. Stockholm: AW, 1965.

¹³ Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1989.

¹⁴ Штраус Л. Что такое политическая философия. М.: Логос, Практикс, 2000.

¹⁵ Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

¹⁶ Левицкий В. С. Социальная реальность Модерна. М.: Канон+, 2023.

государства и общества рассматривается в работах Э. Коэна и Д. Арато¹⁷, Л. С. Мамута¹⁸, а также в статьях Ю. Н. Давыдова¹⁹, Т. Б. Длугач²⁰. Тематика взаимодействия государства и общества в политической философии Ж.-Ж. Руссо затрагивается в работах Э. Кассирера²¹ и Т. А. Дмитриева²². Концептуализация субординационной формы интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества в социально-политическом учении Г. В. Ф. Гегеля происходит с опорой на его ключевые произведения в области философии государства и права. С этой целью рассматриваются также критические и аналитические работы и статьи В. С. Нерсесянца²³, Т. И. Ойзермана²⁴, И. В. Орловой²⁵. Вместе с тем, следует отметить отсутствие достаточного числа специальных исследований, посвящённых анализу принципов взаимодействия государства и гражданского общества в гегелевском учении, как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе.

Анализ дальнейшего развития конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, доминирующей в современной социальной науке, предполагает обращение, прежде всего, к ключевым идеям и положениям, высказанных родоначальниками «новой науки об обществе», – социологии, – О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера, а также к работам наиболее влиятельных сторонников теории насильственного происхождения

¹⁷ Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: «Весь мир», 2003.

¹⁸ Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М.: Наука, 1989.

¹⁹ Давыдов Ю. Н. Социальная мысль в контексте общенаучных программ XVII-XVIII вв. / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010; Давыдов Ю. Н. Новый поворот в развитии понятия общества / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010.

²⁰ Длугач Т. Б. От Левиафана к гражданскому обществу / Историко-философский ежегодник. 2020. Т. 35. С. 18–38.

²¹ Кассирер Э. Философия просвещения. М.: РОССПЭН, 2002.

²² Дмитриев Т. А. *La Condition Humaine: взгляд Жан-Жака Руссо* // Логос. 2012. Т. 96. №6. С. 7–66.

²³ Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. М.: Юрист, 1998.

²⁴ Ойзерман Т. И. Амбивалентность гегелевской концепции государства / Историко-философский ежегодник-1998. М., 2000.

²⁵ Орлова И. В. Теория гражданского общества: к истории вопроса. Философия и общество. 2006. №2 (43). С. 154–167.

государства Л. Гумпловича²⁶, М. Вебера²⁷ и П. Бурдьё²⁸. Особенности становления социально-политического учения позитивизма анализируются Ю. Н. Давыдовым и А. Д. Ковалёвым²⁹. Проблеме взаимосвязи государства и общества в социологии О. Конта уделяется внимание в специальной работе Г. Э. Барнса³⁰. Проблема «государственного вмешательства» в жизнь человека и общества в социологическом учении Дж. Ст. Милля рассматривается в статьях А. Райана³¹ и С. Р. Санжуана³². Критический анализ концепции социального организма Г. Спенсера в аспекте взаимодействия государства и общества представлен в работах Д. Ритчи³³ и А. Д. Ковалёва³⁴. Реконструкция политической теории М. Вебера как целостного учения о государстве и обществе предлагается в специальной работе А. Антера³⁵. Веберовское понимание сущности «государства», «власти», «легитимности», «бюрократии» широко проанализировано как в отечественной (Ю. Н. Давыдов³⁶, П. П. Гайденко³⁷), так и в зарубежной литературе (Л. фон Мизес³⁸, Дж. Ритцер³⁹).

²⁶ Гумплович Л. Основы социологии. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010; Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб, 1910.

²⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Т. IV. Господство. — 542, [2] с.

²⁸ Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016; Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

²⁹ Давыдов Ю. Н. Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010; Ковалёв А. Д. Программа социологии Дж. С. Милля / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010.

³⁰ Barnes H. E. The Political And Social Philosophy Of Auguste Comte. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/60553857.pdf> (дата обращения – 10.01.2024).

³¹ Ryan A. The Philosophy of John Stuart Mill. L: Macmillan, 1985.

³² Sanjuan C. R John Stuart Mill on the Relation between Society and Individual Regarding Personal Liberty [in English]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. 2018. Vol 2 (3), pp. 66-88.

³³ Ritchie D.G. The principles of state interference: Four essays on the Political Philosophy of Mr. Herbert Spencer, J.S. Mill, and T.H. Green. L.: Swan Sonnenschein C. Scribner's Sons, 1896.

³⁴ Ковалёв А. Д. Эволюционистская социология Г. Спенсера: опыт синтетического подхода / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010.

³⁵ Anter A. Max Weber's Theory of the Modern State: Origins, Structure and Significance. Basingstoke: Palmgrave Macmillan, 2014.

³⁶ Давыдов Ю. Н. История теоретической социологии. В 4 т. / Ю. Н. Давыдов. М.: Канон +, 2002.

³⁷ Гайденко П. П. История и рациональность / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. М.: Политиздат, 1991.

³⁸ фон Мизес, Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело при участии изд-ва «Catalaxu», 1993.

³⁹ Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011.

Концептуализация конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества в её антагонистической форме предполагает обращение к социальному учению классиков марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин). Дальнейшее развитие этой стратегии было связано с неомарксистскими концепциями «культурной гегемонии» А. Грамши⁴⁰, государства как «культуриндустрии» М. Хоркхаймера и Т. Адорно⁴¹, а также теорией «идеологических аппаратов государства» Л. Альтюссера⁴². Отдельно, в этой связи, можно упомянуть и влиятельные постмарксистские концепции Ю. Хабермаса⁴³, Ш. Муффа⁴⁴, М. Хардта и А. Негри⁴⁵. Современные анархистские концепции, обосновывающие существование непримиримого антагонизма между этими формами организации совместной жизни людей связаны, главным образом, с работами Р. Нозика⁴⁶, Н. Хомского⁴⁷, С. Ньюмана⁴⁸.

Тематика взаимосвязи процессов политогенеза и социогенеза как важнейших онтологических оснований современного взаимодействия государства и общества раскрывается в работах зарубежных (Дж. Скотт⁴⁹, Э. Сервис⁵⁰, Р. Карнейро⁵¹, Х. Дж. М. Классен и П. Скальник⁵²) и отечественных

⁴⁰ Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

⁴¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб: Медиум, Ювента, 1997.

⁴² Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175.

⁴³ Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001; Хабермас, Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005; Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007.

⁴⁴ Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. №2(42). С. 181–197; Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. 2008. № 1. С. 88–102.

⁴⁵ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004; Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

⁴⁶ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.

⁴⁷ Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012.

⁴⁸ Ньюман С. Постанархизм. М.: РИПОЛ классик, 2021.

⁴⁹ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

⁵⁰ Service E. The Origins of State and Civilization. Y., 1975

⁵¹ Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.

⁵² Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). The Early State. The Hague, 1978.

(Л. Е. Гринин и Д. В. Бондаренко⁵³, Н. Н. Крадин⁵⁴) политантропологов. Проблема политарного общества рассматривается в специальной монографии Ю. И. Семёнова⁵⁵. В критических и аналитических статьях П. В. Белкова⁵⁶, А. В. Федосова и Е. А. Шинакова⁵⁷, Н. Б. Кочаковой⁵⁸ проблематизируется существующий уровень разработанности базовых понятий концептуально-теоретического аппарата политантропологических исследований, а также обсуждаются наиболее существенные недостатки конфликтных концепций социополитогенеза.

Анализ потребностей и интересов индивида как важнейших факторов, определяющих специфику взаимодействия государства и общества, предполагает обращение к наиболее влиятельным зарубежным (А. Маслоу⁵⁹, К. Обуховский⁶⁰, А. Адлер⁶¹) и отечественным (Е. П. Ильин⁶², П. Я. Гальперин⁶³) психологическим теориям потребностей. Отдельного внимания заслуживает также типология потребностей, разработанная К. Х. Момджяном⁶⁴, содержащая, пожалуй, наиболее удачную концептуализацию

⁵³ Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: коллективная монография / под ред. Л.Е. Гринина. М.: Мос. ред. изд-ва «Учитель», 2019; Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель, 2006.

⁵⁴ Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) М.: Вост. лит., 1995. С. 11–61.

⁵⁵ Семёнов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2019.

⁵⁶ Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) М.: Вост. лит., 1995. С. 165–187.

⁵⁷ Федосов А. В., Шинаков Е.А. «Начало государства» в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2018. № 1. С. 136–148.

⁵⁸ Кочакова Н. Б. Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995.

⁵⁹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. [и др.] : Питер, 2021.

⁶⁰ Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб. : Речь, 2003.

⁶¹ Адлер А. Понять природу человека. М.: АСТ, 2021.

⁶² Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002.

⁶³ Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.; Воронеж: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, Модэк, 2008.

⁶⁴ Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Ст. 2. Биосоциальная потребность в безопасности [Электронный ресурс]: Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 5. С. 77–90; Момджян К. Х. О «разумных» и «неразумных» потребностях человека // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. С. 547–550; Концептуализации общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монография / под общ. ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М. : ИНФРА-М, 2018.

понятий потребностей и интересов индивида в современной отечественной социальной науке.

Концептуализация интегративной стратегии взаимодействия государства и общества в её интегративно-субординационной форме предполагает обращение к ключевым идеям и положениям социальной философии британского идеализма, высказанных Т. Х. Грином⁶⁵, Ф. Брэдли⁶⁶, Д. Ритчи. Что касается современных исследований по данной проблематике, отметим попытку разработки «всеобщей теории социального государства» английского социального учёного П. Спикера⁶⁷. Критический анализ актуальных практик социального взаимодействия в государствах всеобщего благосостояния предлагается в работе Г. Хазлитта⁶⁸. Оригинальная концепция, обосновывающая необходимость преодоления «неизбежного дуализма» общества и государства представлена в труде П. Козловски⁶⁹. Работы Ю. Д. Гранина⁷⁰ и Ю. М. Резника⁷¹ посвящены экспликации концептуально-теоретических и практико-идеологических особенностей осмысления феномена социального государства в России и зарубежом. Перспективы гармоничного взаимодействия государства и общества в современных российских реалиях рассматриваются в работах В. Н. Шевченко, В. С.

⁶⁵ Green T.H. Lectures on the principles of political obligation. Kitchener: Batoche Books, 1999.

⁶⁶ Брэдли Ф. Этические исследования. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2010.

⁶⁷ Spicker P. The Welfare State: A General Theory. L.: Sage, 2000.

⁶⁸ Hazlitt H. Man vs. The Welfare-State. NY: Arlington Press, 1970.

⁶⁹ Козловски П. Общество и государство. Неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998.

⁷⁰ Гранин Ю. Д. Социальное государство в России и мире. Проблемы и перспективы // Журналист. Социальные коммуникации. 2020. No 1(37). С. 102-116; Гранин Ю. Д. Социализация как фактор трансформации европейских государств в XVIII–XX столетиях. М.: «Директ-Медиа», 2022; Социальное государство. Становление и эволюция / Гранин Ю. Д. // Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: ИФ РАН, 2022. – С. 77-113.

⁷¹ Социальное государство и жизненный мир в современном обществе: анализ и оценка результатов исследований / Ю.М. Резник // Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: ИФ РАН, 2022. – С. 114-143; Резник Ю. М. Социальное государство: от несовершенного настоящего к совершенному будущему (опыт критической рефлексии) // European journal of philosophical research. 2019. Vol. 6 (1). – P. 77-93; Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (рефлексивно-критический анализ) / Резник Ю. М. // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты : Коллективная монография / Л. А. Беляева, Ю. Д. Гранин, Н. А. Касавина [и др.] ; Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. – СПб.: «Реноме», 2019. С. 92-116.

Спиридоновой и Р. И. Соколовой⁷².

Объект исследования – социально-философские и конкретно-научные концепции взаимодействия государства и общества.

Предмет исследования – различные стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, представленные в классической социально-философской мысли и современной социальной теории.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – анализ концептуально-теоретических оснований, методологических принципов построения и практической значимости основных стратегий взаимодействия государства и общества, представленных в классической социально-философской мысли и современной социальной теории.

Задачи исследования:

- 1) Эксплицировать парадигмальные характеристики основных стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества, представленных в классической социально-философской мысли и современной социальной теории;
- 2) Проанализировать динамику концептуально-теоретических представлений о взаимодействии государства и общества в социальной философии и современной социальной теории в оптике конкуренции основных стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества;
- 3) Выявить влияние различных стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества на теоретико-методологические основания современных концепций социополитогенеза;

⁷² Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2013; Шевченко, В.Н. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально философские аспекты [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Г. Буров; Отв. ред.: В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова. – М.: ИФ РАН, 2015. Соколова Р. И, Спиридонова В. И. Государство в современном мире. – М.: ИФ РАН, 2003.

- 4) Раскрыть основные принципы организации взаимодействия государства и общества во взаимосвязи с типологией человеческих потребностей и интересов;
- 5) Рассмотреть особенности интерпретации взаимодействия государства и общества в контексте актуальной практики современного социального государства.

Рабочая гипотеза исследования

Предполагается, что важнейшим фактором развития как социально-философской мысли, практически с самого начала её формирования, так и современной социальной науки, была и остаётся идейно-теоретическая конкуренция различных стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества. Эти стратегии исходят из принципиально противоположных представлений о генезисе, сущности и принципах взаимодействия государства и общества, и формируются в контексте различных мировоззренческих и идеологических предпочтений, в свою очередь оказывая непосредственное влияние на формирование противостоящих мировоззренческих установок.

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. В результате анализа классической социально-философской мысли и современной социальной теории эксплицированы две основные стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества: интегративная и конфликтная;
2. Развитие концептуально-теоретических представлений о взаимодействии государства и общества в социальной философии и современной социальной теории было проанализировано сквозь призму конкуренции интегративной и конфликтной стратегий взаимодействия государства и

- общества;
3. Показано влияние различных стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества на формирование теоретико-методологических оснований современных концепций социополитогенеза и их практических проекций;
 4. Раскрыты основные принципы организации взаимодействия государства и общества в их взаимосвязи с потребностями и интересами индивида;
 5. Рассмотрена актуальная политическая практика современного социального государства в аспекте её соответствия основополагающим принципам различных стратегий взаимодействия государства и общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость заключается в: а) введении в область социальной философии принципиально новых моделей концептуально-теоретического анализа специфики взаимодействия государства и общества; б) критическом переосмыслении наиболее влиятельных в современной науке концепций, интерпретирующих специфику взаимодействия государства и общества; в) экспликации сущностных характеристик двух основных стратегий взаимодействия государства и общества и рассмотрение этих стратегий в системном единстве; г) социально-философском синтезе различных представлений о потребностях и интересах индивида как важнейших факторах, определяющих специфику взаимодействия государства и общества; д) сопоставлении ключевых концептуально-теоретических постулатов основных стратегий взаимодействия государства и общества с реальной практикой современного социального государства.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в качестве концептуально-теоретической базы для определения потенциальной эффективности различных стратегий государственной социальной политики РФ. Материалы диссертации, положения и выводы, в ней сформулированные, нашли

практическое применение в научно-педагогической деятельности диссертанта на кафедре социальной философии РУДН им. Патриса Лумумбы. Результаты исследования были также использованы при подготовке рабочей программы учебной дисциплины вариативной элективной части (профессиональная дисциплина по выбору) основной образовательной магистерской программы по направлению подготовки «Моделирование социокультурных процессов» – «Стратегии взаимодействия государства и общества: социально-философский анализ». Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве учебно-методических материалов при разработке базовых и специальных курсов в рамках направлений «Философия», «Политология», «Социология».

Методологическая основа исследования

В качестве методологической основы исследования используется субстанциально-деятельностный подход, позволяющий проанализировать сущность государства и общества и раскрыть характер и специфику их взаимодействия как важнейшей составляющей социального взаимодействия в целом. В рамках данного подхода обосновывается, что субъектами деятельности выступают исключительно индивиды, а общество и государство, есть лишь её организационные формы. В трактовке общества как всеобщей организационной формы совместной деятельности людей, необходимой для удовлетворения их потребностей, мы исходим из его понимания, предложенного К. Х. Момджяном⁷³. Государство, согласно этому подходу, представляет собой особую форму социально-политической организации жизни общества, призванную координировать социальное взаимодействие посредством различных правительственных органов, а также полиции, армии и т.д. Такое понимание государства позволяет трактовать его в качестве важнейшего социального института, главной функцией которого является

⁷³ См. например: Момджян К. Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 18–28.

поддержание структурной целостности общества, социально-политического и административного единства последнего.

При рассмотрении различных концепций взаимодействия государства и общества мы обращаемся также к методам концептуального и сравнительного анализа и методам классификации и периодизации. Концептуализация различных стратегий взаимодействия государства и общества предполагает, как использование этих методов, так и обязательное применение системного подхода. При изучении современных практик взаимодействия гражданского общества и государства используются методы структурно-функционального анализа и исторический.

Положения, выносимые на защиту:

1. На формирование и развитие как классической социально-философской мысли, так и современной социальной теории, существенное влияние оказала идейно-теоретическая и методологическая конкуренция интегративной и конфликтной стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества.
2. Становление интегративной стратегии связано с социально-философскими учениями Платона и Аристотеля и философией Г. В. Ф. Гегеля. Ключевые принципы конфликтной стратегии выкристаллизовывались, прежде всего, в теориях общественного договора Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Дальнейшее развитие конфликтной стратегии происходило в рамках социологической теории, возникновение которой в качестве *новой науки* об обществе и обуславливалось в значительной степени стремлением к диверсификации концептуально-теоретического обоснования этой стратегии взаимодействия государства и общества, ставшей, начиная с середины XIX века, доминирующей в социальной науке.
3. Важнейшими концептуально-теоретическими особенностями интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и

общества является, во-первых, обоснование объективной необходимости системной интеграции государственных и общественных институтов как важнейшего условия удовлетворения потребностей и интересов индивидов; и, во-вторых, представление о субординационной взаимосвязи индивида, общества и государства, с утверждением положительного значения активного государственного участия в жизни человека и общества.

4. Ключевым постулатом конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества является представление государства в качестве искусственного образования, существование которого не отвечает потребностям большинства индивидов. Ещё одним принципиальным положением этой стратегии является утверждение конфликтного характера социального взаимодействия как такового, дальнейшим следствием чего становится более или менее явное наделение различных социальных групп и институтов признаками субъектности, что, в свою очередь, позволяет концептуализировать дискурс о «конflikте интересов» государства и общества, человека и государства и т. п.
5. Тезис о том, что взаимодействие государства и общества носит сущностно конфликтный характер не находит объективного подтверждения в современной социальной науке, в частности, в политантропологии, эмпирической психологии и теории потребностей. Напротив, полученные в них эмпирические данные и обобщения говорят о том, что системно организованное интегративное взаимодействие государства и общества является необходимым условием удовлетворения потребностей индивида и влияет не только на качество, но и на сам факт его жизни.
6. Анализ современной практики организации взаимодействия гражданского общества и социального государства в развитых странах, позволяет сделать вывод о том, что она строится на концептуально-теоретическом основании, главным образом, интегративной стратегии интерпретации взаимодействия

государства и общества, что свидетельствует о её практической востребованности в условиях современного общественного развития.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность полученных результатов достигается автором за счёт ясности и обоснованности методологической базы исследования, которая позволяет привлекать обширный историко-философский материал, а также наиболее влиятельные современные социально-политические теории и концепции для верификации основной гипотезы исследования и положений, вынесенных на защиту.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Основные положения и выводы исследования были изложены в 5-х научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова:

I. Публикации в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI:

1. Голубев И. С. Субординатизм индивида, общества и государства в социальной философии британского идеализма // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2022. № 4. С. 87–102. (RSCI, импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,365/0,178).
2. Голубев И. С. Государство как форма репрезентации потребностей и интересов индивида // Философия и общество. 2022. №3 (104) С. 56–71. (RSCI, импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,402/0,523).

II. Публикации в журналах, включенных в Список рецензируемых

**научных изданий по философским наукам, утвержденный решением
Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:**

3. Голубев И. С. Синкретизм общества и государства в теории общественного договора Т. Гоббса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Т.23. №3. С.258-261. (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,484/0,485).
4. Голубев И. С. Теоретико-методологические аспекты проблемы раннего государства: социально-философский анализ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23. № 3. С.100-107. DOI: 10.37482/2687-1505-V258. (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,367/0,455).
5. Голубев И. С. Понятие государства в политической теории Макса Вебера: социально-философский анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 120–124. (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,239/0,295).

Апробация полученных результатов исследования происходила на 9 конференциях всероссийского и международного уровней: XXVII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2020» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 10-27 ноября 2020); XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2021» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12-23 апреля 2021); Конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска», организуемая Советом молодых ученых философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 6-10 декабря 2021); Всероссийская научная конференция «Философия перед лицом новых цивилизационных вызовов» (Москва, МГУ, 4-5 февраля 2022); XXIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых

ученых «Ломоносов – 2022» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 11-22 апреля 2022); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Человек и общество в контексте современности» (Москва, Российский Университет Дружбы Народов, 15 марта 2023); Международная научная конференция «II Мироновские чтения» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 4-5 апреля 2022); XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2023» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 10-21 апреля 2023); Всероссийская конференция с международным участием «Концептуализация понятия "современность" в социальной философии» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 19 сентября 2023).

Структура работы

Структура работы соответствует логике решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трёх глав, поделенных на 8 параграфов, заключения и списка литературы.

Глава 1. Формирование и развитие альтернативных стратегий взаимодействия государства и общества

1.1. Становление интегративной стратегии взаимодействия государства и общества

Исследование взаимодействия государства и общества, в силу масштабности и сложности своего предмета, сталкивается с немалыми концептуальными и теоретико-методологическими трудностями. И не только вследствие того очевидного обстоятельства, что это взаимодействие в реальной социальной практике оказывает значительное влияние на самые разные, вообще говоря, едва ли не на все аспекты общественной жизни, что уже, само по себе, не может не делать достаточно полное и всестороннее его описание весьма и весьма проблематичным. Но эта проблематичность, – так сказать, практического, эмпирического свойства. Не меньшие трудности при изучении этого взаимодействия обусловлены, возникающими уже с самого начала его описания аналитическими и теоретическими проблемами, носящими принципиальный характер. Прежде всего, необходимо отметить, что в современной социальной науке не выработано не только единого, но и, хотя бы признаваемого значительным большинством исследователей, общезначимого определения ни того, что такое государство, ни того, что такое общество. Более того, не сформирован даже сколько-нибудь общий принципиальный подход к пониманию сущности этих фундаментальных социальных феноменов, не говоря уже об общем подходе к пониманию характера и принципов их функционирования и взаимодействия.

Показательна, в этой связи, точка зрения одного из самых авторитетных современных социологов Э. Гидденса, который отмечает, что сегодня в научном дискурсе «термин государство является весьма неопределённым», и, что «адекватная теория традиционных или современных государств не может походить на большинство теорий, господствующих в литературе наших

дней»⁷⁴. А ещё один весьма авторитетный социальный теоретик П. Бурдьё, высказался на эту тему (в первой лекции своего знаменитого курса «О государстве»), пожалуй, ещё более резко: «чем больше я продвигаюсь в своей работе, посвященной государству, тем больше я убеждаюсь, что особая сложность попытки помыслить этот предмет объясняется тем, что он является – и я знаю, что говорю, – практически немислимым»⁷⁵. Далее, характеризуя сложность анализа феномена государства, он замечает: «Как только начинаешь работать с каким-либо предметом социального мира, обязательно столкнешься с государством и его эффектами, даже если не искал их» и называет государство «таинственной сущностью»⁷⁶.

Не менее «таинственной сущностью» для современной социальной науки оказывается и феномен общества. В этом отношении, показательны принципиальные замечания Н. Лумана, создателя, пожалуй, самого капитального, как по объёму, так и по теоретической проработанности труда, посвящённого анализу-«самоописанию» общества. Начиная своё исследование, он констатирует, что на сегодняшний день в науке «со словом общество не связано однозначного представления» и отмечает, что «до сих пор социология «...» не могла предложить никакой сколько-нибудь удовлетворительной теории общества»⁷⁷. И далее следуют не менее резкие оценки: «вот уже примерно сто лет в общественной теории социология не сделала никаких успехов достойных упоминания» и социологическая теория «высказывается о современном обществе лишь в импрессионистской, более или менее фельетонной её форме»⁷⁸. Ещё один крупнейший социальный теоретик И. Валлерстайн называет понятие «общество» одним из двух «самых

⁷⁴ Гидденс Э. Устройство общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический проект, 2002. С. 439.

⁷⁵ Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989- 1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 49.

⁷⁶ Там же. С. 67.

⁷⁷ Луман Н. Общество общества. Т. 1. М.: Логос, 2011. С. 17, 18.

⁷⁸ Там же, с. 20, 21.

двусмысленных, самых обманчивых понятий социологического лексикона»⁷⁹. А известный исследователь Н. Элиас обращает внимание на практически полную погружённость понятия «общество» в идеологический дискурс и обусловленную этим фактическую утрату им объективно-содержательной определённости. Он пишет, что «в настоящее время такие простые слова как индивид, общество «...» и все производные от них, став идеологическим оружием в борьбе за власть, столь переполнены аффектами, что выделить ядро фактов из всей этой мешанины желаний и страхов, борющихся друг с другом людей, оказывается трудной задачей»⁸⁰.

О неизбежности значительного влияния идеологических установок на исследование происхождения и сущности государства и его роли в жизни общества, можно, наверное, и не говорить специально, – эта проблематика, по самой своей природе, не может, очевидно, не попадать в поле высокого идеологического напряжения. Мы лишь назовём некоторые, претендующие на статус научных, и достаточно влиятельные сегодня, теории государства, которые, как представляется, служат ярким примером фактического замещения научного дискурса идеологическим. Это, показательные уже по своей основополагающей идее-концепции, теории государства как «организованной преступности» американского политолога, социолога и историка, исследующего, как раз, взаимодействие государства и общества Ч. Тилли⁸¹, и государства как «осёдлого (стационарного) бандита» американского же социального теоретика М. Олсона⁸², который отождествляет государство с группой бандитов обирающей подчиненное население, либо путём прямого грабежа, либо посредством сбора налогов («разумный оседлый бандит»).

⁷⁹ Валлерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 77.

⁸⁰ Элиас Н. Общество индивидов М.: Праксис, 2001. С. 122.

⁸¹ Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime / Bringing the State Back // edited by Peter Evans, Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 169–191.

⁸² См. например: Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагнация и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013; Олсон М. Диктатура, демократия и развитие / Экономическая политика. 2010. № 1. С.167-183.

Идеологическая нагруженность многих исследований государства и общества является, очевидно, ещё одним весомым и трудно устранимым фактором, усложняющим объективный научный анализ их взаимоотношений. Ясно, однако, что, поскольку такой анализ имеет, без преувеличения огромное практическое и теоретическое значение, он всегда будет находиться в фокусе внимания исследователей. В свою очередь, мы, анализируя основные исследовательские стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, не претендуем на выработку и обоснование собственных определений этих феноменов, и исходим из общепринятого, как в обыденном словоупотреблении, так и в научном дискурсе их понятийного разделения, что никоим образом не означает, что государство понимается как некий существующий отдельно от общества феномен. В методологической дилемме индивидуализма и коллективизма, мы на стороне умеренного методологического индивидуализма* и не считаем, что государство (как, собственно, и общество) может быть субъектом деятельности в каком-либо отношении, соглашаясь в принципе, с преобладающим в современной науке представлением, что государство – это часть общества, точнее, формирующийся на определённом этапе общественно-исторического развития, орган-подсистема управления общества в целом.

Вместе с тем мы исходим из того, что государство, в сущности своей, вряд ли может быть понято, как только политический институт. И дело даже не в неопределённости самого понятия «институт». Думается, более правильным было бы сказать, что государство вообще, – это не просто институт, не учреждение, а институционализованный форма социально-политической организации развитого, имеющего сложно дифференцированную социальную структуру общества. Используя

* В понимании методологического индивидуализма и его разновидностей мы придерживаемся подхода, предложенного К. Х. Момджяном. См. например: Момджян К. Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии. 2023. Т. № 4. С. 18–28, в особенности с. 25–27.

терминологию Г. В. Ф. Гегеля, можно определить государство как формирующуюся в обществе системную совокупность институтов, посредством которых обеспечивается реализация всеобщих интересов индивида. Что же касается характеристики взаимосвязи государства и общества, то представляется вполне справедливым утверждение А. А. Зиновьева, который считает, что описание социальной организации общества надо начинать со «сферы государственности», так как «определение прочих сфер как специфичных обществу предполагает государство и не может быть логически корректно определено без ссылки на него»⁸³.

В современной социальной науке, однако, широко распространён и такой подход, в рамках которого государство противопоставляется обществу, а их взаимодействие рассматривается в конфронтационном ракурсе. В придерживающихся такого подхода концепциях, главной «порождающей» функцией государства считается принуждение, ограничивающее свободу общества и возможности реализации интересов индивида. Как правило, им также присуща настойчивая актуализация темы закономерного «конфликта интересов» государства и общества. Очевидно, что подобные установки не свободны от идеологических коннотаций. Не менее очевидно должно быть и то, что реальное преодоление этих последних, и действительно всестороннее, достаточно полное и объективное рассмотрение различных подходов-стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества, вряд ли возможно, особенно на фоне отмеченных выше нерешённых концептуально-теоретических проблем, без обращения к всестороннему социально-философскому анализу этих стратегий, и, в частности, к историко-философскому контексту их формирования.

Как известно, исторически первая и оказавшая, наверное, наибольшее влияние на последующее развитие социально-философской мысли, концепция

⁸³ Зиновьев А. А. Логическая социология. М.: Канон-плюс, 2023. С. 142.

общественно-государственного устройства была разработана Платоном. Однако, при всей влиятельности его учения, в современной социальной науке признаётся, что «как социальный философ, Платон изучен ещё далеко не достаточно»⁸⁴. Такое положение дел кажется особенно парадоксальным, если принять во внимание, что именно диалог «Государство», как раз и посвящённый социально-философской, политико-философской проблематике считается ключевым произведением античного философа, своего рода «*conditio sine qua non* понимания всех остальных платоновских диалогов»⁸⁵.

Понимание «Государства» как, в первую очередь, социально-философского произведения вытекает из специфики античной политической культуры. Известно, что полис в представлении древних греков являлся естественно обусловленной, необходимой формой существования общества и человека, а не был только способом социально-политической организации, в современном смысле этого понятия. Для античной культуры было характерно понимание сущности полиса как устроенной по общекосмическим законам формы жизни людей, нацеленной на реализацию справедливости и достижение благой жизни, что имело не только важнейшее мировоззренческое, но и немалое непосредственно политическое значение. Важнейшим практическим обстоятельством и, одновременно, моральным аргументом в пользу полисной жизни служила невозможность организации общества на началах справедливости вне его пределов. На существенную роль этого обстоятельства указывали многие современные исследователи; так, Х. Арндт, например, отмечала, что «за стенами полиса, а, значит, и за пределами сферы политики, как её понимали греки, “сильные делали, что могли, а слабые страдали, как им должно”»⁸⁶. Закономерно поэтому, что социально-политическая теория Платона находится в прямой связи с его

⁸⁴ Сапов В. В. Генезис и структура социальной утопии Платона / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 27.

⁸⁵ Бугай Д. В. Единство платоновского «Государства». М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. С. 43.

⁸⁶ Арндт Х. О. революции. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 7.

гносеологическим и этическим учениями, а его теоретические рассуждения о благе и справедливости, раскрывают и практические «рецепты» установления правильного (т.е. справедливого и благого) общественно-государственного устройства.

Анализ платоновской концепции происхождения и сущности государства и общества, позволяет выделить несколько принципиальных для неё концептуально-теоретических положений. Во-первых, то, что изначально государство неотлично от общества⁸⁷, и возникновение государства совпадает с «началом общества»: «Люди собираются воедино, – говорит Платон, – чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства»⁸⁸. Во-вторых, Платон полагает, что возникновение полиса обусловлено, прежде всего, естественными, *закономерными* причинами, которые, и привели людей к необходимости «обитать сообща». В основании любых форм «совместного поселения» людей, помимо естественно-природных причин лежит также и *естественная логика*, разумное начало в человеке, говорящее, что объединение с себе подобными повышает возможности индивида, в одиночку не располагающего всем необходимым для удовлетворения собственных потребностей. В силу этого, античный философ и «привязывает» возникновение государства-общества к потребностям индивида: «Как видно, его [государство] создают наши потребности»⁸⁹. Как отмечает в этой связи О. А. Коновалова, «потребности в теории Платона – это и важный фактор становления и формирования государства, его строя, и “начало общества”»⁹⁰ и добавляет, что «потребности не только “создают” государство, но и обуславливают его дальнейшее развитие; определяют социальную структуру

⁸⁷ На что указывает, в частности, В. В. Сапов. См. Генезис и структура социальной утопии Платона / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 28.

⁸⁸ Платон. Соб. соч. в 4-х тт. Т.3. М.: Мысль, 1994. С. 130.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Коновалова О. А. Учение о потребностях в «Государстве» Платона // Философские науки. 2007. №2. С. 125.

общества»⁹¹.

Необходимо отметить также, что Платон не сводит сущность государственного устройства к форме удовлетворения природно обусловленных, сугубо «материальных» потребностей индивида, – это было бы отказом от высшей, целевой причины существования полиса как такового. Дело в том, что присущее, по убеждению греков, каждому человеку стремление к справедливой и благой жизни, очевидно, не может быть реализовано в условиях депривации витальных потребностей, поэтому необходимость их удовлетворения, согласно автору «Государства», закономерно оказывается естественно-необходимым первым шагом к общественно-государственному устройству жизни людей. Поэтому, у Платона, возникновение государства и общества и обусловлено, в первую очередь, естественными, в известном смысле, «материальными» причинами. В то же время, он показывает, что именно полис как тип социально-политической организации общественной жизни делает возможным реализацию как базовых, так и высших духовных потребностей индивида – в справедливости и благе. А значение справедливости для человека и общества в учении Платона трудно переоценить: «Ведь несправедливость вызывает раздоры, ненависть, междоусобицы, а справедливость – единодушие и дружбу»⁹². В силу этого стремление людей к справедливости по убеждению античного философа проистекает из естественного для человека стремления к благу и, в этом смысле, также является естественным. Поэтому необходимость реализации духовных потребностей человека, является столь же необходимым основанием полиса, такой же естественной причиной его возникновения в качестве особой формы организации совместной жизнедеятельности людей, как и необходимость удовлетворения их биологических нужд. И рассматривая в «Государстве» различные формы общественно-государственного

⁹¹ Там же.

⁹² Платон. Там же, с.111.

устройства, Платон стремится показать, что именно то или иное отношение к принципу справедливости обуславливает их различия, делает более или менее «правильными». Описанию того, как движение от наилучшего к наихудшему варианту общественно-государственного устройства сопровождается уменьшением справедливости, посвящено, как известно, немало места в его главном социально-философском труде.

С необходимостью реализации справедливости связано и то, что одним из характерных признаков правильно устроенного полиса Платон считает существование достаточно дифференцированной системы общественного разделения труда. В её основе лежит идея о том, что «каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что *нужно в государстве*, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен... *заниматься своим делом* и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость»⁹³. То есть, – и это принципиально важный момент: согласно автору «Государства», необходимость разделения труда обусловлена не только а, может быть, и не столько, соображениями «экономической эффективности», сколько именно нравственными, идеальными причинами. Устроенная в соответствии с идеей справедливости система *общественного* разделения труда олицетворяет определённый социально-политический порядок, регламентирующий формы удовлетворения потребностей людей. Согласно Платону, установление справедливого социального порядка имеет, прежде всего, именно нравственное, даже непосредственно воспитательное значение, направленное на устранение самой возможности массового распространения асоциального поведения, т.к. подразумевает существование такой системы общественного разделения труда, которая позволяет использовать способности отдельного индивида наиболее выгодным, как для него самого, так и для окружающих,

⁹³ Платон. Там же, с. 205.

способом.

Таким образом, существование неразрывной связи между справедливостью и полисной формой организации жизни людей, утверждение необходимости идеального основания для государственного устройства как такового является ещё одной важнейшей концептуально-теоретической установкой учения Платона. Перефразируя слова А. Ф. Лосева о том, что «Идея» античного философа «насквозь социальна, а его социальность насквозь “идеальна”»⁹⁴, можно сказать, что и государство Платона оказывается «насквозь справедливым» в той же мере, в какой справедливость в представлении античного философа «насквозь государственна», – т. е. как таковая может существовать только в условиях полисной организации жизни людей. Показательно в этом отношении замечание Д. В. Бугая, что «в трактовке справедливости как естественного разделения труда Платон находит, так сказать, архимедову точку опоры, которая позволит противостоять любому моральному и политическому релятивизму, объявляющему социальную и нравственную жизнь человека чем-то условным и искусственным, вторичным и основанным лишь на соглашениях и договорах»⁹⁵.

В русле этого платоновского понимания взаимосвязи государства и общества движется и мысль Аристотеля, который несмотря на известные расхождения со своим учителем, в собственном политическом учении, в целом, исходит из схожих, если не сказать, аналогичных концептуально-теоретических предпосылок. И хотя в современной социальной науке доминирует интенция на противопоставление политических доктрин этих великих мыслителей, следует особо подчеркнуть, что и «социальный утопизм» Платона, и «реальная политика» Аристотеля преследуют, в принципе, общую цель. Она заключается в концептуально-теоретическом

⁹⁴ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 573.

⁹⁵ Бугай Д. В. Единство платоновского государства. М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. С. 196.

обосновании полисного государственного устройства, как необходимой формы организации совместной жизни людей, которая наилучшим образом способствует развитию природы человека, посредством установления справедливой системы распределения благ для удовлетворения индивидуальных потребностей.

На принципиальное сходство политических учений двух мыслителей указывает, в частности, А. И. Доватур, который отмечает, что «теоретическое построение идеального полиса – конечная задача, которую ставит перед собой Аристотель в «Политике»⁹⁶, – что, как известно, совпадает с задачей, которую ставил перед собой и Платон. А шведский исследователь Э. Тигерстедт и вовсе полагает, что «собственная критика Аристотелем платоновских политических теорий, зачастую вводящая в заблуждение и несправедливая, а также пренебрежение позднейшими платоновскими работами были одной из причин, почему сравнительно до недавнего времени ученые не понимали, до какой степени Аристотель строил свое учение на фундаменте, воздвигнутом его предшественником, вплоть до того, что на самом деле можно говорить об единой платоновско-аристотелевской политической теории»⁹⁷.

Подтверждением принципиального единства политических учений Платона и Аристотеля может служить и совпадение их взглядов на проблему взаимосвязи государства и общества. Аристотель, как и Платон, отождествляет государство и общество, что совершенно недвусмысленно выражено в «Политике»: «общество, состоящее из нескольких селений есть вполне завершенное государство, достигшее в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни»⁹⁸. И можно только согласиться со словами Ю. Н. Давыдова, который отмечал, что «то, что Аристотель называет “полисом”, а в наших переводах обозначается словом

⁹⁶ Доватур А. И. Политика Аристотеля / Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 38.

⁹⁷ Цит. по Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1989. С. 182

⁹⁸ Аристотель. Сочинения. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 378.

“государство”, на самом деле мыслится им в качестве общества как такового»⁹⁹.

Так же высоко, как и Платон, оценивает Аристотель значение потребностей человека, стремление к удовлетворению которых является естественным и потому необходимым фактором возникновения общественно-государственного устройства жизни людей. Полисное устройство социальной жизни представляет собой, по его словам, «продукт естественного возникновения, как и первичные общения»¹⁰⁰. Сама природа, утверждает он, «вселила [в человека] стремление к государственному общению»¹⁰¹. В его представлении, к полисной форме жизни может быть не склонен только такой человек, который либо не осознаёт собственной пользы в совместном поселении, преследуя лишь глубоко эгоистические цели, либо тот, кто изначально, *от природы*, не знает никакой нужды и не имеет никаких потребностей.

Говоря о значении потребностей в социально-политическом учении Аристотеля, нельзя не отметить также и раскрывающееся в нём существенно новое представление о роли общения как естественно обусловленной формы взаимодействия, *коммуникации* людей. Наличие природной потребности в общении понимается Аристотелем в качестве характерного видоспецифического признака человека как *полисного* существа и, одновременно, важнейшего основания государства-общества как такового. Эту мысль он выражает в одном из самых известных мест «Политики», когда отмечает, что только человеческая речь «способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и

⁹⁹ Давыдов Ю. Н. Социальная философия Аристотеля от «Этики» к «Политике» / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 59.

¹⁰⁰ Аристотель. Указ соч. С. 378.

¹⁰¹ Аристотель. Там же, с.379.

создает основу семьи и государства»¹⁰². Аристотель, очевидно, не случайно обращает внимание на факт биологической предрасположенности индивида к вербальной коммуникации и на его способность к её оформлению в знаково-символической форме, – тем самым, он ещё раз подчёркивает естественное происхождение государства-общества и его глубинную, природную взаимосвязь с человеком. На эту особенность аристотелевского понимания взаимосвязи полиса и человека обратил внимание В. Дильтей, отметивший, что в социально-политической теории античного мыслителя полис «представляет собой не продукт человеческого произвола, а систему, основы которой заложены в *телесной природе человека*, в “фюсис”»¹⁰³.

Принципиальное сходство представлений Платона и Аристотеля о происхождении и сущности государства и общества прослеживается, наконец, и в разделяемом двумя мыслителями понимании принципа справедливости как основы социально-политической организации жизни людей. Полис не возникает в готовом виде – первичной формой организации совместного поселения людей Аристотель считает семью. Следующей, более развитой формой, является селение, объединение селений, в свою очередь, приводит к возникновению наиболее совершенной формы общения – полиса. Его совершенство заключается, прежде всего, в том, что целевая причина существования этого типа устройства совместной жизни людей, – в этом Аристотель совершенно согласен с Платоном, – не исчерпывается необходимостью удовлетворения базовых потребностей, но обуславливается также и стремлением к благу, которое понимается Аристотелем как высшая духовная потребность человека. Другими словами, именно и только в полисе становится возможным такое справедливое устройство совместной жизни людей, которое говоря на языке, современной социальной теории,

¹⁰² Аристотель. Указ соч., с.379.

¹⁰³ Дильтей В. Введение в науки о духе. Т. 1 М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 520.

способствует регулярному и интенсивному производству расширяющегося спектра возможностей для удовлетворения индивидуальных потребностей.

Важно отметить, что на уровне семьи и «селения» некоторые, наиболее развитые, («высшие», в терминологии А. Маслоу), потребности человека в принципе не могут быть реализованы. Причина этого заключается в том, что существование предшествовавших полису форм общения обуславливалось, прежде всего, необходимостью удовлетворения первичных потребностей человека и, соответственно, не выходило за их рамки. В то же время, закономерным результатом развития этих форм стало усложнение структуры потребностей человека, вследствие чего открылись ранее недоступные, прежде «неинтересные» нужды и способы их реализации¹⁰⁴. И только полис, являясь высшей формой общественно-государственного устройства, потому и достигает «самодовлеющего состояния», что возникает не только «ради потребностей жизни», но также «ради достижения благой жизни». Иными словами, он представляет собой такую форму организации совместной жизни людей, которая наилучшим образом сочетает в себе возможности удовлетворения и низших физиологических, и высших духовных потребностей человека, что только и позволяет последнему рассчитывать на полноценную самореализацию.

Не менее важным, в этой связи, оказывается и то обстоятельство, что отождествление государства и общества для античной социально-философской мысли, в целом, было само собой разумеющимся. Этой позиции придерживались не только Платон и Аристотель, но и, например, киники, которые по всем другим пунктам резко критиковали их теории. Существенной концептуальной особенностью кинической философии была принципиально асоциальная, т. е. не только антигосударственная, но именно и

¹⁰⁴ Следует особо подчеркнуть, что речь идёт не о возникновении принципиально новых потребностей, но об открытии ранее не-необходимых, закрытых и потому неизвестных нужд (то же самое касается и эволюции способов восполнения последних). Мы разделяем точку зрения К. Х. Момджяна, который отмечает, что «никаких новых потребностей возникнуть не может, поскольку потребности ставшего человека исторически неизменны». Подробнее об этом см.: Момджян К. Х. О «разумных» и «неразумных» потребностях человека // Научные труды вольного экономического общества. 2020. Т. 223. С. 548.

антиобщественная направленность. Ещё А. Ф. Лосев, анализируя социальное учение киников, отмечал присущий ему «антиобщественный индивидуализм»¹⁰⁵. Лишнее подтверждение этому, – и, мягко говоря, эпатажные антисоциальные выходки знаменитого Диогена, которые оставили большой след в истории, чем его собственно философское учение. Эти одиозные проявления, очевидно, должны были служить практическим выражением его социального учения, – принципиально антиполисного, т.е. антигосударственного и, в то же время, антиобщественного. Как справедливо отмечает Л. С. Мамут: «полное неприятие киниками «...» государства, политических институтов и норм – часть их отрицания вообще всей *социальной культуры* (курсив наш – И. Г.) как явления, которое, по понятиям киников, враждебно человеку, поработывает и губит его»¹⁰⁶.

Согласно кинизму, существование полиса, не отвечало реальным потребностям индивида, главным образом, в силу искусственного и, в этом смысле, антиприродного происхождения этой формы социально-политической организации жизни людей. Более того, в киническом учении, явным образом отрицается идея полиса как воплощающей справедливость формы организации совместной жизни людей – «законы государства» здесь противопоставляются «законам природы», поскольку именно «государство и его законы разрушили природное равенство, естественное счастье людей»¹⁰⁷. Всё это позволяет утверждать, что в кинической философии «нет места самому политическому, государственности (пусть даже идеальной)»¹⁰⁸, а, значит, и общественности, в их классическом античном понимании. Это ещё раз демонстрирует, что характерной чертой античного мышления было синонимичное восприятие понятий «справедливое государственное устройство» и «идеальный социальный порядок», что, как считает Ю. Н. Давыдов, свидетельствует об отсутствии «теоретически артикулированного

¹⁰⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. С. 123.

¹⁰⁶ Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М.: Наука, 1989. С. 47.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, с. 48

различения общества и государства»¹⁰⁹. А в специальном исследовании, посвящённом предыстории социальной науки в Античности, он формулирует общий вывод, что «на протяжении длительного периода эволюции античной социально-философской мысли знание об обществе, в целом имевшее скорее теоретический, чем эмпирический характер, «...» фактически идентифицировалось со знанием о государстве, его законах, а также обычаях и нормах поведения людей»¹¹⁰.

Таким образом, говоря об античной парадигме понимания взаимосвязи государства и общества, можно утверждать, что её характернейшей особенностью было отождествление этих феноменов, само собой разумеющееся для всех без исключения представителей древнегреческой мысли. Анализ, построенных в рамках этой парадигмы, ведущих политических теорий античности, получивших систематическую разработку в учениях Платона и Аристотеля, показывает также, что выработанное ими понимание взаимосвязи государства и общества, включает ещё два принципиальных положения. Первое, – это утверждение естественного закономерного происхождения полиса как необходимой формы удовлетворения потребностей индивида. И второе – утверждение необходимости идейно-нравственного основания для государственного устройства как такового.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в рамках древнегреческой философии, прежде всего, в трудах Платона и Аристотеля была разработана целостная стратегия интерпретации взаимодействия государства и общества. Её основные принципы: интегративность, – т.е. смысловое единство, концептуально-теоретическое отождествление понятий государство и общество; стихийность – возникновение государства и

¹⁰⁹ Давыдов Ю. Н. Генезис понятия общества и политического господства у Платона / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 35.

¹¹⁰ Давыдов Ю. Н. Античная предыстория социальной науки // Философия науки и техники, 2000. С. 160–187.

общества как естественного закономерного результата и необходимого условия удовлетворения потребностей индивида; и неразрывная связь (интеграция) политики и морали – понимание государства, полиса не только как сугубо «организационной», но и как нравственной формы, и условия нравственной жизни индивида. Соответственно, эта платоновско-аристотелевская стратегия, как представляется, может быть названа интегративной.

В завершение нашего анализа античного этапа становления этой стратегии, отметим, что признание потребностей индивида в качестве «движущей причины» возникновения государства и общества, равно как и интегративная интерпретация взаимодействия данных феноменов характерны также и для средневековой социально-философской мысли. Как отмечает Ю. Н. Давыдов: «в последующем (не только в эпоху эллинизма, но и в Средние века) европейская социальная мысль не выходила за рамки, очерченные платоновски-аристотелевским отождествлением общества и государства»¹¹¹. С окончанием эпохи Средневековья закончилось и безусловное доминирование этой стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества в классической философской мысли.

1.2. Политический каркас Модерна: конфликтная стратегия взаимодействия государства и общества

Начало эпохи Нового времени в социальной философии ознаменовалось появлением теорий, в которых, впервые после Античности, специально рассматривалась взаимосвязь государства и общества, – это прежде всего теории Т. Гоббса и Дж. Локка. Они исходили из противоположных средневековым и, существенно отличавшихся от античных, представлений об устройстве социума, и предлагали принципиально иное понимание взаимодействия государства и общества, проистекавшее из характерного для

¹¹¹ Давыдов Ю. Н. Генезис понятия общества и политического господства у Платона / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 36–37.

наступившей эпохи акцента на сугубо «земную» и, что существенно важно, *частную* жизнь человека. Соответственно, одной из главных целей и государства, и общества теперь должно было стать обеспечение личной безопасности. Поскольку сама эта цель уже предполагает постулирование той или иной степени конфликтности как неотъемлемой черты природы индивида, закономерной становится идея контракта между людьми, как своего рода «пакта о ненападении», *общественного договора* между ними, который и был бы направлен, прежде всего, если не исключительно, на минимизацию неизбежно возникающих в процессе социального взаимодействия конфликтов между индивидами.

В этой связи, существенно важно отметить также, что характерное для Античности и Средневековья понимание государства как естественно-закономерным образом возникающего социально-политического феномена и необходимого условия справедливой, *правильной* жизни индивида было «преодолено». Теоретики Модерна, в соответствии с духом времени, должны были интерпретировать государственную форму социальной организации как результат решения индивида, производное человеческой субъективности. Приход этой «субъективности» к господству в мышлении и означал, как показал М. Хайдеггер в «Европейском нигилизме», начало *новой эпохи*, «в которой человек сам собой может обеспечить себя назначением и задачей»¹¹². И думается, не будет большим преувеличением сказать, в аспекте рассматриваемой нами проблематики, что с началом Нового времени человек ещё и «сам собой стал основывать государство». Во всяком случае, закономерно, что руководящей идеей социальной философии Нового времени становится системная разработка концептуально-теоретического обоснования такого понимания государства, которое позволило бы представить его в качестве результата договора между людьми.

¹¹² Хайдеггер М. Европейский нигилизм / Время и бытие. М.: Республика, 1993. С.119.

Впервые в истории мысли попытка реализации этой идеи была предпринята в социальной философии Томаса Гоббса, который осуществил радикальный переворот господствовавших ранее представлений о природе социальности и основаниях государственности, прежде всего с тем, чтобы коренным образом переосмыслить формы взаимосвязи индивида и общества и государства. Успех предложенной им договорной теории происхождения государства, как отмечает Т. Б. Длугач, главным образом, был связан с тем, что английский мыслитель «объяснил возникновение государства естественными причинами, отказавшись от религиозных»¹¹³.

Переходя к анализу его социально-философского учения, следует отметить сохранение идущей от Платона концептуально-теоретической установки на интегративное понимание государства и общества. В научной литературе, посвящённой проблеме генезиса государства у Т. Гоббса, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется тому существенному обстоятельству, что государство и общество в его теории возникают одновременно и фактически отождествляются, а государственность принципиально неотделима от социальности¹¹⁴. Нам же представляется, что эта проблема заслуживает куда большего внимания исследователей, тем более что по верному замечанию И. В. Орловой, «согласно гоббсовской модели, гражданское общество и государство – синонимы»¹¹⁵. Схожих взглядов в этом отношении придерживаются также Дж. Л. Коэн и Э. Арато, которые отмечают, что в теории Т. Гоббса «государство можно было отождествить с общественным благосостоянием (commonwealth) или гражданским/политическим обществом «...», поскольку «власть суверена

¹¹³ Длугач Т. Б. От Левиафана к гражданскому обществу / Историко-философский ежегодник. 2020. Т. 35. С. 82.

¹¹⁴ В частности, Л. С. Мамут во фрагменте своей содержательной работы «Этатизм и анархизм как типы политического сознания», специально посвящённом анализу гоббсовского понимания государства, уделяет этой проблеме буквально несколько фраз. А ещё один известный специалист по Гоббсу, Б. В. Мееровский в монографии, посвящённой жизни и творчеству английского мыслителя, на этот счёт и вовсе не говорит практически ничего.

¹¹⁵ Орлова И. В. Теория гражданского общества: к истории вопроса. Философия и общество. 2006. №2 (43). С. 120.

является единственным гарантом “социальной” связи, между отдельно взятыми людьми, по природе своей асоциальными, но рациональными»¹¹⁶.

И действительно, в договорной теории Т. Гоббса, как и в учениях Платона и Аристотеля, «начало государства» есть, в то же время, и начало общества. Ещё до «Левиафана», в работе «О гражданине», Гоббс, характерным образом употребляя понятия «государство» и «общество» в качестве синонимов, поясняет, что возникающее в результате всеобщего соглашения единство и «называется государством, или гражданским обществом, а также гражданским лицом; ибо, поскольку воля всех едина, общество следует рассматривать как одно лицо... Государство (по нашему определению) есть одно лицо, воля которого в силу соглашения многих людей признается волей их всех...»¹¹⁷. Это же интегративное понимание государства и общества сохраняется и в «Левиафане»: «государство есть единое лицо (one person), ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»¹¹⁸. Характеризуя позицию Гоббса в этом отношении, Ю. Н. Давыдов отмечает, что, в целом, «Гоббс не мыслит никакого различия государства и общества, которое могло бы раздвоить единый принцип образования того и другого (в одном и том же акте)»¹¹⁹.

Таким образом, социальность в представлении английского мыслителя принципиально неотделима от государственности и, развиваемое им в «Левиафане» социально-политическое учение исходит из этого самоочевидного, с его точки зрения, факта. Этот синкретизм общества и государства тем более необходим, что изначальная сущностная

¹¹⁶ Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. С. 136.

¹¹⁷ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 1. С. 331.

¹¹⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 135.

¹¹⁹ Давыдов Ю. Н. Социальная мысль в контексте общенаучных программ XVII-XVIII вв. / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 134.

конфликтогенность взаимодействия индивидов, которую постулирует Т. Гоббс, очевидно, может быть преодолена, точнее, минимизирована, *введена в определённые рамки*, только в том случае, если одновременно с *созданием общества* в нём будет учреждена верховная власть (*суверена*), располагающая инструментами («аппаратом») принуждения. Поскольку предметом договора между индивидами, каждый из которых в «естественном состоянии» живёт сам по себе, становится учреждение такой формы организации их совместной жизни, при которой будет безусловно обеспечено прекращение «войны всех против всех», в результате достижения соответствующего соглашения, закономерным образом появляется не «безгосударственное общество», а именно государство, главная цель которого состоит в *регламентировании социально приемлемых* форм поведения людей. Это понимание генезиса и функций государства как формы организации социальной жизни, – ключевой пункт всей социальной философии Гоббса. Её исходный постулат, как отмечает Ю. Н. Давыдов, заключается в том, что «проблема социального порядка мыслилась в принципе неразрешимой без цементирующей функции государственной машины, впервые превращающей аморфную человеческую массу в общественное образование»¹²⁰.

В качестве ещё одной важнейшей характеристики гоббсова понимания сущности и форм взаимосвязи государства и общества, можно отметить также высокую оценку роли потребностей человека как главного фактора «подталкивающего» к заключению «общественного договора» и учреждению государства-общества. Возникающая в результате этого «учредительного акта» государственность-социальность опосредует поведение отдельного индивида и, тем самым, «формально-юридически» закрепляет совершаемый им фактический отказ от произвольного выбора путей удовлетворения собственных потребностей. Взамен, учреждённое государство-общество предоставляет надёжные гарантии обеспечения личной безопасности. Т. Гоббс

¹²⁰ Там же.

даже специально замечает в разных местах «Левиафана», что «Цель государства – главным образом обеспечение безопасности»¹²¹ и, что «Обязанности суверена... определяются той целью, ради которой он был облечен верховной властью, а именно целью обеспечения безопасности народа»¹²². Собственно, можно сказать, что смысл государственности-социальности как таковой, в его представлении, по существу, исчерпывается, обеспечением безопасного существования индивидов. При этом, следует подчеркнуть, что «рост» возможностей государства в его политическом учении означает также и увеличение безопасности для его граждан. Именно поэтому, согласно Т. Гоббсу, власть государства-общества должна быть сколь возможно более полной или даже всеобъемлющей, ведь «государство установлено не ради себя, но ради граждан»¹²³. Причём усиление государственной власти на языке его теории означает, не только улучшение обеспечения безопасности людей, но и, как следствие, расширение их возможностей в удовлетворении индивидуальных потребностей. Поэтому, подчинение власти, согласно Т. Гоббсу, обусловлено не только гражданскими обязанностями людей, но отвечает также их собственным интересам¹²⁴, и усиление власти, как таковое, не приводит «автоматически» к нарастанию конфликта между человеком и «публичной властью».

Характеризуя трактовку потребности индивида в безопасности в политическом учении Т. Гоббса, многие исследователи¹²⁵ обращают внимание на то, что в основе развиваемой им концепции «естественного состояния»

¹²¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 129.

¹²² Там же, с.260.

¹²³ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 1. С. 401.

¹²⁴ Любопытно, что такое понимание необходимости подчинению власти находит своё подтверждение и в современной социальной науке, в частности, в эмпирической психологии. Так, например, известный польский психолог-клиницист К. Обуховский считает, что «потребности в безопасности удовлетворяются не только благодаря собственному защитному и профилактическому поведению, но и через подчинение власти». Обуховский К. Галактика потребностей. СПб: Речь, 2002. С. 55.

¹²⁵ См. например: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006; Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002; Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Территория будущего, 2007.

лежит представление о страхе как, руководящем мотиве поведения человека. Страх понимается автором «Левиафана» предельно широко, как «любое предвидение будущего зла. Я включаю в понятие страха, – пишет он, – не только стремление бежать (от опасности), но и недоверие, подозрение, осторожность, предусмотрительность, позволяющие избежать опасности»¹²⁶. В этом смысле, можно сказать, что страх является доминирующим экзистенциалом человеческого бытия, проистекающим из самой природы человека, сугубо эгоистичной и конфликтной, согласно Гоббсу. Эта эгоистичная, недобрая природа и задаёт, порождающие взаимный страх *стратегические* детерминанты индивидуального поведения. Следует добавить также, что страх в политическом учении Т. Гоббса, как справедливо замечает по этому поводу К. Шмитт, представляет собой «не событие (испуг), но *состояние* [курсив наш – И. Г.], подобно тому, как и война, по Гоббсу, это не битва (событие), но состояние»¹²⁷.

Главная причина, по которой английский мыслитель считает страх фундаментальным поведенческим фактором в «естественном состоянии», заключается в его понимании природы человека. Объективное видение последней, по мнению Т. Гоббса, исходившего из знаменитого *homo homini lupus est*, выявляет ту непреложную истину, что человек по натуре своей более эгоистичен, нежели благочестив, скорее зол, чем добр, и потому не склонен к совместной жизни с себе подобными. Настаивая на этом, автор «Левиафана» решительно порывает со всей предшествовавшей классической социально-философской традицией, прежде всего, с Аристотелем. Его формулировки весьма радикальны и безапелляционны: «Большинство тех, кто писал что-либо о государстве, полагают, предполагают или утверждают, что человек есть животное, от рождения склонное к жизни в обществе, или, как говорят греки, *zoon politikon*. Эта аксиома ложна, несмотря на то что она принимается очень

¹²⁶ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 287–288.

¹²⁷ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 29.

многими людьми, и ошибка произошла из-за слишком поверхностного рассмотрения человеческой природы»¹²⁸.

Столь явно выраженное противопоставление природы человека и государства-общества можно назвать ещё одной принципиальной концептуально-теоретической установкой социально-философского учения Т. Гоббса. В её основании лежит представление о том, что возникающее в акте всеобщего согласия государство-общество (как и государственность-социальность) не является изначальной *естественной* формой существования человека. «Война всех против всех» потому и оказывается у него естественным состоянием жизни людей, что «...человек не является по природе способным к общественной жизни»¹²⁹, и даже более того, – согласно Т. Гоббсу: «...Все люди рождаются неспособными к общественной жизни... Человек становится склонным к общественной жизни не по природе, но вследствие воспитания»¹³⁰. В контрактивистской теории британского мыслителя государство-общество как форма организации совместной жизни индивидов является результатом рукотворной деятельности, – «насквозь *искусственным* [курсив автора – И. Г.] сооружением людей, преодолевающих в нем свое «естественное состояние»¹³¹. Всё это позволяет сделать вывод о том, что государство-общество, по Гоббсу, есть, не что иное, как искусственное учреждение, продукт волевого решения индивидов. «Государство, которое он называет Левиафаном, – пишет Б. Рассел, – это создание искусства и фактически является искусственным человеком»¹³². Оно

¹²⁸ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 1. С. 284–285.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. На страницах «Левиафана» Т. Гоббс много рассуждает о необходимости исправления человеческой природы и о способах борьбы с наиболее дурными её проявлениями (один из выделяемых им естественных законов, например, связан с необходимостью ограничения пьянства), что позволяет «записать» британского мыслителя в провозвестники современной педагогической науки и поставить его в один ряд с Дж. Локком, И. Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, Гельвецием и т.п. Да и в целом, как представляется, тема «Томас Гоббс как воспитатель» заслуживает специального исследования.

¹³¹ Давыдов Ю. Н. Социальная мысль в контексте общенаучных программ XVII-XVIII вв. / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 122.

¹³² Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Книга третья. Философия Нового времени. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. С. 78.

не есть нечто сущностно необходимое, естественно, природно обусловленное, но призвано лишь предотвращать конфликты между своими создателями. Этот «искусственный человек» отделён от морали и нравственности, а его интересы целиком и полностью определяются целями собственного самосохранения.

Резюмируя, отметим, что именно Т. Гоббс впервые предложил системно разработанное теоретическое обоснование искусственного происхождения государства, опирающееся на идею о принципиальной «первичности» индивида и сущностной асоциальности-конфликтности его природы и, соответственно, вторичности-искусственности общественной жизни людей. Тезис об искусственной и конфликтной природе государственно-общественной формы организации жизни людей стал ключевым для политической культуры Модерна, и, будучи, по существу своему *революционным*¹³³, ознаменовал решительный разрыв со всей предшествующей традицией интерпретации взаимосвязи общества и государства, что, в перспективе, не могло не вести к радикальным изменениям как социально-политической теории, так и социально-политической практики.

Дальнейшее обоснование и развитие этого тезиса, его «адаптация» под конкретные политические задачи Новой эпохи были осуществлены Джоном Локком. Несмотря на некоторые расхождения с Т. Гоббсом в трактовке «естественного состояния», он, в целом, придерживается, концептуальных рамок, заданных старшим современником. Характеризуя связь двух учений об общественном договоре, известный знаток философии Т. Гоббса, Лео Штраус отмечает, что «поскольку же учение Гоббса о естественном праве на самосохранение включало в себя право на “телесную свободу” и на такие условия существования, которые позволяют человеку получать от жизни удовольствие, от него был уже практически один шаг до права человека

¹³³Показательно, в этой связи, что О. Конт называл Т. Гоббса «отцом революционной философии». Цит. по Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 97.

на спокойное и комфортное самосохранение, которое является концептуальным ядром политико-экономического учения Локка»¹³⁴. Ему вторит и российский исследователь А. В. Магун, говоря о том, что «на открытия Гоббса опирается позднейший англосаксонский либерализм, в частности Локк, который, правда, опасается напрямую сослаться на автора “Левиафана”»¹³⁵.

И действительно, у Дж. Локка мы находим, может быть, и несколько отличающиеся по словесным формулировкам, но, в сущности, весьма схожие с гоббсовскими, положения. Так, о главной причине отказа людей от «естественного состояния» он пишет: «Избежать этого состояния войны (...когда уже исчезают все различия и не существует никакой власти, которая вынесла бы решение относительно спорящих) – вот *главная причина того, что люди образуют общество* и отказываются от естественного состояния»¹³⁶. Также как и Т. Гоббс, Дж. Локк утверждает, что именно «соглашение с другими», *договор «по природе свободных равных и независимых»*¹³⁷ [курсив наш – И. Г.] положил начало государству и обществу: «Единственный путь, посредством которого кто-либо отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя *узы гражданского общества* – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно *совместно* [курсив наш – И. Г.] жить»¹³⁸. В общем, следуя за Т. Гоббсом, Дж. Локк, по сути, воспроизводит принципиальные положения его теории, *ставшие политическими «аксиомами» Модерна*, исходя из существования «равных», «свободных», «независимых» «по природе» индивидов, *договорённость* между которыми стала основой для построения социально-политической формы организации совместной жизни людей.

¹³⁴ Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 75.

¹³⁵ Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 280.

¹³⁶ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т.3. С. 273.

¹³⁷ Там же, с.317.

¹³⁸ Там же.

Сходство двух теорий общественного договора в трактовке их авторами основных принципов взаимосвязи общества и государства прослеживается и в других аспектах учений этих мыслителей. Так, согласно Дж. Локку, установление государственной формы организации совместной жизни людей знаменует окончательное преодоление «неразумного эгоизма», характерного для людей в «естественном состоянии», конфликтность которых приводит, если и не к постоянной «войне всех против всех», – то к часто возникающему «состоянию войны»: «Отсутствие общего судьи обладающего властью, – говорит он – ставит всех людей в естественное состояние; сила без права обращённая против личности человека, создаёт состояние войны»¹³⁹. То есть, несмотря на то что Локк, как известно, в целом, не соглашался с однозначной характеристикой «естественного состояния» как «войны всех против всех», он, тем не менее, также считал, что отсутствие государственной власти ведёт к «состоянию войны».

Ещё одно немаловажное сходство в том, что в политическом учении Дж. Локка, так же, как и у Т. Гоббса «начало государства» совпадает с «началом общества», а выход из «естественного состояния» приводит к одновременному возникновению государственности и социальности. «Когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, – пишет английский мыслитель, – то тогда, и только тогда, существует политическое, или гражданское общество, ... и это переносит людей из естественного состояния в государство»¹⁴⁰. Сходства обнаруживаются также и в понимании природы человека и государства-общества, – к анти-аристотелизму своего предшественника в этом отношении, Дж. Локк добавляет явно анти-платоническую идею понимания сущности человека как *tabula rasa*. Индивид, согласно этому постулату, от рождения не

¹³⁹ Там же, с. 273.

¹⁴⁰ Там же, с. 312.

имеет никаких склонностей, в том числе, и к жизни с себе подобными. Отсюда, единственно возможный способ социализации, означающий одновременно и преодоление «естественного состояния», «полного страхов и опасений», Дж. Локк видит в воспитании, обоснованию значения которого он, как известно, посвятил немалую часть своих трудов.

Поскольку теория социального контракта Дж. Локка, во многом, опирается на принципиальные положения политического учения Т. Гоббса, неудивительно, что представления последнего о взаимосвязи индивида и общества, и государства, существенным образом повлияли также и на формирование знаменитого локковского учения о «естественном праве». Стремление к реализации последнего Дж. Локк полагает в качестве главного основания фундаментальной трансформации жизнедеятельности людей, предметом договора которых в его политическом учении и становится предоставление гарантий реализации естественного права, что, в свою очередь, делает возможным переход от асоциального «естественного состояния», «полного страхов и непрерывных опасений»¹⁴¹ к государственно-общественному устройству жизни людей, устраняющему значительную часть угроз. Впрочем, и это понимание он наследует у старшего современника, – как отмечает Л. Штраус, – «Гоббс понимал естественный закон только в терминах самосохранения; а “естественное право на самосохранение включает в себя право на “телесную свободу” и на такие условия существования, при которых человек не устает от жизни: это довольно похоже на право на спокойное самосохранение, которое является стержнем учения Локка»¹⁴². Деятельность государственной власти, «правления», в терминологии Дж. Локка, поэтому направляется не только на преодоление вооружённых столкновений между людьми, но также и на недопущение самой возможности возникновения таковых. В этом смысле, как справедливо отмечает Ю. Н. Давыдов, Дж. Локк

¹⁴¹ Там же, с.344.

¹⁴² Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 74.

«несколько “облагородил” Гоббсово представление о “естественном состоянии”, взглянув на него в аспекте теории “естественного права”, – как на состояние правового равенства, в котором люди обладают всеми теми правами, какими Бог наделил каждого из них»¹⁴³.

Базисом естественного права, по Локку, является обладание собственностью. Последняя понимается им предельно широко, – под «общим именем собственность», в его политическом учении имеется в виду «*сохранение жизней, свобод и владений*»¹⁴⁴. Исходя из этого, он утверждает, что «правление не имеет никакой иной цели кроме сохранения собственности»¹⁴⁵, обнаруживая очередное принципиальное сходство с политическим учением Т. Гоббса. Как замечает по этому поводу Л. Штраус: «Приняв фундаментальную концепцию Гоббса, Локк внес в нее единственную поправку. Он понял, что человеку для самосохранения нужно не ружье, а пища, или вообще собственность»¹⁴⁶. Сделанная Дж. Локком «поправка», тем не менее не слишком повлияла на его представления о генезисе государства-общества. Представление о злой или условно, до поры-до времени нейтральной природе человека, в конечном счёте и обусловило восприятие потребности в безопасности в качестве фундаментального фактора генезиса государственно-общественной формы организации совместной жизни людей. Поэтому учреждение и сохранение коллективного общежития в теориях социального контракта обоих мыслителей, необходимым образом предполагает *социализацию* человека, которая, в свою очередь, является важнейшим условием сохранения *собственности*, а, значит, и жизни людей.

Следующей после локковского учения важнейшей «опорой», завершившей формирование политического каркаса Модерна, стала

¹⁴³ Давыдов Ю. Н. Новый поворот в развитии понятия общества. / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 151.

¹⁴⁴ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т.3. С. 334.

¹⁴⁵ Там же, с.316.

¹⁴⁶ Штраус Л. Указ. соч. С. 45.

знаменитая и уже прямо революционная, теория социального контракта Жана-Жака Руссо. С неё, как говорит Л. Штраус, начинается «вторая волна современности», изменившая «моральный климат Запада столь же глубоко, как и Макиавелли»¹⁴⁷. Политическое учение французского просветителя, хотя во многом и продолжает заданную Т. Гоббсом и Дж. Локком стратегию интерпретации генезиса и форм взаимосвязи государства и общества, но, в то же время, предлагает принципиально новые «тактики» её осмысления. Главное расхождение между этими теоретиками договорного происхождения государства обнаруживается в трактовке «естественного состояния», – если автор «Левиафана» видит сущность последнего как «войну всех против всех», то французский просветитель, напротив, считает его «Золотым веком» человечества. Есть различия и в понимании природы человека, – последняя у Т. Гоббса хотя и разумная, но всё же злая, у Дж. Локка она по умолчанию нейтральная. А вот для Ж.-Ж. Руссо, как известно, было характерно представление о «благородном дикаре», – от природы добром существе, не испорченным «цивилизацией», т. е. государством и законами общественной жизни. В то же время следует отметить, что, предлагаемые всеми тремя мыслителями, интерпретации взаимосвязи государства и общества были во многом схожими. Как свидетельствует Б. Рассел: «его [Руссо] концепция общественного договора кажется на первый взгляд аналогичной концепции Локка, но вскоре она обнаруживает свою близость к концепции Гоббса»¹⁴⁸. На глубинное сходство договорных теорий указывает и А. В. Магун, который говорит, что «Руссо строит свою теорию общественного договора как антитезу Гоббсу и Локку, но заимствует именно у Гоббса саму «“абсолютистскую” структуру договора»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Там же, с.74.

¹⁴⁸ Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Книга третья. Философия Нового времени. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. С. 242.

¹⁴⁹ Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 280.

Каковы принципы взаимосвязи человека и общества и государства, согласно Ж.-Ж. Руссо? Прежде всего, следует сказать, что для его контрактивистской теории, в отличии от Т. Гоббса и Дж. Локка, характерно резкое противопоставление природы индивида в её «естественном», дополитическом и государственно-общественном состояниях. Первое из них он считает естественным потому, что именно в нём человек обладает подлинной свободой, «становится своим собственным господином». Иными словами, свобода, в понимании Ж.-Ж. Руссо заключается в отсутствии государственного и общественного принуждения по отношению к индивиду, которое мешает ему быть «собственным господином». Ещё в более ранней своей работе «О причинах неравенства» он скажет: «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать “это мое” и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества»¹⁵⁰. Такой подход, автоматически делает возникновение любых форм организации совместной жизни людей, не просто конфликтогенным и искусственным, но, более того, вредоносным результатом *злого умысла*, поскольку противоречит подлинным потребностям, самой «природе» человека.

Что касается природы человека, то её социальность, у Руссо, в общем, тоже оказывается под большим вопросом. Скажем, воспеваемый им образ «благородного дикаря», на поверку оказывается лишь ещё одной «реинкарнацией» «разумного эгоиста». Как отмечает Э. Кассирер, в теории французского просветителя «ни моральные, ни сентиментальные узы, ни идея долга, ни чувство симпатии не связывают отдельных людей друг с другом. Каждый существует только для самого себя и ищет только то, что необходимо для поддержания его собственной жизни»¹⁵¹. Иными словами, «благородный дикарь» Ж.-Ж. Руссо, по сути, мало чем отличается от всегда пребывающего в

¹⁵⁰ Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. М., 1907. С. 68.

¹⁵¹ Кассирер Э. Философия просвещения. М.: РОССПЭН, 2003. С. 285.

состоянии «непрерывных опасений» и, интересующегося лишь сохранением своей жизни и собственности, человека Т. Гоббса или Дж. Локка. Жизнедеятельность каждого из этих, находящихся в «естественном состоянии», изолированных, асоциальных от природы абстрактных индивидов определяется, прежде всего, целями самосохранения.

Заключение договора между людьми-разумными эгоистами, в представлении французского просветителя, приводит к завершению «естественного состояния», – в результате этого акта индивид совершает переход от хотя и благородного, но, всё же дикарства к государственности и социальности. В этом аспекте, политические учения Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо также совпадают. Это сходство, главным образом, обусловлено тем, что «ратификация» всеобщего соглашения, по мысли французского просветителя подразумевает, как и в теориях английских предшественников, фундаментальную трансформацию жизнедеятельности людей и, как следствие, переход от асоциальных к социально регламентируемым формам поведения. Соответственно, и в его контрактивистской теории, государство и общество возникают одновременно и принципиально неотделимы друг от друга. Сущность этой формы организации совместной жизни людей, мыслится им как вид особой «ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной силой личность и имущество каждого участника»¹⁵². В этом отношении Ж.-Ж. Руссо явно вторит Дж. Локку, который, как отмечалось, придавал идее сохранения собственности важнейшее значение в возникновении государственности.

Во многом следуя своим английским предшественникам, Ж.-Ж. Руссо, вместе с тем, делает принципиально новый шаг в развитии социально-политической теории Модерна. В отличие от Т. Гоббса и Дж. Локка, основывающих, как известно, свои концепции на механицизме и эмпиризме,

¹⁵² Руссо Ж.-Ж. Указ соч. С. 12.

и, в силу этого, понимающих любое объединение людей сугубо суммативным образом, как простое сложение индивидов-атомов в некое целое, французский просветитель возвращает в социально-политическую теорию проблематику надындивидуального духовного основания общества и государства. Его учение об «общей воле», по сути, субстантивировало государственно-общественную форму организации совместной жизни людей и наделило её особой субъектностью, отличной от субъектности индивида, что создавало концептуально-теоретические основания для различения (и дальнейшего противопоставления) общественных (государственных) и частных (личных) интересов. Не менее важно, и то, что постулирование «общей воли» открывало перспективу обоснования объективной необходимости субстанциального различения государства и общества как таковых.

Переход от «естественного» к государственно-общественному состоянию организации совместной жизни людей, согласно Ж.-Ж. Руссо, происходит благодаря свободной воле индивида, наличие которой только и делает возможным соглашение между людьми. В его представлении коллективное единство в принципе «недостижимо по принуждению: оно должно быть основано на свободе. «...» Но это подчинение уже не является подчинением отдельной воли или отдельного лица другим, таким же отдельным субъектам воли. Оно скорее означает, что отдельная, индивидуальная воля как таковая прекращает быть и больше не требует и не желает для себя самой, а существует и волит только в общей воле»¹⁵³. Эти абстрактные формулировки призваны разрешить противоречия его договорной теории, когда с одной стороны, он постулирует полную автономность индивидуальной воли в реализации естественной свободы, с другой – говорит о необходимости сохранения государства-общества как искусственно созданной формы, регламентирующей способы удовлетворения потребностей индивидов и делающей, тем самым, возможным их совместную

¹⁵³ Там же, с. 286

жизнь. Из этого затруднения Руссо выходит, по сути, так же, как и его предшественники, – он полагает, что при необходимости общая воля должна ограничить деятельность индивидуальной воли, обуздать её произвол. Впрочем, сам он отказывается видеть в этом принуждение, – как отмечает В. М. Гессен, «с точки зрения Руссо, господство *la volonté générale* – не что иное как господство индивида над самим собой, господство разумной природы человека над его эмоциональной природой, господство общественного долга, диктуемого ему разумным сознанием, над губительными прихотями его своекорыстных страстей»¹⁵⁴.

Оценивая его учение об «общей воле» в ракурсе нашего анализа взаимосвязи человека и общества и государства, следует признать, что французскому мыслителю не просто не удалось «отмежеваться» от порождённой Т. Гоббсом «диктатуры» Левиафана. Напротив, – можно сказать, что Ж.-Ж. Руссо лишь заменяет её другим видом диктатуры. Как колосс, возвышающийся над индивидом, «Общая воля» не может ошибаться, поскольку является воплощением Разума. Она принципиально не искусственна, и не зависит от воли индивидов, – напротив, она абсолютно естественна, и потому закономерна. Иными словами, «общая воля» в его учении буквально противостоит индивидам, символизируя преобладание всеобщего и необходимого над частным и свободным. Как справедливо замечает К. Шмитт, характеризуя политическое учение Ж.-Ж. Руссо: «“Всеобщая воля” возводится [в нём] до божественного достоинства и уничтожает всякую особенную волю и все особенные интересы, которые в отношении её выглядят просто воровством. Поэтому вопрос о неотчуждаемых правах индивидуума и о сфере свободы, не допускающей вмешательства суверенной всеобщей воли можно больше не поднимать»¹⁵⁵. Немецкий мыслитель раскрывает объективную логику руссоистской «всеобщей воли»,

¹⁵⁴ Гессен В. М. Основы конституционного права. П.: Право, 1918. С. 117–118.

¹⁵⁵ Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005. С.141.

показывая, что индивид либо согласует с ней свою волю и только тогда получает известные гражданские права, либо его воля не согласуется со всеобщей, и тогда сам индивид оказывается недостойным гражданином, «ничтожным» в моральном и правовом отношениях.

Завершая наше рассмотрение политического учения Ж.-Ж. Руссо отметим то принципиальное обстоятельство, что в его представлении государственно-общественная форма организации совместной жизни людей уже не столько служит индивиду, обеспечивая его безопасность, как это было у Т. Гоббса и Дж. Локка, сколько подавляет его естественную свободу. В силу этого государство (общество) оказывается не только искусственным, но и сущностно конфликтным, по отношению к индивиду, образованием. Причём конфликт между ними неизбежно обостряется по мере общественного развития, во всяком случае, до тех пор, пока государство не начнёт руководствоваться «общей волей». Эта открыто революционная идея французского просветителя послужила принципиальной основой для дальнейшей концептуально-теоретической разработки конфликтной стратегии противопоставления индивида и общества-государства, а также государства и общества. С другой стороны, учение Ж.-Ж. Руссо об «общей воле» включает в себе концептуальные возможности для «снятия» искусственности-произвольности общества, как формы организации совместной жизни людей, поскольку выводит устройство и функционирование реального общества за рамки произвола индивидуальных волей, объясняя необходимость заключения изначально искусственного социального контракта, в конечном счёте, естественными и разумными причинами.

Проведённый анализ договорных теорий Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, репрезентирующих магистральную линию развития социальной философии Нового времени, позволяет выделить конфликтную стратегию интерпретации взаимодействия государства и общества, в качестве «несущей

конструкции» политической теории и практики эпохи Модерна. Главным постулатом контрактивистских учений, сохраняющих смысловую интегративность понятий общества и государства, становится идея соглашения-договора людей, в результате которого и возникает-учреждается государство как высшая форма организации совместной жизни последних. Важнейшее значение, в этой связи, придаётся потребности в безопасности, которая понимается в качестве ведущего фактора социополитогенеза. Однако, поскольку государство-общество, обеспечивая безопасность индивида, вместе с тем, *по природе своей*, неизбежно ограничивает его *естественную (по природе ему присущую)*, свободу, возникновение и функционирование этого учреждения может входить в конфликт с интересами если не всех, то большинства составляющих его людей. Причём этот конфликт, при «неправильном» государственном устройстве, по мере общественного развития, будет закономерно обостряться (этот принципиальный момент обосновывал Ж.-Ж Руссо), требуя всё более радикального разрешения.

1.3. Гегель: диалектическая «коррекция» Модерна

Принципиально отличное от «контрактивистского» понимание сущности и форм взаимосвязи индивида, общества и государства предложил Г. В. Ф. Гегель, социально-философская концепция которого по праву считается вершиной философской мысли Нового времени¹⁵⁶. Именно в результате совершённой им «революции историзма» необходимым условием

¹⁵⁶ Стоит отметить, наверное, что в отечественной (и не только) литературе социально-философское и политическое учение Г. В. Ф. Гегеля, на наш взгляд, пока не получило достаточно широкого и всестороннего освещения. Как писал, в этой связи один из крупнейших отечественных знатоков «Философии права» В. С. Нерсесянц, «хотя мировая литература о Гегеле весьма обширна, однако исследования гегелевской проблематики, в том числе и политико-правовой, зачастую носят фрагментарный характер. Так, в литературе о Гегеле отсутствует тематически и логически целостное исследование гегелеведческой проблематики политико-правового профиля». Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. М.: Юрист, 1998. С. 5. С ним, по сути, солидаризируется и один из авторитетнейших советских и российских специалистов по философии Г. В. Ф. Гегеля, Т. И. Ойзерман, который, характеризуя состояние отечественных исследований социально-философского учения Г. В. Ф. Гегеля отмечал, что, в частности, «рассмотрение “Философии права” Гегеля всегда (и до сих пор) ограничивается характеристикой, как правило, односторонней», хотя этот труд «остаётся сокровищницей таких идей, которые современные представители философии права и политической философии вообще не имеют права предавать забвению». Ойзерман Т. И. Амбивалентность гегелевской концепции государства / Историко-философский ежегодник-1998. М., 2000. С. 116–117.

научного анализа принципов организации взаимодействия государства и общества, для послегегелевской социальной мысли становится рассмотрением исторической динамики способов и форм организации совместной жизнедеятельности людей. Иными словами, немецкий мыслитель показал историчность бытия человека, общества и государства, представив эволюцию форм их взаимосвязи, и прежде всего, совершенствование форм взаимодействия государства и общества, в качестве необходимого условия восходящего социально-исторического развития. Выдающееся философско-теоретическое значение политического учения Г. В. Ф. Гегеля, состоит, прежде всего, в систематической разработке настоящей «науки логики» государства и общества. Именно Гегель осуществляет первый действительно логический анализ этих фундаментальных категорий социально-политического познания, показывая их онтологическую укоренённость.

Важнейшим нововведением его социально-философской концепции, имевшим весьма существенное теоретическое и практическое значение, стало произведённое немецким философом концептуальное различение понятий государства и общества. Как было показано выше, со времён Платона и Аристотеля в социальной философии господствовало интегративное понимание этих феноменов. Несмотря на расхождения в трактовке природы общественно-государственного устройства, этой интерпретации придерживались и киники, и авторы договорных теорий происхождения государства. И только в политическом учении Ж.-Ж. Руссо впервые можно обнаружить перспективу различения общества и государства. Поскольку, главным для французского просветителя была свобода человека, а «общая воля» в лице государства-общества могла препятствовать её реализации, постольку, в случае ограничения свободы индивида, государство могло быть упразднено, но без распада сложившихся социальных связей, форм социальной организации и возврата к «естественному состоянию».

Г. В. Ф. Гегель считал, что постулирование идеи свободы «особенной

воли» в качестве единственного фактора возникновения общественно-государственного устройства совместной жизни, которое является фундаментальным основанием политических учений Нового времени, обусловлено переносом господствовавших в естественной науке «атомистических воззрений» в пространство социальной философии. Характеризуя такой способ построения политических учений, он пишет, что «воля единичных лиц как таковых есть принцип государства; силой притяжения являются частные потребности, склонности отдельных лиц, а всеобщее, – само государство, – есть внешнее договорное отношение»¹⁵⁷. Раскрывая теоретическую несостоятельность подобных взглядов, закономерным следствием развития которых оказывается возникновение прежде немыслимой, *нелогичной* идеи безгосударственного существования не только отдельных социальных групп, но и общества в целом, как «самой большой реальной социальной группы», Г. В. Ф. Гегель выстраивает собственную логику взаимодействия человека и общества и государства.

На смену «разумно-эгоистическому» пониманию природы индивида, в её и общественно-государственном, и естественном состоянии в его учении приходит триада форм бытия человека как нравственного существа, – семья, гражданское общество и государство. Г. В. Ф. Гегель обосновывает то принципиальное положение, что вне этих форм организации совместной жизни, существование, деятельность человека невозможны. Он показывает, что по отношению к индивиду эти формы «надстраиваются», находясь между собой в диалектической¹⁵⁸ субординационной взаимосвязи. Настаивая на том, что деятельность «особенной воли» не может не подчиняться её семейным, гражданским и государственным обязанностям, Гегель, в то же время,

¹⁵⁷ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1974. С. 240.

¹⁵⁸ На диалектический характер взаимосвязи государства и общества в концепции Гегеля, указывал, в частности, и В. С. Нерсесянц, который писал, что «Наряду с весьма содержательной характеристикой гражданского общества «...», к заслугам Гегеля относится четкая принципиальная постановка вопроса о взаимосвязи и соотношении (а не просто отличии) общества и государства, о необходимом, закономерном, диалектическом характере этих связей и соотношений». Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. М.: Юристъ, 1998. С. 72.

утверждает, что ни одна из этих форм не может существовать, не удовлетворяя потребности и интересы, образующих их людей. Таким образом достигается состояние взаимной согласованности «особенной» и «всеобщей» волей, что позволяет диалектически «снять» возникшую у Ж.-Ж. Руссо «проблему» соотношения индивидуальной и общей воли. В политическом учении Г. В. Ф. Гегеля частные интересы индивида как раз и реализуются посредством его деятельности в качестве члена семьи, общества и государства.

Необходимость субстанциального различения этих форм организации совместной жизни людей, немецкий философ видит, главным образом, в закономерностях развития нравственной природы человека. Первым этапом развития нравственности является семья, в которой индивид «снимает... свою непокорную личность и находится вместе со своим сознанием внутри некоего целого»¹⁵⁹. Следующей ступенью, становится гражданское общество, – это состояние подразумевает что «семья распадается и её члены относятся друг к другу как самостоятельные лица, объединённые лишь узами потребности друг в друге»¹⁶⁰. Государство же согласно Г. В. Ф. Гегелю представляет собой высшую форму «действительности нравственной идеи», «где происходит необычайное объединение самостоятельности индивидуальности и всеобщей субстанциальности»¹⁶¹, поскольку оно, что принципиально важно, «есть единственное условие достижения особенной цели и особенного блага»¹⁶².

Необходимость субстанциального различения гражданского общества и государства, по Гегелю, вытекает, прежде всего, из различной природы этих форм организации совместной жизни людей. Государство «появляется» раньше гражданского общества, – его происхождение опирается, главным образом, на потребности и интересы индивида, прежде всего, на потребность в безопасности. В противовес теоретикам договорного происхождения

¹⁵⁹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С.95.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, с.289.

государства, немецкий мыслитель не связывает возникновение этой потребности с присущим, по их мнению, каждому человеку, чувством страха. Напротив, – её важнейшим основанием он считает «чувство необходимости порядка, которым обладают все»¹⁶³. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, вне государственной организации, «особенность», т. е. конкретный индивид не может обеспечить реализацию собственных потребностей, – далее он специально отмечает, что «привычка к безопасности стала второй натурой и никто не думает о том, что это лишь результат действия особых учреждений»¹⁶⁴. Это позволяет утверждать, что существование государства, как естественно обусловленной высшей формы организации социального порядка, укоренено также и непосредственно в сознании индивида, в его «психологии». Соответственно, возникновение государства, по Гегелю, является необходимым следствием самой природы человека, закономерным результатом удовлетворения потребностей индивида.

Говоря о происхождении гражданского общества, Гегель отмечает, что оно было «создано лишь в современном мире»¹⁶⁵. В его учении гражданское общество выступает в качестве необходимого посредника между человеком и государством, – с одной стороны, оно представляет собой форму организации совместной жизнедеятельности людей, в которой, как пишет Гегель, «каждый для себя – цель, всё остальное для него ничто»¹⁶⁶, т.е. позволяет конкретному индивиду удовлетворять собственные потребности и реализовывать личные интересы, пользуясь результатами совместных усилий. С другой, подсистемы гражданского общества, – разделение труда, позволяющее на справедливых началах организовать практики удовлетворения индивидуальных потребностей; охрана правопорядка, который регламентирует социально приемлемые формы реализации личных интересов; наконец, полиция и

¹⁶³ Гегель Г. В. Ф. Указ соч. С.293.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, с.228.

¹⁶⁶ Там же.

корпорации, призванные предотвращать случайности и произвол, т.е. относиться к «особенному интересу как к общему», – призваны обеспечивать стабильное функционирование государства как высшей формы организации совместной жизни людей.

Важнейшим основанием субстанциального различения государства и гражданского общества является их отношение к свободе отдельного индивида. «Государство, – отмечает Г. В. Ф. Гегель, – есть действительность конкретной свободы; конкретная же свобода состоит в том, что личная единичность и ее особенные интересы получают свое полное развитие и признание своего права для себя (в системе семьи и гражданского общества)»¹⁶⁷. Иными словами, государство представляет собой общую форму-вместилище свободы, необходимое условие её существования. А гражданское общество, его подсистемы, – разделение труда, правопорядок, полиция и корпорации, – суть необходимое содержательное наполнение, создающее конкретные механизмы реализации индивидуальной свободы. И если государство через идею нравственности создает для человека возможность свободы, то гражданское общество, – обеспечивает её действительность, в прямом смысле слова, *делает* человека свободным посредством правильного функционирования социальных институтов.

Поэтому с появлением гражданского общества, цели существования государства уже не определяются только через защиту жизни и собственности людей. Критикуя взгляды теоретиков договорного происхождения государства, прежде всего, Ж.-Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегель отмечает, что: «Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания

¹⁶⁷ Там же, с. 286.

можно быть или не быть членом государства»¹⁶⁸. В этом «смещении», по мнению немецкого философа и состояло одно из главных заблуждений французского просветителя. Г. В. Ф. Гегель же считает, что именно и только государство как «единственное условие достижения особенной цели и особенного блага»¹⁶⁹ призвано обеспечивать свободу особенной воли. И даже более того, – поскольку государство является воплощением идеи нравственности (в основе которой и лежит понятие свободы), «сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства»¹⁷⁰. А так как высшей целью существования человека является достижение справедливой и благой жизни, закономерным результатом его «прогресса в сознании свободы», наряду с нравственным совершенствованием, становится возникновение государственной формы социальной организации. Именно в государстве люди «посредством самих себя, – отмечает Г. В. Ф. Гегель, – *частью переходят* в интерес всеобщего, *частью* своим знанием и волей *признают* его [курсив наш – И. Г.], причем признают его именно как свой собственный субстанциальный дух и действуют для него как для своей конечной цели»¹⁷¹. Здесь следует особо подчеркнуть сделанный немецким философом акцент на частичность перехода частного интереса в «интерес всеобщего», – тем более актуальный, что характерной особенностью политической философии XX века, как известно, была резкая критика¹⁷² идеи полного поглощения индивида государством, авторство которой приписывалось, в частности, (и в особенности), Г. В. Ф. Гегелю.

Приведённый тезис, на наш взгляд, однозначно свидетельствует против такой интерпретации взаимосвязи индивида, гражданского общества и государства в политическом учении немецкого мыслителя. Напротив, – для

¹⁶⁸ Гегель Г. В. Ф. Указ соч. С.279.

¹⁶⁹ Там же, с.289.

¹⁷⁰ Там же, с.278.

¹⁷¹ Там же, с. 286.

¹⁷² Один из самых известных и красноречивых примеров такой критики – работа К. Поппера «Открытое общество и его враги».

него было характерно, во-первых, признание того, что важнейшим принципом функционирования современного государства является «требование, чтобы все, что делает индивидуум, было опосредствовано его волей»¹⁷³. Во-вторых, согласно Гегелю, как таковое, «государство есть нечто абстрактное, его общая реальность выражается лишь в гражданах»¹⁷⁴, а «цели общества и государства суть в то же время цели частных лиц»¹⁷⁵. Иными словами, у государства и гражданского общества отсутствуют какие бы то ни было собственные цели, отличные от целей, образующих их людей. Это касается также потребностей и интересов, – в отличие от распространённых в современной социальной науке представлений, в политическом учении Г. В. Ф. Гегеля таковыми могут обладать только отдельные индивиды, но не формы организации их совместной жизнедеятельности. Вся «деятельность» государства поэтому и заключается в сохранении интересов частных лиц, «чтобы содействовать их благу, в котором каждый прежде всего заботится о себе, но которое имеет, однако, также и безусловно всеобщую сторону, охранять семью и руководить гражданским обществом»¹⁷⁶. Именно поэтому действительным основанием взаимодействия государства и гражданского общества он считает достижение справедливой и благой жизни, которое бы способствовало счастью и свободе индивида. «Целью государства, – пишет он, – является счастье граждан; это, несомненно, верно: если гражданам нехорошо, если их субъективная цель не удовлетворена, если они не находят, что опосредованием этого удовлетворения является государство как таковое, то прочность государства сомнительна»¹⁷⁷.

Подводя итог нашего анализа гегелевской концепции взаимодействия государства и общества, отметим, прежде всего, что немецкий мыслитель показывает принципиальную несостоятельность характерного для социальной

¹⁷³ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 339.

¹⁷⁴ Гегель Г. В. Ф. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука, 1993. С. 93.

¹⁷⁵ Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. М.: Мысль, 1977. С. 328.

¹⁷⁶ Там же, с. 351.

¹⁷⁷ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 291.

философии Нового времени механицистского представления о происхождении и сущности государства и общества, подвергая его, своего рода, диалектической «коррекции». Критикуя произвольную логику контрактивистских теорий, согласно которой, формы организации совместной жизни людей *учреждаются*-возникают в результате договора между ними, и могут входить в конфликт с их интересами, он показывает, что каждая из форм нравственного, (что для Гегеля означало то же, что и *социального*) бытия человека, – семья, гражданское общество и государство, является необходимой, обусловленной интересами самого индивида, поскольку только будучи включённым в них, он может удовлетворять свои потребности.

Ещё один принципиальный момент заключается в том, что в социально-философском учении Г. В. Ф. Гегеля впервые в истории мысли было систематически разработано учение о субординационной диалектической взаимосвязи между индивидом и гражданским обществом и государством, что позволило, в частности, раскрыть внутреннюю логику и дать концептуально-теоретическое обоснование субстанциального различия гражданского общества и государства. Это различие послужило основанием для разработки новой интегративно-субординационной формы интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества. Согласно гегелевской концепции, эти формы организации совместной жизни людей, в сущности, не конфликтогенны и субстанциальные различия между ними не ведут к конфликту, или, тем более, к «антагонизму». Напротив, и государство, и гражданское общество опираются на потребности индивида, служат им, представляют собой две взаимоукрепляющие и взаиморазвивающие необходимые стороны социально-политической организации любого развитого общества.

Таким образом, проведённый анализ классической социально-философской мысли, позволяет выделить альтернативные стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, отражающие

важнейшие этапы и направления её развития: **интегративную** (и её интегративно-субординационную форму), с одной стороны, и **конфликтную**, с другой. Формирование и динамика этих стратегий от Платона к Г. В. Ф. Гегелю характеризуется утверждением, отказом от, и возвращением представлений о том, что государство и общество являются естественно необходимыми, закономерно обусловленными формами организации совместной жизнедеятельности людей, способствующими удовлетворению их потребностей. При этом, важно отметить, что и в теориях договорного происхождения государства-общества, постулировавших искусственность социально-политической организации, тем не менее, сохранялось понимание необходимости удовлетворения потребностей индивида, прежде всего, потребности в безопасности как важнейшего фактора генезиса государственности-социальности.

Глава 2. Конфликтная стратегия взаимодействия государства и общества: основные формы и парадигмальные особенности

2.1 Конфликт как системообразующая форма социального взаимодействия

Сильнейшим стимулом интенсификации разработки концептуально-теоретического различения государства и общества стало возникновение *социологической науки*. На смену гегелевской концепции субординационного взаимодействия государства и гражданского общества, и обусловленной ею познавательной установки на «оправдание действительности»^{*} приходит всё более углубляющееся противопоставление этих форм организации совместной жизни людей, которое постепенно становится руководящей идеей-интенцией всего социологического дискурса, приобретая для него парадигмальное значение. В известном смысле, можно сказать даже, что порождающей причиной, *causa efficiens* социологического проекта, в значительной степени было стремление к критическому переосмыслению получивших обоснование в «Философии права» собственно-философских «консервативных» представлений о взаимодействии государства и общества. Естественным следствием становления и развития «новой науки об обществе» стало поэтому построение критически ориентированной, *анти-гегелевской* интерпретации взаимодействия государства и общества, что закономерным образом привело к реактуализации конфликтной стратегии.

Новый, социологический подход к рассмотрению специфики этого взаимодействия на первоначальном этапе своего развития характеризовался существенным влиянием натурализма, который можно назвать одним из фундаментальных принципов построения конфликтной стратегии. Ещё Т. Гоббс, как отмечалось, считал, что установление рациональной социальной

^{*} В афористичной форме, выраженной в знаменитом гегелевском положении: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно». Комментируя этот тезис, Гегель поясняет, что «философское сочинение» – «должно быть дальше всего от того, чтобы конструировать государство таким, *каким оно должно быть*, «...» не может быть направлено на то, чтоб поучать государство». Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 55.

организации должно опираться на естественно-научные представления об устройстве «природного порядка». Схожая натуралистическая установка, по сути, воспроизводится и в первых социологических учениях, когда научное познание законов функционирования и взаимодействия государства и общества считается возможным лишь на основе познания законов природы, которые обладают универсальным статусом, что было достаточно выражено уже у О. Конта, а в дальнейшем и у Дж. Ст. Милля, и Г. Спенсера. Именно натуралистическая (пред)убеждённость первых социологов, очевидно, и побудила их провести жёсткую демаркационную линию между подлинной «наукой об обществе», которая должна основываться на эмпирически проверяемых, т. е. собственно научных фактах и прежними абстрактно-умозрительными, «метафизическими», а значит «ненаучными» социально-философскими теориями.

Показательно, в этой связи, что в качестве модели для построения систематического научного знания об обществе была выбрана именно физика, долгое время считавшаяся эталоном специального научного знания. Ещё А. Сен-Симон, оценивая перспективы будущей «социальной науки», писал: «Первый набросок моего проекта преобразования европейского общества я озаглавил “Труд о всемирном тяготении”, потому что идея всемирного тяготения должна послужить основой новой философской теории, новая политическая система в Европе явится следствием новой философии»¹⁷⁸. Здесь кстати будет вспомнить и то, что концептуальный каркас революционного социально-политического учения Т. Гоббса, ставшего одним из истоков собственно социологического теоретизирования, в существенной степени был сформирован на базе классической механики, которая имела парадигмальное значение и фактически определяла картину мира мыслителей эпохи Модерна. Полноценное воплощение социологического проекта в качестве новой «науки об обществе», показательно названной «социальная физика», произошло уже

¹⁷⁸ Сен-Симон К. А. Избр. сочинения. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 212.

в рамках позитивизма Огюста Конта.

Доказательность и эмпирическая проверяемость, *научный статус* «социальной физики» как, своего рода, аналога строгого физического знания оказались весьма востребованными не только в теоретическом, но также и в практическом отношении. Подчёркивая эту практическую значимость, О. Конт писал: «Научная социология должна стать единственным прочным фундаментом для *реорганизации общества и преодоления социальных и политических кризисов* [курсив наш – И. Г.], переживаемых долгое время нациями»¹⁷⁹. Можно сказать, таким образом, что развитие социологической науки было обусловлено не только познавательным, но и идейно-прагматическим интересом первых социологов, видевших в «новой науке об обществе», как способ получения объективного знания о нём в строгой, *научной* форме, так и, в то же время, инструмент критической ревизии¹⁸⁰ фундаментальных оснований социально-политического порядка.

Ещё одной важнейшей особенностью социологической науки на первоначальном этапе развития была неразработанность концептуально-теоретического различения государства и общества. Её основатель О. Конт «не считал возможным существование науки о государстве, отличной от общей науки об обществе»¹⁸¹. На это обстоятельство в своей специальной работе, посвящённой обзору социологического учения французского мыслителя, обращает внимание американский исследователь Г. Э. Барнс, который

¹⁷⁹Цит. по Реале Д., Антисери Дж. Западная философия от истоков до наших дней. (Книга 4) / В переводе с итальянского и под редакцией С. А. Мальцевой - Издательство «Пневма», С-Петербург, 2003, С. 192–193.

¹⁸⁰ О «прирождённой» *критичности* социологии как *новой науки*, адекватной критичному же и революционному духу Новой эпохи – Модерна, хорошо сказал Н. Луман. Начиная свой фундаментальный труд «Общество общества» с описания важнейших концептуальных проблем, стоящих перед социологической теорией с момента её возникновения и по сей день, он, в частности, отмечает, что: «В течение долгой истории описание социальной жизни человека ориентировалось на идеи, которые не удовлетворялись наличной действительностью. «...» это относится и к современной Европе, к Просвещению и к его двуличному божеству разума и критики. Даже в 20-м столетии это сознание недостаточности продолжает быть активным (вспомним Гуссерля или Хабермаса) и сопрягается с идеей модерна. Даже Рихард Мюнк всё ещё считает эту ориентированность на напряжённые отношения разума и действительности одной из основных черт модерна и объяснением его своеобразной динамики». Луман Н. Общество общества. Т. 1. М.: Логос, 2011. С. 21–22.

¹⁸¹ Barnes H. E. The political and social philosophy of Auguste Comte. P.421.

анализируя его представления «о природе государства и его отличии от общества, нации и правительства», отмечает их «расплывчатость и неопределенность»¹⁸² и указывает, что понятие «государство» О. Конт «часто использует в значении идентичном нации и обществу в целом»¹⁸³. Приведем в этой связи красноречивую цитату из контовской работы «Общий очерк позитивизма» где он характерным образом смешивает данные понятия, когда говорит, что «всякое прямое участие народа в политическом управлении для решения важных социальных мероприятий в современном государстве уместно только в период революции. В окончательном же состоянии оно необходимо будет анархическим»¹⁸⁴.

Дальнейшее развитие конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества в рамках новой «науки об обществе» связано с работами **Джона Стюарта Милля**, который стремился «пересадить» позитивистское учение О. Конта на почву британского эмпиризма, либерализма¹⁸⁵ и экономического индивидуализма. В центре его специального анализа, впервые в социальной теории, оказывается проблема конфликта между индивидом, обществом и государством. Развивая логику Т. Гоббса, онтологизировавшего конфликтность «естественного состояния», Дж. Ст. Милль отмечает, что с возникновением государства и общества природная склонность индивидов к конфликтному взаимодействию никуда не исчезает, а начинает теперь подавляться посредством специально учреждённых государственных органов. Признавая все преимущества перехода к

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ Ibid, p. 422.

¹⁸⁴ Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: URSS. 2019. С 96 (7).

¹⁸⁵ Или даже либерального социализма. Так, американский исследователь либерализма Р. Ротунда фиксирует произошедшую смену во взглядах Дж. Ст. Милля, отказавшегося от либерального утилитаризма в духе И. Бентама в пользу коммунизма, о чём он сам свидетельствует в «Принципах политической экономии»: «Если бы надо было делать выбор между коммунизмом со всеми его возможностями и нынешним состоянием общества со всеми присущими ему страданиями и несправедливостью; <...> если бы пришлось выбирать между таким положением вещей и коммунизмом, то все затруднения коммунизма, большие и малые, были бы не более чем песчинкой на весах». Цит. по Ротунда Р. Либерализм как слово и символ. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 27. Подробнее о Дж. Ст. Милле как теоретике либерального социализма см. Baum V. J. S. Mill and Liberal Socialism in J. S. Mill's Political Thought: A Bicentennial Reassessment, Cambridge: University Press, 2007. Pp. 98-123.

социально-политической организации, он, вместе с тем, указывает на её существенные недостатки, наиболее важным из которых считает постороннее «вмешательство» (как государственное, так и общественное) в частную жизнь индивида. Обоснованию контрпродуктивности этого «вмешательства», а также необходимости его ограничения, прежде всего, и посвящена его утилитаристская концепция индивидуальной свободы, в которой он, фактически следуя за Т. Гоббсом¹⁸⁶ и Дж. Локком, закрепляет за государством сугубо служебную, вспомогательную роль.

Важно отметить также, что Дж. Ст. Милль, как и ранее О. Конт, фактически не проводит концептуально-теоретического различения государства и общества, зачастую прямо отождествляя их. Характерны в этой связи его знаменитые «филиппики» против «государственного вмешательства» в жизнь индивида, из которых становится ясно, что он выступает также и против вмешательства общества¹⁸⁷. Он прямо утверждает существование в жизни человека «сферы, которая не имеет никакого отношения к интересам общества или, по крайней мере, не имеет никакого непосредственного к ним отношения»¹⁸⁸. На эту своеобразную «антисоциальность» Дж. Ст. Милля обращают внимание и современные исследователи. Так, А. Райан, пишет, что «Милля интересовала не только политическая свобода, но и все формы общественного давления на неё»¹⁸⁹. А С. Р. Санхуан отмечает, что английский мыслитель говорит не только о вмешательстве государства в деятельность индивидов, но также и о

¹⁸⁶ На связь миллевского утилитаризма с социально-политической концепцией Т. Гоббса указывает, в частности, Т. Парсонс, который, как отмечает О. В. Кильдюшов рассматривал теорию общественного договора английского мыслителя «как чисто утилитаристскую систему, в которой отсутствуют обязательные нормы и все акторы преследуют собственные цели, рационально выбирая наиболее эффективные средства их достижения». Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №3. С. 133.

¹⁸⁷ «Мысль, мнение, совесть, все это «...» вне сферы закона; только то, что составляет социальный акт, что касается отношений между членами общества, только то подлежит власти не индивидуума, а государства». Подробнее об этом см: Милль Дж. Ст. О свободе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия Социология: Реферативный журнал. 1996. № 2. С. 76-94.

¹⁸⁸ Милль Дж. Ст. О свободе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия Социология: Реферативный журнал. 1996. № 2. С. 90

¹⁸⁹ Ryan A. The Philosophy of John Stuart Mill. L: Macmillan, 1985. P. 235.

«различных формах принуждения, которые общество может применять к индивидам»¹⁹⁰. Таким образом, можно сказать, что Дж. Ст. Милль, по сути, впервые в рамках социальной теории в эксплицитной форме утверждает сущностно конфликтный характер социального взаимодействия, противопоставляя индивидов и друг другу, и обществу, и государству.

Заданную Дж. Ст. Миллем линию развития конфликтной стратегии анализа взаимодействия государства и общества продолжает **Герберт Спенсер**. Одной из характерных черт его учения было отождествление понятий «государство» и «правительство», использование их в качестве синонимов, о чём свидетельствует, например, предложенная им типология форм социальной организации. Он отмечает, что исторически первый её тип, – «воинствующий», – «нашел себе выражение в государственном режиме «...»; второй [«промышленный»] – в режиме соглашения, контракта»¹⁹¹. По его мнению, именно переход от «воинствующего» к «промышленному» типу социальной организации, а также сопутствующая ему дифференциация органов политического правления, в конечном счёте и приводит к выделению из общества особой социальной группы, сконцентрированной на управлении посредством политической власти, т.е. к возникновению правительства (государства).

Г. Спенсер подчёркивает, что правительство (т.е. государство) обладает принудительной силой в отношении управляемой части общества, в силу чего и необходимо защищать «свободу личности против принудительного действия» со стороны этого института. В соответствии с этой логикой выстраиваются и его представления о государственном (=правительственном) «вмешательстве», ограничивающем свободу индивида, против чего он открыто выступает. Опираясь на социал-дарвинистский ¹⁹² принцип

¹⁹⁰ Sanjuan C. R. John Stuart Mill on the relation between society and individual regarding personal liberty // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № II (3). P.70.

¹⁹¹ Спенсер Г. Личность и государство. М.: АСТ, 2023. С. 3.

¹⁹² В энциклопедии Britannica, в статье, посвящённой Г. Спенсеру, отмечается значительное влияние социал-дарвинизма на его учение об обществе и поведении индивидов. Подробнее об этом см.:

сопряжённости процессов естественного отбора и общественного развития, Г. Спенсер стремится разработать собственно *научное* обоснование конфликтного характера социального взаимодействия, постулируя конфликт между индивидами в качестве первичной естественно-необходимой формы общественных отношений. Как и Дж. Ст. Милль он также полагает, что государство не вправе навязывать гражданину те или иные представления о том, что есть благо. Напротив, государству следует вести «политику естественной дисциплины», т.е. предоставить право «каждому гражданину самому устраивать для себя добро, какое он может, и самому разделяться со злом, какое он себе наносит»¹⁹³. И хотя такая политика, очевидно, чревата индивидуальным произволом и, соответственно, ростом конфликтности в обществе, тем не менее, её реализация, по мысли Г. Спенсера, только и будет способствовать целям социального развития. Именно поэтому конфликт в его социальном учении имеет статус эволюционно-необходимой, имеющей позитивное значение формы социального взаимодействия. Эта спенсеровская интерпретация социальных конфликтов как «двигателей прогресса» позднее стала «общим местом», одной из *руководящих идей* социологической науки.

Формирование концептуального каркаса конфликтной стратегии продолжилось в рамках социального учения **Людвига Гумпловича**, которое можно считать своего рода связующим звеном между воззрениями Г. Спенсера и М. Вебера на проблему взаимодействия государства и общества. В рамках предложенной им теории насильственного происхождения государства он продолжает систематическую разработку понятий государства и общества и их содержательного различия, чему до него в социологии уделялось недостаточно внимания. Социолог и автор работ по теории происхождения государства Ф. Оппенгеймер даже считал, что именно Л.

<https://www.britannica.com/biography/Herbert-Spencer>.

¹⁹³ Цит. по: Ковалёв А. Д. Эволюционистская социология Г. Спенсера: опыт синтетического подхода / История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М.: Академический проект, 2020. С. 193–194.

Гумплович «первым заложил фундамент, современной теории государства»¹⁹⁴. В основе предложенного австрийским учёным анализа взаимодействия государства и общества лежит представление о том, что как таковое социальное взаимодействие детерминировано экономической активностью правящих и управляемых социальных групп.

Следует отметить, что в объяснении принципов социального развития Л. Гумплович занимает позицию жёсткого методологического коллективизма. Наделяя социальные группы субъектными свойствами, он в то же время отказывает в наличии таковых входящим в них индивидам, полагая, что их поведение полностью определяется принадлежностью к определённой социальной группе¹⁹⁵. Возникающий на этой почве конфликт интересов различных групп он считает базовой, естественно-необходимой формой общественных отношений и одновременно ключевым фактором социодинамики.

Собственный концептуально-теоретический анализ взаимодействия государства и общества Л. Гумплович предваряет констатацией того факта, что «существо государства даже до сих пор не выяснено наукой»¹⁹⁶. Решая эту проблему, в качестве важнейшего родового признака государства, встречающегося на всех этапах его исторического развития, он указывает на разделение на правящие и управляемые социальные группы, добавляя, что управляемых всегда больше, чем правящих. Исходя из этого, им делается вывод, что государство представляет собой «совокупность учреждений, имеющих целью господство одних над другими, и именно меньшинства над большинством»¹⁹⁷. Характеризуя же понятие общества, он отмечает, что его развитие в социальной науке напрямую связано с изменением концептуальных представлений о сущности государства. Заданная Платоном парадигма понимания последнего как стихийно возникающей, потребностно-

¹⁹⁴ Oppenheimer F. The State. Indianapolis: The Bobbs-Merill Company Publishers, 1972. P. 278.

¹⁹⁵ См. Гумплович Л. Основы социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

¹⁹⁶ Там же, с. 180.

¹⁹⁷ Там же, с. 182.

обусловленной формы организации совместной жизни людей, которая производит и фиксирует различия между ними, сменилась, восходящим к Т. Гоббсу представлением о планомерном, искусственном возникновении государства, учреждаемого соглашением равных от природы индивидов. В рамках новой, *договорной* парадигмы, пишет Л. Гумплович, «всякие различия [между индивидами – прим. И. Г.] должны были исчезнуть и государству приходилось разложиться на свои “совершенно равные” между собой индивидуальные атомы»¹⁹⁸. Далее он отмечает, что постепенное отдаление государства от индивида закономерным образом привело к противопоставлению их «интересов», что и обусловило концептуально-теоретическую (и только потом и практическую) необходимость в *посреднике* между ними, роль которого была уготована «обществу» («гражданскому обществу»), и подчёркивает, что само понятие общества долгое время являлось «скорее доктриной в строгом смысле этого слова, чем выведенным из действительных отношений понятием» и «не означало ничего конкретного»¹⁹⁹.

Дальнейшее развитие и содержательное наполнение понятия «общества» в социальной науке, по его мнению, происходило под определяющим влиянием политической экономии. Причины распространения экономического детерминизма, сформировавшего «одностороннюю», «исключительно-экономическую» интерпретацию сущности общества, Л. Гумплович видит, главным образом, в том, что современные учёные-государствоведы «под “социальной наукой” привыкли понимать, прежде всего, политическую экономию»²⁰⁰. В схожем ключе, впрочем, мыслит и он сам, полагая, что именно принадлежность индивида к той или иной социальной группе определяется, прежде всего, его экономическими интересами, а невозможность реализации последних становится важнейшим

¹⁹⁸ Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб., 1910. С. 175.

¹⁹⁹ Там же, с.176.

²⁰⁰ Гумплович Л. Основы социологии. М., 2010. С. 70.

источником социально-политических конфликтов. Поэтому проблема взаимодействия государства и общества должна рассматриваться, прежде всего, в оптике экономического детерминизма²⁰¹.

Особое значение для разработки и обоснования конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества имеют работы **Макса Вебера**. Если в теории насильственного происхождения государства Л. Гумпловича эти формы организации совместной жизни людей наделялись реальными субъектными свойствами, и именно в силу этого оказывались в состоянии перманентного конфликта, то для немецкого социолога ни государство, ни общество не существуют как *реальность sui generis*. Согласно развиваемому им методологическому индивидуализму, их существование является чем-то сугубо феноменальным, проявляющемся лишь в деятельности индивидов. Так, общество в его трактовке представляет собой, не что иное как совокупность социальных действий индивидов, которые стремятся к достижению своих собственных целей, определяемых их личными мотивационными предпочтениями. Характерно, что, М. Вебер практически не использует само понятие общества как таковое, являющегося для избранной им методологии, чем-то вроде «атавистических остатков» гегельянства, а концентрируется на описании различных конкретных общностей. Под государством же, рассмотренным «с социологической точки зрения», немецкий мыслитель так же понимает «только вид человеческого поведения особого рода»²⁰², т.е. совокупность определённых социальных действий индивидов, направленных в силу их субъективных мотивационных предпочтений на воспроизводство определённого социально-политического порядка. Согласно веберовскому пониманию государства, как отмечает Г. С. Семиглазов, «этот институт не является ни самостоятельной реальностью и активным субъектом,

²⁰¹ Схожие представления о взаимодействии государства и общества развивались также в рамках Австрийской экономической школы, особенно в работах Ф. Фон Хайека. Подробнее об этом: Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм, демократия. Политическая философия австрийской школы. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2020.

²⁰² Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 508.

ни инструментом и объектом, ни “общественным договором” между людьми – только социальные действия и отношения, обладающие шансом на регулярную воспроизводимость на определенной территории, и носят название “государства”»²⁰³. Таким образом, для М. Вебера и само происхождение государства как органа насилия, и различные формы взаимодействия государства и общества могут быть поняты исключительно как результаты «констелляций» индивидуальных действий.

Опираясь на методологический индивидуализм, М. Вебер фактически впервые в социологической науке решает задачу построения системно разработанного, исключая «метафизические сущности», строгого рационально-логического обоснования²⁰⁴ конфликтной природы взаимодействия государства и общества. Ключевым для этого обоснования является его концепция власти как фундаментального социального феномена, определяющего порядок социального взаимодействия индивидов. В его понимании власть «состоит в способности индивида А добиться от индивида Б такого поведения или такого воздержания от действий, которое Б в противном случае не принял бы и которое соответствует воле А»²⁰⁵. Такое определение сущности власти²⁰⁶ подводит к представлению о неизбежной, *хронической* конфликтности социальных отношений как таковых, неявно, но вполне определённо утверждая закономерно-конфликтный характер взаимодействия индивидов. В дальнейшем, выраженный в той или иной степени, акцент на насильственно-индивидуалистическом характере власти

²⁰³ Семиглазов Г. С. Понятие государства в работах М. Вебера и Г. Ландауэра: анализ веберовского определения из перспективы анархической теории. Социология власти. 2020. № 32 (4). С. 140.

²⁰⁴ Строя свою *понимающую социологию* с опорой на «социальное действие» М. Вебер, по сути, разрабатывает понятийную архитектуру-критику «социологического разума», на основе которой можно было бы объяснить социальную реальность вообще (и не в последнюю очередь взаимодействие государства и общества) в качестве результата *деятельности* (разума) индивида.

²⁰⁵ Алексеева Т. А. Власть // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001.

²⁰⁶ Любопытно, что сам М. Вебер не считал это определение единственным или окончательно устоявшимся, о чём свидетельствует наличие и других дефиниций власти в его более поздних работах. Тем не менее, в отечественных философских словарях и энциклопедиях именно оно, как правило, приводится в качестве базового определения феномена власти, причём, нередко даже без ссылки на конкретную работу немецкого мыслителя.

станет одним из ключевых принципов не только веберовского подхода к анализу взаимодействия государства и общества, но и всей современной социальной науки, прежде всего, социологии и политологии*.

Процесс становления современного государства М. Вебер связывает с наступлением эпохи Модерна. Предшествующие государству формы социально-политической организации совместной жизни людей, называемые им «политическими союзами» характеризовались доминированием традиционного и/или харизматического типов легитимации политической власти, что, как считает немецкий мыслитель, было обусловлено прежде всего, известной неразвитостью социальных институтов, малоподвижностью социальной структуры в целом. Для этого этапа исторического развития был свойственен, своего рода, синкретизм государства и общества, о чём свидетельствует, прежде всего, отсутствие функционально разветвлённого аппарата политической власти и многочисленных «стражей порядка», чьей исключительной прерогативой является применение насилия. И только с началом Модерна происходит «выделение из общества» особой социальной группы, которая в целях политического управления концентрирует «в своих руках» средства материального производства.

Характеризуя процесс становления современного государства М. Вебер во многом воспроизводит логику, заданную ещё Г. Спенсером, также связывая переход от социально-экономически не развитого, «воинствующего» типа общественно-политической организации к развитому, «промышленному», с постепенным отделением средств материального производства и формированием штаба управления последними. В целях сохранения собственной политической власти индивиды, образующие социальную группу под названием «государство» устанавливают и поддерживают монополию на применение легитимного насилия в отношении индивидов, представляющих управляемую часть общества. Таким образом, согласно М. Веберу,

* А также конфликтологии и психологии.

государство – это «организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей»²⁰⁷.

Для веберовского понимания взаимодействия государства и общества в современных условиях важно, что если ранее, в предшествовавших государству «политических союзах», источником легитимации социального действия индивида была «прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает»²⁰⁸, то в современном государстве практика политического управления этого не предполагает, – напротив, последнее, в принципе, основывается на необходимости формального соблюдения безличного закона. В таких условиях закономерным образом происходит постепенное угасание политической субъектности как таковой, в результате чего и процесс политического управления становится всё более безличным, не зависящим от, и даже не требующим сколько-нибудь выдающихся личностных качеств. Управление обществом как будто отрывается от деятельности конкретных индивидов и принимает бездушные формы механической регуляции социального взаимодействия со стороны государства (тот самый гоббсов «Левиафан»). «Не случайно и осуществляющая этот тип господства формально-рациональная бюрократическая машина, – отмечает П. П. Гайденко, – должна служить исключительно “интересам дела”; её безличный характер полностью соответствует её “внеценностным установкам”»²⁰⁹. Меняется и сама специфика взаимодействия государства и общества, организация и формы которого (взаимодействия) теперь практически монополизируются бюрократическим аппаратом, осуществляющим реальное политическое

²⁰⁷ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 650–651.

²⁰⁸ Там же, с. 665.

²⁰⁹ Гайденко П. П. История и рациональность / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. М.: Политиздат, 1991. С. 89.

управление.

Вообще, анализ процесса бюрократизации государственно-политического управления как одного из главных направлений глобально-исторической динамики форм взаимодействия государства и общества можно отнести к числу центральных сюжетов социологического учения М. Вебера. Показательна, в этой связи, характеристика А. Антера, который в специальной работе, посвящённой реконструкции политической теории немецкого мыслителя, говорит, что последнего «намного меньше интересовала проблема происхождения государства, в отличие от его структурной формы и способа функционирования, т.е. бюрократии»²¹⁰ и, что в фокусе проводимого им анализа взаимодействия государства и общества находится именно феномен бюрократического политического правления. Не будет, видимо, преувеличением сказать также, что именно М. Веберу принадлежит, пожалуй, наиболее удачный, в целом, вариант концептуально-теоретического осмысления феномена бюрократии как способа организации социально-политического взаимодействия индивидов, специфичного для современного типа взаимосвязи общества и государства.

В своём анализе немецкий мыслитель исходит из того принципиального положения, что результатом объективно-исторического процесса бюрократизации социальной сферы становится превращение бюрократии в особую социальную группу, профессиональные обязанности которой заключаются, прежде всего, в осуществлении политического управления обществом, т.е. в непосредственной организации взаимодействия государства и общества. Выделение из общества и автономизация аппарата бюрократического политического правления одним из своих важнейших следствий имеют возникновение и нарастание «конфликта интересов» между объективными процессами рационализации социальной жизни и традиционно

²¹⁰ Anter A. Max Weber's Theory of the Modern State: Origins, Structure and Significance. Basingstoke: Palmgrave Macmillan, 2014. P. 158.

мотивированным поведением индивидов и/или их личностными качествами и убеждениями. Согласно М. Веберу «бюрократическое господство» строится на ожидании от индивида рациональных калькулируемых, т.е. прагматично-предсказуемых, и, соответственно, удобных для внешнего планирования-управления, по сути, обезличенных социальных действий. К тому же, для достижения возможно большей простоты и эффективности управления обществом, это господство оказывается объективно заинтересованным в нивелировании значимости субъективных мотивационных предпочтений в рамках социальных отношений. Установление государством надындивидуальных требований-норм рационального социального поведения, выполнение которых является обязательным для воспроизводства определённого социально-политического порядка, свидетельствует, таким образом, как о появлении новых форм социального взаимодействия, так и о его углублении и расширении. Закономерным следствием этого процесса оказывается конфликт между «жизненным миром» индивида и довлеющим над ним надындивидуальным государственным «Я» бюрократического аппарата.

Акцент на надындивидуальном характере «бюрократического господства», который, так или иначе, просматривается в веберовском понимании этого феномена, придание бюрократии своего рода субъектных свойств и качеств, можно, наверное, считать вынужденной методологической уступкой немецкого мыслителя. Противопоставив методологическому коллективизму индивидуалистическое истолкование государства и общества, М. Вебер, тем не менее, не смог окончательно избавиться в своём учении от «коллективных сущностей». Бюрократия предстаёт у него не только как организационная форма взаимодействия государства и общества, но, по сути, и как реально действующий субъект этого взаимодействия, фактически замещающий собой государство и существующий, независимо от устремлений индивидов. Возникающий между государством и обществом

конфликт, таким образом, оказывается закономерным следствием социального развития, оборачивающегося всё большей бюрократизацией социальной сферы, что, в свою очередь, ведёт ко всё большей рационализации процессов социально-политического управления и, одновременно с этим, к выхолащиванию внутреннего, ценностного смысла социального взаимодействия.

Таким образом, веберовский анализ «бюрократического господства» как специфически современной формы организации взаимодействия государства и общества, по сути, завершает оформление концептуального каркаса конфликтной стратегии, а предложенное М. Вебером определение государства как «монополии на легитимное физическое насилие», можно сказать, приобрело практически парадигмальное значение для современной социальной науки.

Вместе с тем, в ходе дальнейшего развития последней известная узость веберовской «насильственной» парадигмы понимания государства и способов и форм его взаимодействия с обществом была преодолена. Её существенная коррекция и углубление были осуществлены, прежде всего, в концепции «символического насилия» **Пьера Бурдьё**, составившей значительный вклад в формирование современного этапа развития конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества. Бурдьё существенно расширяет рамки веберовского понимания функций государства и процесса государственно-общественного взаимодействия в целом, дополняя концепцию немецкого мыслителя представлением о символическом характере государственной власти и символических основаниях социально-политического порядка как такового. Сам он пишет об этом «дополнении» так: «Я дополнил знаменитое определение Макса Вебера «...», внёс в него поправку, сказав, что это “монополия на легитимное физическое и *символическое* насилие“. Можно было бы даже сказать, «монополия на легитимное символическое насилие», поскольку монополия на символическое

насилие является условием реального владения монополией на физическое насилие²¹¹.

П. Бурдьё показывает, что государство есть форма организации общества посредством не только и даже не столько физического, сколько «метафизического», символического насилия. Объективно-субъективная природа символического государственного контроля над обществом выражается не только в управлении собственно социально-политическими и/или экономическими институтами, но и в регламентации неполитических, фундаментальных для жизнедеятельности индивидов организационных форм, вне которых невозможно само существование общества. Он считает, что символическое насилие государства воплощается как в собственно социальных «структурах и механизмах», так и «в головах людей, в виде мыслительных структур, категорий восприятия и мышления»²¹². Для его концепции принципиально важно обоснование того, что государство воздействует даже на «ментальные структуры» индивида, оно «учреждает крайне важные обряды институционализации, которые структурируют не только социальные иерархии «...», но также и ментальные структуры»²¹³.

Подчёркивая тесную связь разного рода символических структур, в особенности таких, казалось бы совершенно далёких от политики, как официальный календарь, национальные и религиозные праздники, язык, с властью и государственным управлением, П. Бурдьё отмечает, что именно государство «обосновывает логическую и моральную интеграцию социального мира, а потому и фундаментальный консенсус относительно смысла социального мира»²¹⁴, что свидетельствует об основополагающей роли государства в организации общественных отношений и его стремлению к

²¹¹ Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989- 1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С.50.

²¹² Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 226.

²¹³ Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989- 1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 352.

²¹⁴ Там же, с. 25.

контролю над ними. В этой связи он говорит и о значении государственного контроля над системой образования, посредством которой государство «институционализирует умы», отмечая, что «система школьного образования, особенно через преподавание истории и литературы, вбивает в головы учеников основы настоящей “светской религии”»²¹⁵.

Принципиальным для Бурдьё было положение о том, что для формирования и воспроизводства любого реально существующего социально-политического порядка необходимо его внутреннее принятие индивидами. Возникновение государства поэтому представляет собой не начало, но «завершение процесса концентрации различных видов капитала»²¹⁶, а именно экономического, культурного (или информационного), социального и в значительной, если не решающей степени, символического²¹⁷. Это означает, что государство понимается как результат, объединяющий различные формы социального взаимодействия, своего рода, *всеобщее социальное поле*. В этой связи П. Бурдьё также характеризует его как «инстанцию, которая конституирует социальный мир в соответствии с определёнными структурами»²¹⁸.

Очерчивая представления П. Бурдьё о специфике взаимодействия государства и общества, можно сказать, что государство, в его понимании, есть что-то вроде «точки сборки» форм и смыслов социального взаимодействия. Иными словами, именно государство, по сути, и вносит единство в общество, предоставляя для социальных взаимодействий как таковых, своего рода, арену с заранее установленными универсальными «правилами игры». В этом, по словам известного российского исследователя социологии П. Бурдьё А. Т. Бикбова и состоит «историческая *differentia*

²¹⁵ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 142.

²¹⁶ Там же, с. 227.

²¹⁷ П. Бурдьё говорит, что: «символический капитал, как указывает само слово, относится к порядку познания и признания». Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989- 1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 365.

²¹⁸ Там же, с. 353.

specifica государства”, играющего роль “геометрического места точек”, или мета-поля, в котором управление всеми прочими полями определяется универсалистскими регулятивами»²¹⁹.

Таким образом, под государством в концепции П. Бурдьё понимается всеобъемлющее пространство-поле для деятельности преследующих свои интересы индивидов, а, тем самым, и для социальных конфликтов, как наиболее распространённой формы социального взаимодействия. Для нашего анализа необходимо отметить, что обоснование роли и значения «символического капитала» в генезисе и функционировании государства и его взаимодействия с обществом, объективно ведёт к расширению «поля» потенциальных конфликтов, распространению их не только на политику или экономику и даже не только на сферу культуры, но и на, казалось бы, сугубо технические, *аполитичные* предметы, вроде летоисчисления или школьного расписания. Таким полем государственного контроля и регламентации и, соответственно, потенциального конфликта у П. Бурдьё оказываются не только «ментальные структуры» в целом, но даже конкретные нормы языка, правописания и произношения.

Поскольку социальные отношения выстраиваются по принципу конкуренции, постольку достижение той или иной степени контроля над государством как «метасоциальным полем» оказывается, важнейшим средством и конечной целью самореализации индивидов. Иными словами, так же как главным критерием эффективности экономической компании, заинтересованной в максимизации собственной прибыли, оказывается «захват рынка», т.е. собственно говоря его *монополизация*, так и индивид, руководствуясь вполне естественным стремлением к удовлетворению собственных потребностей, в процессе его реализации стремится к возможно большему контролю над различными социальными полями, в пределе,

²¹⁹ Бикбов А. Т. Как делается государство / Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 21.

претендуя на монополизацию собственного влияния на них, а, в конечном счёте, также и на монополизацию «метасоциального поля», т.е. государства. В целом, разработанная П. Бурдье концепция символического насилия как одного из важнейших факторов организации общественно-политической жизни, несомненно, существенным образом «достроила» конфликтную стратегию взаимодействия государства и общества, углубив понимание как истоков социальных конфликтов, так и путей, и способов их разрешения.

Подводя итог анализа конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества, отметим, что современный этап её развития неразрывно связан с формированием и расцветом социологической науки. Опора на естественно-научные методы позволила ей утвердиться в качестве главенствующей дисциплины социального познания, концептуально-теоретическая значимость которой подкреплялась также непосредственной практической направленностью и заявленным преобразовательным потенциалом. Именно в рамках «новой науки об обществе» впервые со времён учений об «общественном договоре» становится вновь актуальным представление о конфликтном характере социального взаимодействия, а конфликт, как таковой, понимается как естественно-необходимая, субстанциальная форма взаимодействия государства и общества. Принципиальное концептуально-теоретическое завершение конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества на современном этапе её развития осуществлено в теории насильственного происхождения государства, которая связывает его возникновение с монополизацией экономического физического и символического насилия правящими социальными группами.

2.2. От конфликта к антагонизму: становление и развитие антагонистической формы конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества

Стремление к научности, критичности и преобразовательский пафос,

которыми изначально вдохновлялась *новая наука об обществе*, достигли своей кульминации в учении марксизма, возникшего и развивавшегося в один исторический период с позитивизмом и выступившего в качестве идейной и теоретико-методологической альтернативы последнему. Марксизм, так же, как и позитивизм, заявлял о разработке принципиально новой методологической программы социального познания. Эта программа, впервые в истории мысли соединяла неразрывной сущностной связью «передовую теорию» с «революционной практикой» и прямо заявляла о необходимости «изменить мир»²²⁰, утверждая, что именно изменение, а не простое «объяснение» мира, может и должно быть целью подлинно научного познания, для которого практика становится теперь и главным, если не единственным критерием истины, и, главной целью. В качестве передовой, собственно, единственной подлинно научной теории марксизм должен был конкурировать с позитивизмом, т.к. и О. Конт, и К. Маркс как отмечает Ю. Н. Давыдов, претендовали «на роль создателя “подлинно научной” социальной теории, окончательно преодолевающей “ненаучность” (или “ограниченность”, или “коренную недостаточность”, у Маркса еще и “порочность”) всего предшествовавшего им социального знания»²²¹.

Ключевой для марксистской социальной теории была идея «материалистического понимания истории», послужившая общей методологической основой для построения марксистской стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества. Наиболее существенной, принципиальной особенностью этой стратегии было рассмотрение данного взаимодействия в рамках более общего учения о классовой борьбе, сквозь призму *антагонистического противодействия*

²²⁰ Ср. знаменитый 11-й тезис «О Фейербахе»: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Т. е. философы теперь призваны были изменить мир (во зле лежащее царство эксплуатации и отчуждения) или, по меньшей мере, объяснить, почему и как его необходимо изменить. Этот тезис, заметим, также, как и *новая социология* был направлен непосредственно против философии Гегеля, утверждавшей *разумность действительного* мира.

²²¹ Давыдов Ю. Н. Социальная мысль в контексте общенаучных программ XVII–XVIII вв. / История теоретической социологии. Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 120.

классов. Надо сказать, что определения понятия «класс» К. Маркс не дал, для него, как отмечает А. Б. Гофман, «это понятие представлялось достаточно очевидным и настолько фундаментальным, что можно было обойтись без его определения»²²². Для нашего анализа важно отметить, что марксистское понимание класса и классовых взаимоотношений отражало, весьма распространённые в середине 19 в. в социальной науке представления о преимущественно конфликтном характере социального взаимодействия, основной формой которого является противостояние правящих и управляемых социальных групп.

Такой подход, в особенности при отождествлении государства с правящим аппаратом, позволял говорить о наличии собственных интересов у государства и общества и, в качестве дальнейшего следствия, – о неизбежной борьбе между ними за реализацию этих интересов. Сформулированная в терминах классовой борьбы, соответствующая интерпретация взаимодействия государства и общества, опиралась также на представление об экономической конкуренции как базовой форме взаимодействия индивидов. В «Немецкой идеологии» К. Маркс на этот счёт говорит следующее: «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов»²²³. Таким образом, в марксистском учении происходит конструирование идентичности индивида посредством включения его в общественные отношения как представителя одной из антагонистических социальных групп. Что же касается социального взаимодействия классов в целом, то оно приобретает выраженно антагонистический характер именно в результате осуществляемой

²²² Гофман А. Б. Социологические концепции К. Маркса / История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М.: Академический проект, 2020. С. 144.

²²³ Маркс К. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 56.

правлящим классом экономической эксплуатации угнетаемого класса²²⁴. Неслучайно, именно эксплуатация, «присвоение труда» были выделены В. И. Лениным в качестве наиболее существенного признака понятия класса в его марксистском понимании: «классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»²²⁵.

Возникновение государства, рассмотренное в оптике учения о классовой борьбе, трактовалось в марксизме как результат деятельности господствующих классов, направленной на институциональное закрепление сложившихся форм экономической эксплуатации угнетаемых классов. Иными словами, классики марксизма утверждали, что обострение классовых противоречий в обществе есть главная* причина, которая закономерным образом привела к возникновению государства. Так, Ф. Энгельс пишет, что на до-государственном этапе социальной организации правящему классу «недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним. И такое учреждение появилось. Было изобретено государство»²²⁶. Таким образом, постулирование закономерной генетической взаимосвязи между правящим классом и государством, прямое ассоциирование правящего класса с государством, в духе весьма в целом характерного для конфликтной стратегии отождествления государства и правительства дало возможность концептуально-теоретически обосновать и подчеркнуть направленность этого института против интересов

²²⁴ Следует отметить, что по К. Марксу, классовый антагонизм не является изначальной формой социального взаимодействия, хотя его возникновение трактуется им в качестве исторически необходимого следствия развития социально-классовых противоречий.

²²⁵ Ленин В. И. Великий почин / Ленин В. И. Соч. Т. 39. С. 15.

* Но, как известно, согласно К. Марксу, не единственная, поскольку при «азиатском способе производства» государство возникает, прежде всего, в силу технологической необходимости. Подробнее о связи классовых противоречий с генезисом государства в марксистском учении говорится далее в разделе 3.1.

²²⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 111.

общества в целом.

Марксизм, в принципе не отрицал объективной необходимости существования государства на определённых этапах исторического развития. Более того, Ф. Энгельс писал, что само возникновение этой «силы, держащей общество в границах порядка» было продиктовано необходимостью примирения обострившихся классовых противоречий, которые достигая состояния неразрешимых, ведут к неизбежному расколу общества. Существование государства, таким образом, «оправдывается» тем, что оно не позволяет «классам с противоречивыми экономическими интересами» «пожрать друг друга и общество в бесплодной борьбе»²²⁷. Иными словами, Ф. Энгельс подчёркивает роль государства как необходимого регулятора социальных отношений, аппарата управления и контроля, стоящего над обществом. Однако, в рамках марксистского учения эта констатация, тем не менее, не означала, что государство как таковое имеет «амбивалентную» природу; оно, оставалось пусть и необходимым (для «антагонистического», – т.е. «неправильно», «несправедливо» устроенного общества), но – злом. Поэтому только постепенное его «отмирание» и может привести к преодолению «антагонистических противоречий» в обществе и действительному освобождению людей.

Государство, считает Ф. Энгельс, всегда «является государством исключительно господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса»²²⁸. Поэтому специфическим государственным средством установления и сохранения социально-политического порядка является насилие: «Общество разделяется на классы «...», а государство «...» отныне получает в такой же мере и назначение – посредством насилия охранять условия существования и

²²⁷ Там же, с. 170.

²²⁸ Там же, с. 176.

господства правящего класса против класса угнетенного»²²⁹. То, что государство по сути своей и фактически, есть не что иное как аппарат принуждения, находящийся «в руках» правящего класса и помогающий ему посредством применения насилия подвергать экономической эксплуатации *угнетённый* класс, собственно лучшую, трудящуюся часть общества, принципиально для марксистской традиции. Её известный знаток Л. Альтюссер отмечает «категоричность» марксистского учения в этом отношении: «начиная с “Манифеста Коммунистической партии” и “Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта” (и во всех последующих текстах, прежде всего у Маркса о Парижской коммуне и у Ленина в “Государстве и революции”) государство понимается как репрессивный аппарат»²³⁰.

Отметим, что в марксистском учении понятие «насилие» отличается известной метафоричностью и, по сути, не терминологизировано, однако, как и понятие «эксплуатация», также недостаточно проясненное, имеет принципиальное значение в объяснительных концептуально-теоретических схемах марксизма и, в особенности при анализе взаимодействия государства и общества, который строится в логике анализа взаимоотношений эксплуататоров и эксплуатируемых. В этой связи, отметим то и теоретически, и практически немаловажное обстоятельство, что в марксистском учении, насилие, впервые в истории мысли играет позитивную, *прогрессивную* роль. В знаменитом фрагменте из «Анти-Дюринга» Ф. Энгельс, разоблачая «нытьё» Дюринга с осуждением насилия, поясняет, что надо понимать, что насилие как таковое имеет также и положительную сторону: «насилие играет в истории и революционную роль. Оно по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе

²²⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 152.

²³⁰ См. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175.

дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы»²³¹.

Для марксизма значение насилия определяется не только его ролью в революционной практике, но, в соответствии с фундаментальным марксистским принципом единства теории и практики, также и теоретической значимостью, когда оно рассматривается, по сути, как один из важнейших конституирующих факторов социальности и необходимое средство освобождения индивида и общества. Поэтому реальная социальная практика взаимодействия государства и общества, с марксистской точки зрения, невозможна без насилия государства по отношению к обществу. Отказ же от насилия как такового, в силу объективных законов общественного развития, будет возможен только в будущем коммунистическом обществе. Именно поэтому важнейшим следствием будущей победы угнетаемого класса должно стать «отмирание государства»: общество в этот момент уже не будет «нуждаться» в насилии, управлении посредством принуждения, что и заставит государство исчезнуть вслед за его «хозяевами».

Особое значение для марксистского анализа взаимодействия государства и общества имеет также концепция публичной власти, расширившая представления о классовом характере социальной организации. Характеризуя историческую динамику форм общественно-политического устройства, в «Происхождении семьи...» Ф. Энгельс назовёт публичную власть, *«отделённую от массы народа»*, «существенным признаком» перехода от родоплеменной, военизированной социальной организации к государству²³². Далее он отмечает, что «публичная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства»²³³, и, что «обладая публичной властью «...», чиновники становятся, как органы

²³¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. С. 189.

²³² Здесь Ф. Энгельс фактически воспроизводит классическую для конфликтной стратегии интерпретацию перехода от «воинствующего» типа социальной организации к «промышленному», включая её в контекст учения о борьбе классов.

²³³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 171.

общества, *над* обществом»²³⁴. В такой трактовке возникновения государства формирование этого важнейшего элемента политической надстройки представляет собой, по сути, процесс выделения института-аппарата публичной власти из общественных отношений. Следует отметить также, что, согласно марксистскому учению, публичная власть в государстве воспроизводится в деятельности правящего класса и невозможна без неё. Хотя публичная власть призвана обеспечивать контроль над материальными производительными силами, её форма, тем не менее, определяется базисными для данного общества производственными отношениями. Такое понимание природы публичной власти, как представляется, и позволило Ф. Энгельсу прогнозировать «отмирание государства», которое необходимым образом должно последовать за ликвидацией правящего класса.

Таким образом, развитый в марксистском учении классовый анализ взаимодействия государства и общества представляет собой новую форму конфликтной стратегии, которая может быть названа антагонистической. Ключевым для этой конфликтно-антагонистической стратегии становится представление об антагонизме правящего и управляемого класса как главной (хотя и не единственно возможной) форме их взаимодействия. Понимание государства как публичной власти позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу обосновать наличие глубинной, экзистенциальной взаимосвязи между правящим классом и «изобретённым» им «репрессивным аппаратом» принуждения. Подчёркивая репрессивную сущность государства как «машины подавления», классики марксизма утверждают, что существование последнего обусловлено, в конечном счёте, лишь разделением общества на «антагонистические классы» и, что с исчезновением классового антагонизма «отомрёт» и государство. Соответственно, ещё одним важнейшим постулатом марксистского учения становится утверждение что существование подлинно свободного высокоразвитого общества возможно только при его

²³⁴ Там же.

безгосударственной организации.

Дальнейшая разработка конфликтно-антагонистической стратегии взаимодействия государства и общества продолжилась в учении о «культурной гегемонии» **Антонио Грамши**. Важнейшей сферой антагонистического противодействия государства и общества наряду с производственными отношениями он считает сферу культуры, за установление гегемонии над которой также разворачивается ожесточённая борьба между классами. Ключевым для его анализа становится понимание государства как института, защищающего гегемонию правящего класса посредством не только физического принуждения, но и контроля над культурой. Для описания исторической динамики взаимодействия государства и общества А. Грамши использует понятие «исторического блока», с тем чтобы при анализе этого взаимодействия учитывать не только экономические отношения между классами, но и весь комплекс взаимоотношений между ними, и в особенности, в сфере культуры. Он отмечает, что изначально сущность государства заключалась в принуждении, именно в «гегемонии, облечённой в броню принуждения»²³⁵, – по его образной характеристике, а само государство, в силу этого, представляло собой репрессивный аппарат управления социальными институтами. Такую трактовку государства, А. Грамши считает «государством в узком смысле» и называет его «институциональным». «Институциональному государству»²³⁶ соответствует «политическое общество», главным признаком которого является такое господство правящего класса, которое обеспечивается, прежде всего, если даже не исключительно, посредством насилия.

²³⁵ Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 114.

²³⁶ Крупнейший зарубежный исследователь философии А. Грамши Дж. Лестер относит к «одной из фундаментальных проблем, с которой сталкиваются читатели "Тюремных тетрадей" Грамши», «различное толкование понятия "государство"». Он отмечает также, что «в некоторых случаях под государством понимается просто "аппарат управления" и ничего более». Подробнее об этом см.: Лестер Дж. Теория гегемонии Антонио Грамши и её современное звучание. [Электронный ресурс] // Политнаука. Политология в России и мире. Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/classic/leyster.php>. (Дата обращения 02.10.2023).

Более развитым, сложноорганизованным чем это государство А. Грамши называет государство «целостное» или «интегральное». Оно представляет собой «целый комплекс практической и теоретической деятельности, посредством которой правящий класс не только оправдывает и поддерживает свое господство, но и преуспевает в получении активного согласия тех, кем он управляет»²³⁷. Иными словами, целостность «интегрального» государства достигается не только и не столько за счёт подавления управляемых, сколько посредством включения в него как «политического общества», скрепляемого принуждением, так и гражданского общества, основанного на кооперации и согласии индивидов. Получение подобного согласия необходимо правящему классу для поддержания своего политического господства, почему последний [правящий класс] и борется за сохранение собственной монополии на обладание культурной гегемонией. Интегральными, полагает итальянский мыслитель, могут быть исключительно современные западные буржуазные государства, поскольку только «на Западе между государством и гражданским обществом были упорядоченные взаимоотношения, и если государство начинало шататься, тотчас же выступала наружу прочная структура гражданского общества»²³⁸. Это означает, что разнообразные культурные институты, формирующихся в гражданском обществе, не в меньшей степени, чем «цепи крепостей и казематов», если воспользоваться образным сравнением А. Грамши, т.е. собственно репрессивный аппарат, обеспечивают устойчивость государственной власти.

Принципиальной новацией предложенной А. Грамши в рамках марксистского подхода к анализу взаимодействия государства и общества было положение о том, что, т.к. в современных условиях гражданское общество продуцирует согласие управляемых и, тем самым, фактически

²³⁷ Грамши А. Указ. соч. С. 128.

²³⁸ Там же, с. 200.

является одной из «несущих основ» государства, то для революционного захвата государственной власти и коренного переустройства социально-политического порядка, помимо свержения собственно политического господства правящего класса, необходимо также обеспечение культурной гегемонии. Таким образом, обретение полноценного контроля над государством, с его точки зрения, требует установления политического господства в «широком смысле», т.е. гегемонии в формировании как властных отношений, так и культурных универсалий общества. Конкретизируя, можно заметить, что реальное обладание государственной властью, согласно А. Грамши, выражается не только во владении репрессивным аппаратом, но и, в не меньшей степени, контролем над образовательными и медицинскими учреждениями, театрами и музеями, наконец даже спортивными ассоциациями. Поэтому «“нормальное” осуществление гегемонии, – пишет итальянский мыслитель, – характеризуется сочетанием силы и согласия, принимающих различные формы равновесия, исключаящие слишком явное преобладание силы над согласием»²³⁹.

Предложенное А. Грамши более широкое толкование марксистского подхода к анализу взаимодействия государства и общества, показавшее значение государственного принуждения не только в экономической, но и в культурной сфере общества, получило развитие в неомарксизме²⁴⁰, прежде всего, в философии Франкфуртской школы. Развивая логику учения о «культурной гегемонии», М. Хоркхаймер и Т. Адорно разрабатывают концепцию «культуриндустрии» как особой формы воздействия государственной власти на общество посредством массовой культуры, выполняющей роль инструмента закрепления политического господства правящего класса. Характеризуя индустриальное развитие европейских государств, авторы «Диалектики Просвещения» отмечают, что оно

²³⁹ Там же, с. 220.

²⁴⁰ Влияние идей А. Грамши прослеживается и в постмарксизме, в частности, в работах таких известных сегодня авторов как Ш. Муфф и Э. Лаклау.

происходило под знаменем просвещенческих идеалов культа разума и стремления к рационализации общественной жизни и деятельности индивида. Своего расцвета «культуриндустрия» достигает в тоталитарных государствах, также построенных на принципах рационализации, ведущих к унификации культурного разнообразия общества. В таких условиях государство всё более «сливается» с обществом, чему и способствует господство правящего класса в сфере культуры, которая, как отмечают М. Хоркхаймер и Т. Адорно «виртуально уже включает в себя процедуры схематизации, каталогизации и классификации, приобщающие культуру к сфере администрирования»²⁴¹.

Трансформация культуры в «культуриндустрию», – оказывающуюся на практике составной частью репрессивного аппарата управления обществом, – является, по их мнению, результатом реализации просвещенческой идеи о самоценности государства как средства поддержания определённого социального-политического порядка. В эпоху трансформации классов в массы, посредством «культуриндустрии» правящий класс поддерживает иллюзию невозможности реализации индивидуальной свободы вне государства, а всё предшествующее социальное развитие объявляется «предысторией», только подготовкой к формированию господствующего в современную эпоху социального-политического порядка ²⁴². Средствами рекламы, телерадиовещания, кино, спорта и многими другими, «культуриндустрия» закрепляет в качестве государственной идеологии, которая, отражая в действительности интересы конкретных социальных групп, представляет их как объект заинтересованности всего общества в «сильном государстве», «либеральном государстве», «рабочем государстве» и т. п.

²⁴¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб: Медиум, Ювента, 1997. С. 163.

²⁴² Здесь будет уместно вспомнить не только «брутальную» культурно-историческую пропаганду тоталитарных режимов, но и «тонкую» интеллектуальную попытку Ф. Фукуямы объявить «конец истории», которая в оптике М. Хоркхаймера и Т. Адорно может быть понята именно таким образом.

По мнению исследователей, усиление власти государства, вне зависимости от того, следует ли оно какой-либо конкретной идеологии или заявляет о своей деидеологизированности, объективно ведёт к разобщению общества, его разделению на противостоящие друг другу в политическом и экономическом отношении социальные группы. Особенно опасно стремление государства к воплощению в обществе какой-либо коллективной «сверхидеи», необходимым средством пропаганды которой как раз и служит «культуриндустрия». Попытки реализации подобных планов не только не способствуют укреплению политического единства, а, напротив ведут к культурной и общественной деградации и диссоциации. Исходя из этого М. Хоркхаймер и Т. Адорно приходят к выводу, что важнейшей задачей общества является освобождение культурной сферы от идеологического диктата государства, без чего невозможно обретение подлинной свободы.

Значительный вклад в развитие конфликтно-антагонистической стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества внёс один из самых известных представителей неомарксизма **Луи Альтюссер**. Он подвергает существенному пересмотру ²⁴³ классические марксистские, «дескриптивные» по его характеристике²⁴⁴, представления о государстве и обществе как элементах взаимосвязи базиса и надстройки. Так, говоря о государстве, Л. Альтюссер предлагает разграничивать собственно государственный аппарат как машину для подавления, находящуюся в руках правящего класса и служащую ему в целях воспроизводства экономической эксплуатации угнетаемого класса, и собственно государственную власть, которая помимо физического насилия применяет другие виды принуждения,

²⁴³ Предложенное французским мыслителем оригинальное, хотя и в значительной степени «неортодоксальное» прочтение марксистского учения встретило немало возражений. К числу наиболее резких его оценок можно отнести слова М. Лиллы, который считает, что «марксизм Альтюссера был философской однодневкой, непредставимой и даже необъяснимой, нигде, кроме как в этом парижском мире шестидесятых годов». Лилла М. Маркс и убийство. Демон Альтюссера и бегство от субъективности // Иностранная литература. 1993. № 6. С. 226.

²⁴⁴ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 184.

главным образом, идеологическое. Трансформируется-переопределяется им и понятие идеологии, которое он, уходя от классической марксистской трактовки последней как «ложной формы сознания», расширяет, интерпретируя идеологию как совокупность духовных и символических представлений индивида об общественно-политическом устройстве. Именно наличие этих представлений, т.е. приверженность определённой идеологии превращает (пассивного) члена того или иного класса в реального субъекта классовых отношений и определяет набор воспроизводимых им социальных практик.

Специфика антагонистического противодействия государства и общества анализируется Л. Альтюссером сквозь призму учения как о репрессивном, так и об идеологических аппаратах государства, навязывающих волю правящего класса с помощью специализированных социальных институтов. К первому традиционно относятся армия, полиция, тюрьмы: «Роль репрессивного государственного аппарата, – отмечает он, – в основном заключается в насильственном обеспечении (физическом или нет) политических условий воспроизводства производственных отношений, которые, в конечном счете, являются отношениями эксплуатации»²⁴⁵. В свою очередь, школа, семья, культура, пресса, профсоюзы, церковь, – все эти инстанции, представляют собой не что иное как идеологические аппараты государства, посредством которых также обеспечивается воспроизводство экономической эксплуатации угнетаемого класса, но в принципиально иной форме. Главным таким аппаратом, «занявшим господствующие позиции в зрелых капиталистических общественно-экономических формациях в результате ожесточенной политической и идеологической классовой борьбы против старого господствующего идеологического аппарата государства, – говорит Л. Альтюссер, – является школьный идеологический аппарат»²⁴⁶.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же.

Именно в школе, пришедшей на смену церкви, закладываются все необходимые условия для формирования того, что А. Грамши называл «согласием» гражданского общества. Иными словами, школа, в наибольшей степени из всех идеологических аппаратов государства способствует воспитанию гражданина, склонного воспринимать законы классового общества как объективно, естественным образом сложившиеся, и, в силу этого, «добровольно» подчиняться господству правящего эксплуататорского класса.

Так, посредством воздействия идеологических аппаратов, государство включает (Л. Альтюссер использует глагол «вербует») индивида в процесс воспроизводства наличного социально-политического порядка, основанного на экономической эксплуатации. Если с помощью репрессивного аппарата осуществляется государственный контроль над публичной сферой жизни индивида, то посредством идеологических аппаратов государственная власть контролирует частную сферу, частную жизнь индивида, оказывая влияние на формирование его системы ценностей и внутренних убеждений, что затрудняет осознание последним собственных интересов, и тем самым, способствует сохранению классового статус-кво. Поскольку единство и согласованность действий репрессивного и идеологических аппаратов государства обеспечивается именно идеологией, её значение для поддержания господства правящего класса, оказывается не меньшим, чем значение репрессивных органов. Таким образом, общество подвергаясь согласованному воздействию репрессивного и идеологических аппаратов, которые концентрируются в руках правящего класса, фактически оказывается под полным контролем государства.

Весьма оригинальную и глубокую концепцию взаимодействия государства и общества в парадигме конфликтно-антагонистической стратегии наряду с неомарксистскими теоретиками предложил и представитель философии постмодернизма, один из наиболее влиятельных

интеллектуалов XX в. Мишель Фуко. Оценивая значение его идей, современный российский учёный О. В. Кильдюшов отмечает, что «трудно найти другого философа, который бы столь методично мыслил само социальное в категориях борьбы, принуждения и сопротивления»²⁴⁷. В фокусе исследовательского интереса М. Фуко оказывается проблема «биополитики» власти как особой формы взаимодействия государства и общества, направленной на «биорегуляцию общественных отношений», т.е. на установление всеобъемлющего государственного контроля как над телом, так и над душой индивида-гражданина, над его внутренним миром. Важнейшей отличительной чертой современной государственной власти, как «биополитической» является её тотальность²⁴⁸, которая обеспечивается репрессивным государственным аппаратом «биовласти», буквально пронизывающим публичную и приватную сферы жизнедеятельности человека. «Отношения власти, – говорит М. Фуко, – проникают в самую толщу общества; они не локализуются в отношениях между государством и гражданами или на границе между классами «...» [но обеспечиваются] специфичностью механизма и модальности»²⁴⁹. «Биополитический» характер государственной власти проявляется, главным образом, в её включённости в общественные отношения и социальные институты. Школа, больница, тюрьма, казарма, считает французский мыслитель, призваны выполнять функции насильственной биосоциализации индивида, «проектировать» граждан для своего государства²⁵⁰.

²⁴⁷ Кильдюшов О. В. Война и социальный порядок: *ultima ratio* или *conditio humana*? (Гоббс – Клаузевиц – Шмитт – Фуко). Полис. № 1 (80) 2016. С. 23.

²⁴⁸ На тотальный характер власти указывал ещё Р. Барт, который писал: «Некогда мы полагали, что власть – это сугубо политический феномен; ныне считаем, что это также феномен идеологический, просачивающийся даже туда, где его невозможно распознать с первого взгляда, – в социальные учреждения, учебные заведения и т. п.». Барт Р. Лекция // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М., 1994. С. 547.

²⁴⁹ Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2005. С. 21.

²⁵⁰ Э. Гидденс считает, что имеется «очевидное сходство, между рассуждениями Фуко на тему дисциплинарной власти и взглядами Макса Вебера, анализирующего современную бюрократию». На наш взгляд, это не находит достаточного подтверждения в текстах самого М. Фуко, где практически отсутствуют ссылки на работы М. Вебера. Нам представляется, что фукианский анализ дисциплинарной власти всё же куда ближе к марксистской традиции, чем к веберовской. Подробнее об этом см: Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический Проект, 2005. С.217-234.

Особое значение для нашего анализа взаимодействия государства и общества имеет также и разрабатываемая М. Фуко концепция «полицейского государства», в которой он раскрывает объективно-исторические причины институционализации насилия. В «Рождении биополитики» он определяет «полицейское государство» как форму, «принимаемую правительственной технологией, над которой господствует принцип государственных интересов: она, так сказать, “совершенно естественно” принимает в расчет проблемы населения «...»: таким образом, здоровье, рождаемость, гигиена безоговорочно занимают важное место»²⁵¹. Возникновение «полицейского государства» связывается им с распространением в эпоху Модерна «биополитической» техники управления социальными отношениями, которую он называет «правительностью» (*governmentality*²⁵²). М. Фуко исходит из того понимания, что правительственная форма организации совместной жизни людей приходит на смену собственно общественному способу её организации и постепенно полностью вытесняет его. В этом смысле, «государство, – говорит он, – вовсе не есть естественно-историческая данность; государство «...» коррелятивно определенному способу управлять»²⁵³. Переход к «правительности» как особому способу социально-политического управления, в его понимании, оказывается столь же закономерным следствием социального развития, каким являлся когда-то переход от ручного труда к машинному производству. Таким образом, именно «правительность» оказывается главным признаком государства как специфической для эпохи Модерна формы организации совместной жизни

²⁵¹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 406.

²⁵² Которое на русский язык часто переводят как «управленчество» или просто «управление», что, на наш взгляд, всё же не в полной мере отражает смысл закладываемый М. Фуко в этот термин. В. Каплун в своей обстоятельной статье, посвящённой тонкостям перевода понятия «правительность» предлагает свой вариант – «практика (у)правления поведением». Подробнее об этом см. Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах. Логос. Т. 29. #2. С. 179-220.

²⁵³ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 19.

людей, принципиально отличной от общества.

Процесс «оправительствования государства» сопровождается становлением двух важнейших «министерств», – иностранных и внутренних дел, поскольку именно институты международной дипломатии и полиции в наибольшей степени способствовали трансформации общества в «население». Отказываясь от классической трактовки последнего как «собрания субъектов права», он определяет население «как совокупность элементов, которые, с одной стороны, присоединяются к общему режиму существования живых существ, а с другой – могут подвергаться согласованным вмешательствам (посредством законов, а также изменений их отношения к жизни, образа существования и деятельности)»²⁵⁴. Ещё одним важнейшим следствием этого процесса оказывается возникновение понятия «государственный интерес», в результате чего «оправительствованное государство» становится реальным субъектом социального взаимодействия, с присущими ему уникальными потребностями и интересами, противостоящими потребностям и интересам индивидов, образующих общество. М. Фуко отмечает, что правящие социальные группы в целях сохранения собственной политической власти в качестве главного государственного интереса видят превращение общества в население. Целью данной трансформации оказывается переход от общества как обладающей собственной внутренней структурой реальной социальной группы, ключевым свойством которой является способность к самоорганизации, к лишенной такой структуры неорганизованной массе, которая в силу отсутствия внутренней организации остро нуждается в стороннем, т.е. государственном управлении. Наиболее существенным различием между обществом и населением как раз и является наличие у первого способности к самоуправлению и самоорганизации. Иными словами, индивид как часть общества может быть не только адресатом, но и адресантом

²⁵⁴ Фуко М. Безопасность, территория, население Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс * в 1977—1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 472.

политической власти; становясь же единицей населения, он утрачивает это свойство, превращаясь в чистый объект управления.

Комментируя этот аспект фукианской критики «полицейского государства», французский исследователь М. Сенеляр отмечает, что, в целом, проблема трансформации общества в население рассматривалась М. Фуко в более широком контексте возникновения политической идеологии либерализма как «формы рациональности, характерной для устройств биополитического регулирования»²⁵⁵. Именно либерализм впервые проинтерпретирует проблему антагонистического противодействия государства и общества в терминах непрекращающейся борьбы правительства и населения, противостояние которых он считает важнейшей «формой схематизации, присущей конкретной технологии правления»²⁵⁶, т. е. фундаментальным основанием либерального политического дискурса. «Либеральная мысль, – говорит он, – исходит не из существования государства, обретающего в правлении средство достижения той цели, которую оно составляет для себя самого, но из существования общества, которое оказывается в сложных внешних и внутренних отношениях с государством»²⁵⁷. Таким образом, построение взаимодействия государства и общества в форме доходящего до антагонизма конфликта правящих и управляемых социальных групп М. Фуко относит к числу ключевых характеристик «полицейского государства», считая антагонистическое противодействие между государственной властью и управляемым населением, приходящим на смену обществу, основной формой социально-политического взаимодействия, специфичного для цивилизации Модерна.

Подводя итог нашего анализа конфликтной стратегии взаимодействия

²⁵⁵ Сенеляр М. Контекст курса / Фуко М. Безопасность, территория, население Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 501.

²⁵⁶ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 408.

²⁵⁷ Там же, с. 407.

государства и общества, отметим, что в ходе её развития на смену интерпретациям этого взаимодействия, построенным в русле методологического коллективизма и ориентации на естественнонаучные методы, приходят объяснительные модели, опирающиеся на методологический индивидуализм и преодолевающие «научно-материалистическую» односторонность в понимании закономерностей функционирования социальных процессов. Однако основополагающим для этой стратегии остаётся представление конфликта в качестве фундаментальной формы социального взаимодействия, что обуславливает, в том числе, и неизбежный конфликт правящих и управляемых социальных групп, а, тем самым и закономерный характер противостояния государства и общества. Появление и рост влияния марксистского учения, стремящегося обосновать принципиальную необходимость антагонистического «прочтения» конфликта между государством и обществом привело к разработке в рамках общей конфликтной стратегии её антагонистической формы, ключевым постулатом которой стала идея антагонистического противодействия государства и общества как основной, сущностно необходимой формы их взаимодействия. Эта идея весьма существенным образом повлияла на весь последующий ход развития как социальной теории, так и, в особенности, социальной практики, поскольку фактически исключала возможность достижения исторически долговременного принципиального согласия между правящим и управляемым классом. Как отмечает автор оригинальной концепции деятельностного подхода к анализу социальной реальности К. Х. Момджян, принципиальное отличие таких форм социального взаимодействия как социальный антагонизм и социальный конфликт состоит в том, что «в отличие от конфликтного взаимодействия, антагонистическое противодействие представляет собой такую форму коллективной деятельности, в которой интересы одной стороны могут быть удовлетворены

лишь в том случае, если противоположной стороне это не удастся»²⁵⁸. Иными словами, при антагонистическом противодействии различных социальных групп (репрезентирующих «государство» и «общество») укрепление и благополучие, свободное развитие одной из них, возможно только при условии и за счёт «порабощения», «эксплуатации» и т. п. другой.

Подобным представлениям отдали дань многие социальные теоретики XIX–XX вв.; реальная историческая практика этого периода, однако, не подтверждает, что антагонистическое противодействие правящих и управляемых социальных групп является неизбежным и носит закономерный характер. И наличие социальных конфликтов в обществе, само по себе не свидетельствует о его расколе на антагонистические группы. Как справедливо отмечает К. Х. Момджян, «самые острые конфликты образующих общество групп не означают отсутствия у них объективно общих интересов, целей, не ставят под сомнение необходимость совместных усилий, направленных на поддержание “единства противоположностей”»²⁵⁹.

Говоря о концептуальных проблемах, специфичных для конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества, отметим, что к их числу, на наш взгляд, относится, прежде всего, сама, априорная, по сути, установка на рассмотрение социального взаимодействия, главным образом, через призму конфликта, и, далее, как преимущественно экономической конкуренции, что объективно ведёт к недооценке реального значения других социокультурных факторов и, в особенности, религиозных и морально-нравственных. Кроме узости подобной оптики следует отметить также и характерную для сторонников этой стратегии «предвзятость» по отношению к государству, – при отождествлении государства и правительства, критика деятельности последнего нередко перерастает в радикальное сомнение в принципиальной необходимости существования первого.

²⁵⁸ Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М.: Высш. Шк., КД Университет, 1997. С. 444.

²⁵⁹ Там же, с. 445.

Глава 3. Интегративная стратегия взаимодействия государства и общества: онтологические основания и современные проекции

3.1. Взаимодействие государства и общества в свете современных концепций социополитогенеза

*Часть текста данного раздела была опубликована в журнале, включенном в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М. В. Ломоносова**

Проведённый в предыдущих главах работы анализ социально-философских и социологических теорий и концепций позволил выделить и охарактеризовать две основные альтернативные стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, представленные в социальной науке: интегративную и конфликтную. Первая исходит из того принципиального положения, что государство и общество суть стихийно естественно-закономерным образом возникающие и развивающиеся взаимосвязанные формы организации жизни индивида, служащие необходимым условием удовлетворения его потребностей. В рамках этой стратегии утверждается известная интегративность государственных и негосударственных социальных институтов общества, когда их взаимодействие понимается таким образом, что первые являются организующим, оформляющим началом вторых, в силу чего и само общество как таковое всегда имеет определённую, именно иерархическую структуру, а значит и различие между правящими и управляемыми. Государство в такой интерпретации оказывается не просто стоящим над обществом «аппаратом управления» и, тем более, не «машиной для поддержания господства» одной части общества над другой, а скорее охватывающим всё общество, складывающимся внутри него и растущим вместе с ним органом его управления, своего рода «центральной нервной

* Голубев И. С. Теоретико-методологические аспекты проблемы раннего государства: социально-философский анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 100–107.

системой», окончания-импульсы которой проникают во все «клеточки», воздействуют на все элементы, связи и отношения (социальной системы) общества в целом. Интегративная стратегия не отождествляет государство с бюрократическим аппаратом управления, а государственную власть как таковую – с конкретными решениями, которые принимаются теми или иными людьми, *обладающими* ею. Соответственно, взаимодействие государства и общества в этой стратегии не рассматривается как принципиально конфликтное.

Для конфликтной же стратегии основополагающим является утверждение принципиально конфликтного характера взаимодействия государства и общества. Конфликт правящих и управляемых социальных групп – это нормальное, закономерно обусловленное состояние, фактически основная форма их взаимодействия, поскольку государство есть нечто, *добавленное* к обществу, «надстроенное» над ним. Общество вообще не обязательно делится на правящих и управляемых, – изначально оно было лишено внутренней иерархической структуры, его *составляли* «равные по природе» индивиды. Поэтому общество в принципе может (а согласно антагонистической форме конфликтной стратегии интерпретации, *в свободном состоянии* даже и должно) обходиться без государства, которое, по сути своей, есть не что иное, как отделяющийся от него «аппарат». Вместе с тем, следует отметить, что в рамках конфликтно-антагонистической стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества признаётся также существование «исключений» в трактовке государства как «машины для поддержания господства» на различных этапах социального развития. Так, например, Ф. Энгельс считал, что в отдельные исторические периоды «борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и

буржуазию друг против друга – таков бонапартизм Первой и особенно Второй империи во Франции, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата»²⁶⁰.

Отметим, что привлечение классиком марксизма конкретно-исторической аргументации для концептуального анализа проблемы взаимодействия государства и общества представляется более чем оправданным, ибо адекватность той или иной стратегии интерпретации этого взаимодействия, в конечном счёте, должна поверяться практикой. Поскольку необходимую эмпирическую базу для сравнительного анализа онтологической состоятельности интегративной и конфликтной стратегий взаимодействия государства и общества предоставляют, главным образом, конкретные политантропологические исследования, изучающие реальный исторический процесс формирования государства в ранних обществах, следует, очевидно, обратиться к рассмотрению их результатов. И не только потому, что они дают возможность проверить эмпирическую обоснованность тех или иных представлений о причинах изначального разделения общества на правящих и подвластных²⁶¹, равно как и о «естественном равенстве» людей, но и в силу того, что сколько-нибудь глубокий, а, тем более, претендующий на социально-философский статус анализ взаимодействия государства и общества, в принципе не может обойтись без того или иного решения вопроса об их происхождении и сущности.

Прежде всего, следует отметить, что для современной политантропологической науки характерно фактическое воспроизведение оформившегося в социально-философской мысли конкурентного

²⁶⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 172.

²⁶¹ Приведём в этой связи мнение авторитетного советского учёного-этнографа Л. Е. Куббеля, который считает, что «исходным путём возникновения власти как таковой послужила потребность в регулировании функционирования общественного организма. Такого рода потребность, вне всякого сомнения, ощущалась уже на самых ранних стадиях эволюции человеческого общества». Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. С. 29.

противостояния двух альтернативных стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества. Один из ведущих российских политантропологов Н. Н. Крадин пишет об этом: «В настоящее время существуют две наиболее популярные группы теорий, объясняющих процесс происхождения и сущность раннего государства. Конфликтные, или контрольные, теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, классовой борьбы «...». Интегративные, или управленческие (функциональные), теории главным образом ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции»²⁶². В другой работе исследователь даёт более конкретную характеристику интегративным теориям, отмечая, что «согласно “интегративной” версии политогенеза, архаическое государство возникает вследствие организационных нужд «...» При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер [подчёркнуто нами – И. Г.]»²⁶³. Иными словами, в концептуально-теоретическом отношении политантропологические исследования движутся в русле, проложенном социально-философской мыслью, применяя выработанные в её рамках стратегии анализа социально-политических процессов для обобщения собственного эмпирического материала.

Вместе с тем, надо подчеркнуть, что популярность различных «групп» теорий о которых говорит Н. Н. Крадин совершенно несопоставима. Анализ наличной теоретической ситуации в современной политической антропологии приводит к выводу о том, что подавляющее большинство предлагаемых исследователями объяснительных моделей политогенеза, исходят главным образом из конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия

²⁶² Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция / Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 503.

²⁶³ Крадин Н. Н. Политическая антропология о происхождении государства // Древнейшие государства Восточной Европы. №2014, 2016. С. 99.

государства и общества, причём зачастую в её антагонистической форме. На доминирование таких теорий социополитогенеза среди российских исследователей обращает внимание А. Н. Тимонин, который пишет, что «из всех разделов общей теории государства только один – раздел, посвященный происхождению государства, до сих пор освещается, как правило, с марксистско-ленинских позиций. Исследования данной проблематики «...» на иной теоретико-методологической основе, и сегодня настолько редки, что они представляют собой разновидность научной экзотики»²⁶⁴. Схожее положение дел наблюдается и в зарубежной политантропологии. Характерный пример, в этой связи, – вполне определённо, чтобы не сказать безапелляционно сформулированное утверждение одного из крупнейших исследователей Р. Карнейро, который, обобщая мнения многих своих коллег, заявляет, что «внимательное изучение истории показывает, что только теория принуждения может объяснить возникновение государства»²⁶⁵. Распространённости подобных заявлений в современной политантропологии не мешает ни наличие в ней «сильно различающихся между собой определений государства»²⁶⁶, ни, соответственно, отсутствие «единства среди учёных по вопросу что такое вообще государство»²⁶⁷, как не мешает даже то обстоятельство, что «большие расхождения существуют и по поводу критериев государственности»²⁶⁸. В основе такого консенсуального принятия «теории принуждения», когда консенсус достигается без выработки хотя бы самого общего единого определения государства и сколько-нибудь чётких общепринятых критериев государственности, может лежать, очевидно, только *априорная*, по сути,

²⁶⁴ Тимонин А. Н. Об интегративной теории происхождения государства Элмана Сервиса / Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): в 2-х тт. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 13.

²⁶⁵ Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель, 2006. С. 57.

²⁶⁶ Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: коллектив. моногр. / под ред. Л.Е. Гринина. М.: Мос. ред. изд-ва «Учитель», 2019. С. 5.

²⁶⁷ Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2006. С. 7.

²⁶⁸ Там же.

установка на понимание государства как «аппарата принуждения», что, собственно, и свидетельствует о значительном преобладании в современной политантропологической науке именно конфликтных теорий политогенеза.

Отдельно стоит сказать о теории происхождения государства одного из крупнейших западных политантропологов Э. Сервиса. Критикуя сторонников антагонистической формы конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, видящих сущность государства в репрессивном аппарате, он полагает, что на протяжении всего периода развития общества, государство было важнейшим фактором его интеграции и организации социального взаимодействия как такового. Также он считает, что, развиваемый в рамках конфликтно-антагонистической стратегии подход к анализу проблемы политогенеза в ранних обществах, не в полной мере описывает происхождение государства, поскольку наличие репрессивного аппарата «не может считаться [его] главным признаком»²⁶⁹. Вместе с тем, предложенная Э. Сервисом теория политогенеза в своей концептуальной основе восходит к веберовской теории бюрократического государства, в которой, как было показано в предыдущей главе, признавалось, что именно конфликт является «нормальной» формой социального взаимодействия. «Мы – все сегодня, так или иначе, наследники дихотомии Маркс–Вебер», – пишет Э. Сервис, примыкая в трактовке проблемы происхождения и сущности государства к числу сторонников последнего²⁷⁰. Это важнейшее обстоятельство, очевидно, не позволяет с достаточной определённой утверждать, что американский политантрополог вполне разделял принципы интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества.

Причина же высокой популярности теорий, опирающихся в своей концептуальной основе именно на конфликтную стратегию интерпретации

²⁶⁹ Service E. The Origins of State and Civilization. Y., 1975. P. XI–XIII.

²⁷⁰ Подробнее об этом см.: Тимонин А. Н. Указ соч. С. 15.

взаимодействия государства и общества, объясняется, на наш взгляд, главным образом, произошедшей в середине XIX в. сменой парадигмы социального познания. Важнейшим результатом случившейся переориентации, как уже отмечалось выше, становится принципиальный отказ от социально-философских, не подтверждённых реальной практикой и потому «наивных» сугубо теоретических представлений о сущности государства и общества в пользу бурно развивающихся специальных наук об обществе, «работающих», прежде всего, с эмпирическим материалом. Характеризуя этот процесс, приведший к рождению социальной науки вообще и политической антропологии в частности, редакторы первого крупнейшего сборника статей, посвящённого проблеме изучения ранних форм политической организации, объединившего десятки ведущих учёных со всего мира, Х. Дж. М. Классен и П. Скальник так оценивают вклад социально-философских теорий прошлого в её решение: «Общим для [них] было то, что их [эмпирические] данные были крайне ограничены. Логика их теоретизирования по преимуществу заключалась в движении от воображаемого прошлого к желаемому будущему или сводилась к попыткам объяснить лишь частично изученные явления с помощью совершенно неадекватных для этой цели данных»²⁷¹. И хотя начало действительно эмпирического анализа проблемы происхождения и ранних этапов развития государства и, шире, – проблемы взаимодействия государства и общества связывается этими авторами с позитивистскими доктринами О. Конта и Г. Спенсера, всё же «первое детальное рассмотрение этого предмета можно найти у Фридриха Энгельса, который основывал свою работу («Происхождение семьи, частной собственности и государства» – И. Г.) на исторических и антропологических данных»²⁷².

В этой работе Ф. Энгельс выделяет три основных признака государства, позволяющих отличить последнее от до-государственных форм

²⁷¹ Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). *The Early State*. The Hague, 1978. P. 6.

²⁷² Ibid.

общественного устройства. Пожалуй, наиболее существенным таким признаком, согласно его концепции, оказывается возникновение публичной власти, которая приходит на смену власти старейшин в ранних обществах. Истоки и смысл этого процесса, он видит в том, что «основанная на личном авторитете власть родоплеменных старейшин и “слепая” императивность обычая, отражавшие изначально интересы всего общества, еще не знающего сколь-нибудь развитого разделения труда и индивидов, в ходе вызревания классовых антагонизмов сменяется аппаратом власти, оторванной от основной массы населения и противопоставленной ей»²⁷³. «Вырастая» из общественных отношений, публичная власть, выражающая интересы правящего класса, таким образом, окончательно «надстраивается» над управляемой частью общества. Основываясь на этом энгельсовском понимании сущности публичной власти, В. И. Ленин скажет, что последняя возникает с целью «систематического управления» обществом, чтобы «постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время, «...» вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, – то, что составляет сущность государства»²⁷⁴.

Вторым специфическим признаком государства как особой формы социальной организации он считает возникновение системы административно-территориального деления. Введение последней, по Ф. Энгельсу, в значительной степени способствовало тому, что «интегрирующим население фактором стала выступать определенная производственная территория как предпосылка и место общественного труда, а основной формой дифференциации сделались не родо-племенные, а имущественные и социальные различия»²⁷⁵. Фактически, именно эта система и привела к распаду и исчезновению родового строя, упразднению родоплеменных отношений,

²⁷³ История марксизма-ленинизма. Кн.2 ч.1 70-90-е гг. XIX века. М.: Наука, 1990. С. 301.

²⁷⁴ Ленин В. И. Соб. соч. / О государстве. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 66–67.

²⁷⁵ История марксизма-ленинизма. Кн.2 ч.1 70-90-е гг. XIX века. М.: Наука, 1990. С. 302.

определявших специфику социального взаимодействия в ранних обществах. Наконец, в качестве третьего признака государства Ф. Энгельс выделяет систему налогообложения. Он пишет: «Для содержания публичной власти необходимы взносы граждан – налоги. Последние были совершенно не известны родовому обществу»²⁷⁶.

Наряду с разработанной Ф. Энгельсом типологией признаков государственной формы организации совместной жизни людей особое значение для марксистского анализа проблемы происхождения и сущности государства имеет также концепция азиатского способа производства, предложенная К. Марксом²⁷⁷. Выше мы уже отмечали, что для марксистского учения в целом, было характерно преимущественно отрицательное отношение к государству, которое понималось, главным образом как обеспечивающий экономическую эксплуатацию репрессивный аппарат, находящийся в руках господствующего класса и олицетворяющий политическое правление этой выделившийся из общества и стоящей над ним правящей социальной группы, монополюльно владеющей средствами производства. Такая интерпретация происхождения и сущности государства, претендуя на универсальный статус, тем не менее, не в полной мере учитывала специфику политогенеза в обществах Древнего Востока. Осознавая это обстоятельство, К. Маркс выдвигает концепцию азиатского способа производства, согласно которой ключевой особенностью политарных²⁷⁸ обществ было отсутствие частной собственности на землю. По характеристике авторитетного отечественного учёного Ю. И. Семёнова этот тип производственных отношений «основывался на общеклассовой частной собственности и на средства производства, и на личности производителей материальных благ. Частным собственником при этом был только эксплуататорский класс в целом, а не один из его членов,

²⁷⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 171.

²⁷⁷ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С.214-215.

²⁷⁸ Подробнее о феномене политаризма см.: Семёнов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2019.

взятый в отдельности». В силу этого, – продолжает он, – «общеклассовая частная собственность выступала в форме государственной, что обуславливало совпадение господствующего класса с составом государственного аппарата»²⁷⁹.

Фактически именно наличие государственной монополии на землю в значительной степени способствовало закреплению характерного для восточных обществ типа классовых взаимоотношений. В отличие от ранних форм социально-политической организации в Европе, на Востоке классовый антагонизм выражался, прежде всего в том, что, как отмечает в своей статье известный французский антрополог М. Годелье, «индивид или социальная группа мог располагать чужой землей и трудом лишь в той мере, в какой он осуществлял какую-то функцию в государстве и имел на это разрешение благорасположением государства, на временной или на постоянной основе»²⁸⁰. Иными словами, от государства в лице правящего класса фактически зависела жизнь его подданных, в силу чего существование государства оказывалось необходимым условием выживания последних. Таким образом, согласно К. Марксу, возникновение государства в политарных обществах было вызвано «потребностями жизни» его граждан. Выступая в качестве «интегративного частного собственника»²⁸¹, государство фактически *организовывало* жизнедеятельность человека, что, в конечном итоге, и привело к отсутствию сопоставимых с западными форм частной собственности на землю.

²⁷⁹ Семёнов Ю. И. История человечества от возникновения до наших дней в предельно сжатом виде с еще более кратким прогнозом на будущее // *Философия и общество*. 2009. №3 (55). С. 15–16.

²⁸⁰ Годелье М. Азиатский способ производства: стимулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением // *Общество. Среда. Развитие (Terza Humana)*. 2007. №1. С.9.

²⁸¹ Мы разделяем позицию К. Х. Момджяна, который настаивает на том, что под характерным для политарных обществ государственным способом производства следует понимать исключительно «вид непарцеллярной частной собственности, находящейся в коллективном владении бюрократического аппарата». Подробнее об этом см.: Момджян К. Х. Было ли советское общество социалистическим? // *Социологические исследования*. 2021. № 12. С. 43.

Признавая историческую необходимость существования государства как особой организационной формы совместной жизни людей, классики марксизма, тем не менее, считали, что оно «во всех случаях остаётся по существу машиной для подавления»²⁸². Соответственно, первоочередной задачей анализа взаимодействия государства и общества в русле антагонистической формы конфликтной стратегии, поскольку она была «взята на вооружение» политантропологами, стало такое описание генезиса государства, которое, опираясь на конкретный эмпирический материал, раскрывало бы, в силу каких причин и каким образом, органы (аппарат) управления догосударственного общества становились «аппаратом насилия», «машиной подавления» и т. п. Российский политантрополог В. А. Попов формулирует эту задачу как проблему нахождения «критериев определения того момента, с которого верховная власть и органы управления обществом приобретают качество государственных»²⁸³.

Неудивительно поэтому, что и до сих пор в современной социальной науке происхождение государства анализируется, главным образом, в рамках заданной классиками марксизма типологии, связывающей возникновение этой формы социально-политической организации с появлением системы административно-территориального деления, институтов публичной власти, а также становлением отношений экономической эксплуатации. Вместе с тем, следует отметить, что, сторонники конфликтных теорий политогенеза всё чаще сталкиваются с трудностями, вызванными несоответствием исходных концептуально-теоретических установок конфликтно-антагонистической стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества и реальной практики возникновения ранних форм социально-политической организации. Так, известная отечественная исследовательница Н. Б. Кочакова отмечает, что:

²⁸² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 176.

²⁸³ Попов В. А. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 3.

«Практически каждый, кто занимался проблемами государствообразования в Африке, неизбежно попадал в затруднительное положение ввиду явного расхождения теории и практики: недавнего господства в отечественном обществоведении жесткой трактовки государства как аппарата насилия одного антагонистического класса над другим, с одной стороны, и, с другой, реальности доколониальной Африки – существования раннегосударственных структур при отсутствии классов и сословий у подавляющего большинства африканских народов»²⁸⁴. А, например, Л. Е. Куббель, анализируя результаты исследований ранних форм социально-политической организации в Древней Гане и вовсе признаёт, что становление «государственного аппарата предшествовало сложению антагонистических классов»²⁸⁵.

Принципиально важно отметить, что в трактовку государства как, прежде всего, «аппарата насилия и эксплуатации» не вписываются не только реалии доколониальной Африки. Стремление к возможно более аутентичному толкованию процесса социополитогенеза, и, в особенности, взаимодействия государства и общества как его составной части, в русле антагонистической формы конфликтной стратегии, приводит, порой, её сторонников к довольно радикальным и весьма неожиданным выводам. Так, известная антиковед Е. М. Штаерман на основании невозможности обнаружения «характерных для государства признаков, специального аппарата принуждения, стоящего над обществом и защищающего интересы одного класса»²⁸⁶ приходит к заключению об отсутствии государственности в Древнем Риме (IV–III вв. до н. э.). Следуя логике марксистского учения о классовой борьбе, она понимает под государством «оторванный от народа аппарат принуждения, действующий в интересах класса эксплуататоров», который «появляется с

²⁸⁴ Кочакова Н. Б. Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995. С. 153.

²⁸⁵ Куббель Л. Е. К истории общественных отношений в Западном Судане в VII–XVI вв. – Африка в советских исследованиях. Ежегодник. Т. 1. Вып. 1. М., 1968. С. 175.

²⁸⁶ Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 77.

выделением частной собственности из коллективной и разделением общества на классы»²⁸⁷. В результате чего, связывая государственность как таковую исключительно с различными формами принудительной публичной власти (полиция, налоговые сборы), Е. М. Штаерман отказывает в государственном статусе, пожалуй, одной из наиболее могущественных империй Древнего мира, вошедшей в учебники в том числе, в качестве примера высокоразвитой государственно-правовой* организации.

Показательна, в этой связи, и концепция «безгосударственного полиса» или «безгосударственного общества» М. Берента. Характерный для Античной культуры в целом синкретизм государства и общества, подразумевающий, в частности, отсутствие чёткого разделения на правящих и управляемых среди полноправных граждан полиса, и, соответственно, отсутствие у какой-либо социальной группы устойчивой монополии на применение насилия, по его мнению, и позволяет говорить о том, что древнегреческий полис не являлся государством. Исходя из, пожалуй, наиболее жёсткого варианта антагонистической формы конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества, М. Берент утверждает, что «безгосударственность полиса означает именно то, что он не был инструментом для присвоения прибавочного продукта»²⁸⁸. Как видим, теоретиков «безгосударственного общества», понимающих государство исключительно как «аппарат эксплуатации», не останавливает даже необходимость отрицать, опять же, вошедшую в учебники, государственность знаменитой Спарты, не говоря уже о других греческих *городах-государствах*, хотя именно этим термином они всегда обозначались и продолжают обозначаться в исторической науке. Надо сказать, что последовательное принятие столь экстраординарных выводов, по

²⁸⁷ Там же.

* Достаточно вспомнить, что Римское право послужило одним из главных источников Европейского права Нового времени.

²⁸⁸ Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество / Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаяева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 236.

сути, ведёт к необходимости существенного пересмотра общепринятой на сегодняшний день истории человеческой цивилизации, фактически «стирая» всю историю государств едва ли не вплоть до XVII в., и превращая государство вообще, в собственный феномен эпохи Модерна.

Возвращаясь к анализу конкретных эмпирических исследований реальных ранних обществ, отметим, что несмотря на то, что их результаты свидетельствуют об «асинхронности процессов классогенеза и государствогенеза», о том, что «политогенез в Африке обгонял классогенез»²⁸⁹, многие, если не большинство политантропологов продолжают строить свои концептуально-теоретические обобщения и выводы относительно взаимодействия государства и общества на ранних стадиях социально-политического развития, основываясь именно на предложенной Ф. Энгельсом концепции происхождения государства. И, соответственно, видят причины генезиса и сущность государства исключительно в монополизации («правлящими классами» или «бюрократическим аппаратом», в данном случае не так важно) «права на принуждение» в отношении своих граждан. Государство в такой интерпретации понимается как нечто сугубо внешнее, отдельное от индивида и общества, и даже противостоящее им, «надстроенное над ними», а его происхождение связывается главным образом с процессом «отчуждения» власти от общества.

Ещё одним важнейшим следствием популярности среди политантропологов конфликтной стратегии анализа взаимодействия государства и общества, особенно в её антагонистической форме, и соответствующего преобладания конфликтных теорий политогенеза является характерный для современной политантропологии акцент на *поиск* и исследование таких форм организации общества, которые *можно считать*

²⁸⁹ Кочакова Н. Б. Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995. С. 156. Стоит отметить, наверное, что это в принципе не противоречит концепции азиатского способа производства К. Маркса.

догосударственными. В то же время, можно констатировать, что с расширением массива эмпирических данных о ранних формах социально-политической организации, предопределившего бурное развитие политической антропологии как дисциплины, предложенная Ф. Энгельсом типология признаков государства уже не позволяет в полной мере описать специфику до-государственных обществ, различить государство и вождество, государство и протогосударство и т.п. Более того, зачастую смысл терминов, долженствующих описывать догосударственное состояние, оказывается недостаточно определённым. На неоднозначность даже самых популярных политантропологических концептов в своей специальной статье, посвящённой проблеме «начала государства» указывают, в частности, А. В. Федосов и Е. А. Шинаков, отмечая, что: «На сегодняшний день в науке существует, по меньшей мере, 5 определений вождества (Оберг, Сервис, Саллинз, Гринин, Карнейро), 4 определения раннего государства (Классен и Скальник, Гринин, Шинаков, Карнейро)»²⁹⁰.

Очевидно, что подобный плюрализм мнений, кроме вероятной эвристической пользы, связанной с возможным приростом научного знания, имеет, в то же время, и, очевидные негативные стороны. Главная из них заключается, в отсутствии в современной политантропологической науке общепризнанного, чёткого, в должной степени теоретически обоснованного ответа на вопрос, чем по существу отличается любая из вышеназванных форм до-государственного устройства (раннее государство / вождество / протогосударство) от государства как развитой формы социально-политической организации общества. Так, например, известный американский политантрополог Р. Лоуи в своей специальной работе «Происхождение государства» отмечает, что не все считающиеся «классическими» признаки государственной формы организации совместной жизни людей являются для

²⁹⁰ Федосов А. В., Шинаков Е. А. «Начало государства» в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2018. № 1. С. 136.

неё специфическими и «имеют одинаковое значение при анализе государства [именно] в антропологической перспективе»²⁹¹, приводя в поддержку этого тезиса конкретные эмпирические данные. В частности, он пишет, что деление населения по административно-территориальному принципу было характерно и для до-государственных форм социально-политической организации, например для вождеств коренного населения Гавайских островов или в племенах зулусов в Южной Африке²⁹². А американский исследователь У. Кронон, описывая экологическую составляющую доколониальной жизни индейских племён Новой Англии приводит свидетельство того, что «сахемы (вожди) договаривались друг с другом от имени своих племён, чтобы прийти к решению о границах земли, которую каждая деревня могла бы использовать для ведения сельского хозяйства и охоты»²⁹³. На то, что система налогообложения существовала уже в некоторых догосударственных обществах, указывают такие исследователи как Х. Дж. М. Классен и П. Скальник. В частности, первый из них отмечает, что «Во всех ранних государствах существовала обязанность платить налоги, причем в большинстве случаев эта обязанность возлагалась также на аристократию»²⁹⁴.

Об этом говорят и отечественные политантропологи. Так, например, Н. Н. Крадин считает, что «если обратиться к истории, население, территория и независимость – это черты любого самостоятельного коллектива, в том числе и первобытного»²⁹⁵. А В. А. Попов, характеризуя понятие «раннее государство», отмечает, что, в целом, его признаки «неспецифичны и вполне приложимы и к развитому государству» и что «единственный признак, выражающий специфику именно раннего государства (социальная

²⁹¹ Lowie R. H. The Origin of the State // The Freeman. 1922, №5 (123). P.440.

²⁹² Подробнее об этом см.: Lowie R. H. The Origin of the State // The Freeman. 1922, №5 (123).

²⁹³ Цит. по: Лахман Р. Государства и власть. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020 С. 24.

²⁹⁴ Классен Х. Дж. М. Раннее государство: структурный подход // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. №2014. С. 33.

²⁹⁵ Крадин Н. Н. Особенности политогенеза в историко-археологической динамике / Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе. Коллективная монография. Под редакцией Л. Е. Гринина. Москва, 2019. С. 164.

стратификация на два возникающих класса управителей и управляемых), скорее характеризует общество, а не государство как организацию для регулирования социальных отношений»²⁹⁶. В обоснованности этих утверждений можно убедиться, если обратиться к ставшему уже классическим определению раннего государства, которое предложили Х. Дж. М. Классен и П. Скальник. Согласно их подходу, раннее государство представляет собой «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном, по крайней мере, на два основных страта, или возникающих социальных класса – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освещена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами»²⁹⁷.

К аналогичным, по сути, выводам приводит и анализ концепта «вождество», одного из важнейших теоретических конструктов современной политантропологической науки. Вождество понимается как последний догосударственный этап социально-политического развития, непосредственно предшествующий становлению собственно государственной формы организации общественной жизни. С такой трактовкой согласны практически все политантропологи, но вот по вопросу о том, чем, в принципе отличаются вождество и государство, и каковы объективные критерии их различия, – т. е. когда же всё-таки и в силу каких причин в «безгосударственном обществе» формируется, «возникает» государство, – необходимой ясности нет, и мнения учёных расходятся, причём зачастую весьма существенно. Показательна в этом отношении статья известного российского исследователя П. А. Белкова, носящая говорящее название «Раннее государство, предгосударство,

²⁹⁶ Цит. по: Тимонин А. Н. Раннее государство: теоретико-методологический очерк развивающегося понятия // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 2. С. 1130.

²⁹⁷ Там же

протогосударство: игра в термины?». Анализируя концепцию одного из самых авторитетных американских политантропологов Р. Карнейро, Белков отмечает не только фактическое отсутствие в ней чётких критериев разделения вождества и государства, но, более того, – «отождествление понятий «вождество» и «государство», сравнивая предложенные Р. Карнейро определения: «1. «Вождество – это самостоятельная политическая единица, включающая множество общностей под постоянным контролем верховного вождя». 2. «Государство – это самостоятельная политическая единица, охватывающая множество общностей в пределах своей территории и имеющая централизованное правительство, обладающее властью призывать на войну и привлекать к работам, взимать налоги, издавать и проводить в жизнь законы»»²⁹⁸.

И действительно, анализируя представленные дефиниции, приходится сделать вывод, как минимум об отсутствии чётких границ между вождеством и государством. Ведь «верховный вождь» тоже может иметь «аппарат» (дружину и жрецов-советников) и также «призывать на войну и привлекать к работам», «взимать налоги» (во всяком случае, «натурой») и «издавать и проводить в жизнь законы», – всё это, что называется, вопрос терминологии. В качестве характерного примера сложившейся в современной политантропологической теории концептуальной неопределённости, А. В. Федосов и Е. А. Шинаков приводят работы Х. Классена, П. Скальника и Н.Н. Крадина, отмечая, что «Первые обосновали определение раннего государства, а второй – суперсложного вождества, приводя в доказательства одни и те же признаки»²⁹⁹.

Приведём и точку зрения одного из крупнейших отечественных

²⁹⁸ Белков П. В. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995. С. 171.

²⁹⁹ Федосов А. В., Шинаков Е. А. «Начало государства» в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2018. С. 137.

специалистов именно по исследованию вождеств Н. Н. Крадина, который приходит к «пессимистическому выводу о принципиальной невозможности решения проблемы разграничения вождества и государства»³⁰⁰. Другими словами, исходя из эмпирического материала, полученного политантропологами, надо бы признать, что догосударственную («безгосударственную») и государственную формы организации общества «принципиально невозможно разграничить». Автор, однако, избирает другую логику, считая, что «даже если исследователь не может построить убедительную для его коллег модель трансформации вождества в государство, это не означает, что его полуинтуитивные выводы в применении к конкретно-исторической реальности будут ошибочными»³⁰¹. Оценивая всю методологическую неоднозначность подобного «полуинтуитивного» анализа причин и способов перехода от догосударственной к государственной форме общественного устройства в контексте исследования взаимодействия государства и общества можно только согласиться с выводами П. А. Белкова, который, характеризуя эмпирическую и логическую обоснованность концепта «вождество», отмечает, что, в целом, «"вождество" в качестве особой эволюционной стадии создано лишь по внешнему предписанию и удерживается как нечто особое от государства исключительно в силовом поле зрения исследователей» и что «проблема "вождества" «...» является, по широко известному афоризму, хорошо переформулированной проблемой происхождения и, глубже, сущности государства»³⁰². Ещё более резкую характеристику современному состоянию политантропологических исследований, призванных раскрыть закономерности процесса формирования государственности в догосударственных обществах, дают в вышеупомянутой статье А. В. Федосов и Е. А. Шинаков. Они пишут, что «в основном все

³⁰⁰ Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995. С. 50.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Белков П. В. Указ. соч. С. 171.

политантропологические построения носят искусственный характер и являются субъективным мнением авторов», поскольку «признаки, которые кладутся ими в основание своих рассуждений, являются неким набором определенных этапов, характерных для развития любой политики, но взятых авторами лишь потому, что они встраиваются в их концепцию»³⁰³. О принципиальной сложности и концептуально-теоретическом характере проблем, с которыми сталкивается политантропология, когда пытается объяснить и/или показать на эмпирическом материале как возникло государство хорошо сказал Э. Гидденс: «Различия между государствами и вождествами определяются отнюдь не так просто, как это предполагается в антропологической литературе», поскольку, в действительности, «различия во взглядах являются не столько эмпирическими, сколько концептуальными»³⁰⁴. Резюмируя же свою оценку усилий политантропологической науки по анализу проблемы перехода от догосударственной формы общественной организации к государственной, он говорит: «Мы обнаруживаем, что теория, на которую возлагается задача обнаружения «истоков государственности» оказывается *химерой* [курсив наш – И. Г.]».³⁰⁵

Если и не соглашаться с этой оценкой весьма авторитетного исследователя, то можно, тем не менее, констатировать, что оперирование такими понятиями как «раннее государство», «вождество», «полития» и т. п., характерное для современной социальной науки при анализе и описании перехода к государственной форме организации общественной жизни, в значительной степени объясняется необходимостью «заполнения эволюционной пустоты» и во многом зависит от субъективных предпочтений того или иного исследователя. Очевидно, в общем, и то, что проблемы классификации форм до-государственного развития общества вряд ли могут

³⁰³ Федосов А. В., Шинаков Е. А. «Начало государства» в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2018. С.137.

³⁰⁴ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. М.: Академический Проект, 2005. С. 343.

³⁰⁵ Гидденс Э. Там же. С. 348.

быть решены на основе интерпретации исключительно эмпирических данных. Тем более если они, осознанно или нет, фактически рассматриваются исходя из априорной, по сути, концептуально-теоретической установки, которая, в свою очередь, сама определяется субъективным принятием той или иной стратегии взаимодействия государства и общества в качестве идейного (идеологического) и метанаучного основания конкретных исследований.

Можно сказать, что отмеченные существенные теоретико-методологические затруднения конфликтных концепций политогенеза, рассмотренные в политантропологической перспективе, как представляется, есть лишь верхушка айсберга более общей проблемы, затрагивающей фундаментальные основания конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества в целом. Прежде всего, конкретные эмпирические исследования со всей определённой показали, что представления о «естественном равенстве» индивидов в догосударственном обществе являются далеко не бесспорными. Отнюдь не с появлением государства начинается разделение общества на правящих и управляемых, – это разделение присуще всем без исключения эмпирически известным обществам. И, соответственно, нет достаточных оснований для утверждения, что главной причиной возникновения государства является конфликт противоборствующих социальных групп. Так же как нет необходимой эмпирической базы для утверждения, что государство как орган управления обществом изначально «эксплуатировало» последнее, находилось в конфликте с ним. Напротив, данные современных политантропологических исследований говорят, скорее о наличии в социуме как таковом онтологических оснований, обуславливающих закономерность возникновения и развития государственной формы организации общества. К таким основаниям, на наш взгляд, и следует отнести, прежде всего, разделение общества на правящих и управляемых, а также объективную необходимость всё большей специализации органа управления обществом по мере роста и

усложнения структуры последнего.

Отметим также, что конкретно-научные исследования причин перехода от до-государственных форм социально-политической организации к государственному устройству жизни общества вряд ли могут быть успешными без пересмотра преобладающих в современной социальной науке представлений о конфликтном по преимуществу характере взаимодействия государства и общества. Прежде всего, речь идёт о необходимости отказа от односторонней трактовки возникновения государства в результате «подавления одного класса другим» и/или «договора», заключаемого для «разрешения конфликта». Не менее важным, в этой связи, представляется и адекватное концептуально-теоретическое разграничение понятий государства и общества, государства и догосударственных форм социально-политической организации общества. В целом, подводя итог нашего анализа результатов современных политантропологических исследований, можно сделать вывод, что взаимодействие государства и общества, как на ранних стадиях социально-политического развития, так и в принципе, может быть адекватно описано и понято, главным образом, в рамках интегративной стратегии.

3.2. Взаимодействие государства и общества как фактор реализации потребностей и интересов индивида

*Часть текста данного раздела была опубликована в журнале, включенном в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М. В. Ломоносова**

Возможности анализа общих закономерностей взаимодействия государства и общества могут быть существенно расширены при привлечении

* Голубев И. С. Государство как форма репрезентации потребностей и интересов индивида // Философия и общество. 2022. №3. С. 56–71.

результатов конкретно-научного изучения потребностей человека как биосоциального существа. Как было показано выше, одно из важнейших принципиальных различий двух альтернативных стратегий интерпретации этого взаимодействия обусловлено различным пониманием взаимосвязи государства и потребностей и интересов индивида. Если в рамках интегративной стратегии государство понимается как необходимая форма организации жизни общества, сущностно связанная с потребностями и интересами индивида и служащая их реализации, то для конфликтной стратегии, деятельность государственных институтов часто направлена против управляемой части общества, – на фиксацию его разделения на противоборствующие группы и скорее препятствует, чем способствует полноценной реализации интересов индивида. Ещё один важнейший аспект интегративной стратегии заключается в том, что ни государство, ни общество не наделяются субъектными свойствами, не рассматриваются в качестве сущностей, обладающих собственными потребностями и интересами, отличными от потребностей и интересов образующих их индивидов. Эта принципиальная концептуально-теоретическая установка, как отмечалось, была с предельной чёткостью выражена в гегелевском учении о государстве, согласно которому государство есть «нечто абстрактное», – оно, как и общество, не имеет своих собственных целей и интересов, а их «интересы» суть то же что и интересы «частных лиц».

Конфликтная же стратегия исходит не только из понимания государства как, прежде всего, «аппарата подавления», но и в более или менее явной форме представляет государство и общество в качестве носителей собственных потребностей и интересов. Конфликт, если только это не пустое, произвольно употребляемое слово, а содержательное понятие и нечто действительно имеющее место в общественной жизни, возможен, что называется по определению, только как конфликт интересов. Конфликт – это один из видов взаимодействия между субъектами деятельности, реализующийся в том

случае, когда эти субъекты убеждены, неважно, по субъективным или объективным основаниям, что удовлетворение интересов одного из них препятствует удовлетворению интересов другого. Соответственно, любой дискурс о «конфликте интересов» государства и общества, государства и индивида, имплицитно требует, даже если это и не утверждается эксплицитно, постулирования наличия собственных интересов у всех сторон-участников конфликта, т.е. не только у индивидов, но и у общества, и у государства, и у различных социальных групп. Поэтому характернейшей чертой концепций, анализирующих взаимодействие государства и общества в рамках конфликтной стратегии, можно назвать наделение субъектными свойствами наряду с индивидом также и государства, и общества. Несколько ироничную, но, по сути, совершенно верную характеристику таким концепциям даёт П. Бурдьё: «Я мог бы процитировать вам километры текстов, в которых слово “государство” выступает субъектом действий, подлежащим множества предложений. Это весьма опасный вымысел, который мешает нам мыслить государство»³⁰⁶. Дальнейшим следствием этого «опасного вымысла» оказывается возможность противопоставления «интересов» правящих и управляемых социальных групп с перспективой «гипостазирования» последних в качестве «противоборствующих классов».

Иными словами, конфликтная стратегия анализа взаимодействия государства и общества строится на эксплицитно утверждаемом или имплицитно принимаемом постулате о неизбежности, закономерном характере противостояния государства и общества и/или государства и индивида, так как это противостояние обусловлено глубинными, экзистенциальными противоречиями присущих им «потребностей» и «интересов». Отсюда и обычное для этой стратегии отождествление государства и правительства, «суверена». Тогда как интегративная стратегия

³⁰⁶ Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 62-63.

построена на понимании государства и общества как объективно складывающихся форм организации жизнедеятельности индивида, которые не имеют своих собственных интересов, а напротив конституируются и развиваются в процессе и в результате реализации потребностей и интересов индивидов.

В силу принципиальной концептуальной связи и конфликтной, и интегративной стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества с той или иной трактовкой потребностей и интересов индивида, анализ природы, способов и форм удовлетворения последних, их содержательная классификация и установление соотношения между ними является, очевидно, необходимой составляющей определения концептуально-теоретической состоятельности и реальной практической применимости обеих стратегий. Исходя из этого можно сказать, что проблема взаимосвязи потребностей и интересов человека, и различных форм социально-политической организации его жизнедеятельности, в целом, относится к числу наиболее важных, теоретически и практически значимых проблем социального познания. Вместе с тем приходится констатировать, что богатейший эмпирический материал изучения потребностей и интересов зачастую остаётся не востребованным при анализе взаимодействия государства и общества в современной социальной науке, особенно в рамках политологии и политантропологии. В частности, недостаточное внимание, на наш взгляд, уделяется рассмотрению релевантных теорий потребностей, показывающих, что удовлетворение индивидом своих собственных потребностей и интересов, возможно только в процессе социального взаимодействия и требует наличия определённых организационных форм этого последнего. В этой связи, при анализе специфики взаимодействия государства и общества, более чем оправданным видится обращение к наиболее известным в науке концепциям потребностей и интересов, что, как представляется, может помочь выявить конкретные механизмы взаимосвязи

процессов удовлетворения потребностей индивида и воспроизводства, способствующего этому удовлетворению социально-политического порядка.

Интенсификация специально-научного изучения потребностей индивида в качестве важнейшего фактора конституирования различных форм социального взаимодействия осуществляется сегодня, главным образом, в психологии. Пожалуй, самая широко известная типология потребностей человека («пирамида», известная также как «теория иерархии»), в значительной степени определившая направление дальнейшего научного исследования в этой области, была разработана знаменитым американским психологом А. Маслоу. Ключевым для развиваемого им подхода стал тезис о том, что научный анализ субъективных мотивационных предпочтений индивида, определяющих его социальную активность, должен «представлять собой изучение первичных целей, или желаний и потребностей человека»³⁰⁷.

Вместе с тем, следует отметить, что несмотря на широкое научное признание и успех различных психологических теорий потребностей, даже самые полно разработанные из них зачастую в принципе обходят стороной ключевой вопрос о том, что такое потребность вообще. Что говорить, если даже для признанной классической концепции А. Маслоу, по словам современного российского психолога Е. П. Ильина, было характерно «не очень четкое использование научных понятий. Так, в одном случае в качестве потребности в его книге выступает цель, в другом – влечение, в третьем – состояние»³⁰⁸. Подобное, широко распространённое, не терминологичное употребление понятия «потребности» как чего-то если и не само собой разумеющегося, то не требующего строгого, логически выверенного определения и специального концептуально-теоретического обоснования, привело к тому, что, на сегодняшний день, как отмечает авторитетный

³⁰⁷ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. [и др.]: Питер, 2021. С. 54.

³⁰⁸ Ильин Е. П. Послесловие. Наследие Абрахама Маслоу / Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. [и др.]: Питер, 2021. С. 393

отечественный исследователь К. Х. Момджян, в науке «отсутствует единство в понимании ряда важнейших проблем, которые касаются места и роли потребностей в деятельности людей», в результате чего «мы до сих пор не имеем единой, логически непротиворечивой типологии человеческих потребностей»³⁰⁹.

Существенной проблемой для развития современной социальной науки оказываются также и трудности с определением понятия «интерес», содержание которого фактически варьируется в зависимости от конкретной дисциплины. Так, например, если в экономике под интересами индивида принято понимать реализуемые в его деятельности стремления, направленные, по сути, исключительно на получение дохода и потому зачастую мешающие его социальным связям и даже ведущие к их разрыву, то в психологии, напротив, – принято подчёркивать социальную, коммуникативную природу интереса. Наиболее разработанным в психологической науке, на наш взгляд, является понимание интереса как необходимого посредника-медиатора, социально приемлемой формы, которую принимает стремление индивида к реализации своих потребностей. Что касается различия потребностей и интересов индивида, то Е. П. Ильин, например, считает, что «интерес не может быть “вообще”», его «адрес всегда известен, хотя может быть не конкретным, а представляет какую-то более-менее широкую область деятельности (склонность) или совокупность предметов (предпочтение). Поэтому точка зрения ряда психологов, заключающаяся в том, что интерес несводим к потребности, правомерна»³¹⁰. Иными словами, интерес, в отличие от потребности, всегда конкретен и реализуется в различных формах человеческой деятельности.

³⁰⁹ Момджян К. Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. №3. С. 5

³¹⁰ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002. С. 168.

Отсутствие понятийного консенсуса по проблеме потребностей и интересов, и их взаимосвязи между представителями различных наук, и даже между учеными-психологами, как представляется, свидетельствует о необходимости решения этой проблемы также и философскими средствами. В этой связи, значительный интерес представляет одна из наиболее системно разработанных в отечественной социальной науке, логически стройная концепция потребностей и интересов индивида, предложенная К. Х. Момджяном. Под потребностью он понимает «объективно-реальное свойство всякой открытой адаптивной системы испытывать надобность в условиях внешней и внутренней среды, без которых невозможно сохранение факта и качества жизни»³¹¹. Иными словами, потребности присущи только живым организмам, а потребности человека отражают те или иные состояния надобности, вызываемые не только биологической, но и социальной его природой. В свою очередь, понятие интереса определяется как «свойство субъекта нуждаться в объектах-медиаторах, необходимых для создания и использования предмета потребности»³¹². То есть интерес представляет собой средство распознавания и, одновременно, социокультурной адаптации механизмов удовлетворения потребностей, их реализации в допустимых, общественно обусловленных, приемлемых формах. Так, например, интерес индивида удовлетворить потребность в насыщении как правило реализуется не посредством поглощения пищи руками, но подразумевает наличие стола и соответствующих приборов, то есть обладает вполне конкретной направленностью и предметной оформленностью.

Что касается непосредственных различий между потребностями и интересами, то они, согласно К. Х. Момджяну, проявляются главным образом по принципу отношения к надобностям индивидов как полюса диспозиции

³¹¹ Момджян К. Х. О «разумных» и «неразумных» потребностях человека // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. С. 548.

³¹² Концептуализации общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монография / под общ. ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 174.

«цели-средства». Он пишет, что «большая часть человеческих действий связана непосредственно с интересами, а не с потребностями (хотя потребность, порождающая интерес как средство своего удовлетворения, латентно содержится в нем, оставаясь первопричиной социальных действий»³¹³. Мы разделяем такое понимание потребностей и интересов, считая его наиболее концептуально-теоретически фундированным в современной социальной науке, а в оптике нашего исследования принципиальное значение имеет положение о том, что именно потребность «порождает интерес» и «остаётся первопричиной социальных действий». Исходя из этого, можно утверждать, что поскольку ни общество, ни государство, не являются живыми организмами, они не имеют потребностей, а, следовательно, у них не может быть и своих собственных интересов. Как чётко формулирует К. Х. Момджян, – общество, «как и любая реальная социальная группа, представляющая собой надындивидуальную онтологическую реальность, априори лишена субъектности, то есть не обладает собственными потребностями, интересами и целями, отличными от потребностей, интересов и целей образующих его людей»³¹⁴. Поэтому «интересы общества» и/или государства, строго говоря, не могут быть предметом научного исследования, – это понятие, не более чем метафора, также, как и опирающееся на него ещё более метафоричное понятие «конфликтного взаимодействия» государства и общества, являющееся, по сути, метафорой второго порядка, так сказать, – «в квадрате».

Предметом научного анализа, который действительно способен выявить реальные закономерности взаимодействия государства и общества, могут и должны быть потребности и интересы индивида, и, прежде всего, его витальная биосоциальная потребность в безопасности. Связывая человека с

³¹³ Момджян К. Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. №3. С. 9

³¹⁴ Концептуализации общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монография / под общ. ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 231.

животным миром, она, с другой стороны, перекидывает мостик от его сугубо физиологических нужд к потребностям духовного развития. Поэтому удовлетворение данной потребности самым существенным образом влияет на сохранение как факта и качества жизни конкретного индивида, так и факта, и качества функционирования тех социальных групп, членом которых он является. Специфика биосоциальной потребности в безопасности, отмечает К. Х. Момджян, заключается в том, что она «имеет комплексный характер, реализует себя на всех уровнях потребностной иерархии»³¹⁵.

Принципиально важно отметить, что исходящая из вполне очевидных сугубо биологических оснований потребность в безопасности, вместе с необходимостью заботы о себе, порождает у индивида как социального существа также и стремление к более тесному взаимодействию с другими индивидами, поскольку эти «другие» способствуют обеспечению его собственной безопасности. Это, в свою очередь, закономерно ведет к развитию первичных форм социально-политической организации и формированию более широких (многочисленных) социальных групп с соответствующим увеличением внутригрупповой дифференциации. В этом смысле именно разделяемое с другими индивидами стремление к сохранению собственной жизни может быть охарактеризовано в качестве первоосновы-первопричины, если угодно, «перводвигателя» социально-политической организации как таковой, поскольку удовлетворение этой потребности, как уже отмечалось, сопровождается выходом за рамки индивидуальных «телесных нужд», то есть требует от каждого индивида вполне конкретных социальных действий по установлению и поддержанию коммуникации с себе подобными.

Фундаментальное значение потребности в безопасности как одного из важнейших факторов, лежащих у истоков социально-политической

³¹⁵ Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Ст. 2. Биосоциальная потребность в безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 5. С. 86.

организации вообще и государства как ее высшей формы, находит убедительное подтверждение при эмпирическом изучении потребностей человека в самых разных аспектах психологических исследований. Так, согласно А. Маслоу, потребность в безопасности сопряжена с присущей индивиду нуждой в «защищенности, отсутствии страха, тревоги и хаоса» и, что принципиально важно, в соответствующей этой нужде заинтересованности «в структуре, порядке, законе и ограничениях»³¹⁶. Как видим, А. Маслоу, характеризуя психику человека в интересующем нас аспекте, говорит, по сути, то же, что и Г. В. Ф. Гегель, и практически теми же словами. Показательно, что двое исследователей, исходивших из столь различных теоретико-методологических установок (более того, можно сказать, принадлежащих к принципиально отличающимся познавательным традициям), приходят, по существу, к одному и тому же выводу. И в высшей степени абстрактная философская мысль абсолютного идеалиста Гегеля, и конкретно-эмпирические психологические исследования практически ориентированного ученого Маслоу говорят, что именно глубоко укорененное в психике человека «чувство необходимости порядка» является важнейшим фактором социальной организации вообще и генезиса государства, в частности.

Закономерно, что эта точка зрения получила дальнейшее развитие в современной социальной науке. Так, Н. А. Мальшина указывает на наличие у индивидов естественно обусловленной психологической склонности к воспроизводству устойчивых форм социально-политической организации. Она отмечает, что стремясь к удовлетворению потребности в безопасности, индивиды «любят порядок, четкие правила, ясные структуры»³¹⁷. Вообще, значение потребностей в безопасности и наличии упорядоченной социальной структуры для индивида столь велико, что, как пишет А. Маслоу, они «могут

³¹⁶ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. [и др.]: Питер, 2021. С. 71.

³¹⁷ Мальшина Н. А. Человек и его потребности. М.: Дашков и К° 2015. С. 44.

быть факторами, почти исключительно организующими поведение, мобилизующими на службу себе все силы организма»³¹⁸. В силу этого неспособность отдельного индивида к полноценному удовлетворению потребности в безопасности не только в какой-то конкретный момент, но и потенциально, не может не побуждать его к поиску групповых, коллективных способов обеспечения собственной безопасности. Соответственно, потребность в безопасности в реальной практике социального взаимодействия удовлетворяется не только за счет индивидуальных усилий и соответствующей перенастройки деятельности организма, но и в результате функционирования определённых форм социально-политической организации, существование которых также обусловлено потребностями индивида, поскольку включённость в эти формы способствует его защищённости как от негативного воздействия окружающей среды (что было особенно важно для ранних обществ), так и от произвола ему подобных.

Неслучайно, в сознании (и, наверное, в подсознании) индивида состояние-ощущение одиночества, *отключённости* от коллективных форм социального взаимодействия, как правило, сопрягается не только с чувством тоски, «дискомфорта», но и с той или иной степенью обеспокоенности за сохранение всей полноты собственного существования как такового. Видимо, стремление к участию в этих формах, *стремление осознавать себя их частью* глубоко укоренено в психике индивида. На это обстоятельство особое внимание обращает известный польский психолог-клиницист К. Обуховский, который отмечает, что «потребности в безопасности удовлетворяются не только благодаря собственному защитному и профилактическому поведению, но и через подчинение власти»³¹⁹. Иными словами, эмпирические психологические исследования показывают, что в восприятии индивида одной из важнейших функций надындивидуальных форм социально-политической

³¹⁸ Маслоу А. Указ. соч. С. 71.

³¹⁹ Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. С. 55.

организации в которых осуществляется регулирование его поведения, т. е. власть над ним (а, тем самым, и одной из важнейших функций государства как формы осуществления власти в обществе в целом), является обеспечение его безопасности. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что факт «подчинения власти» осознается индивидом не только и не столько как результат «принуждения», сколько как *нормальное средство* и необходимое следствие удовлетворения его собственной витальной потребности в безопасности и наличии определенного социального порядка.

Закономерность возникновения социально-политической организации совместной жизни людей базируется, безусловно, не только на стремлении индивидов к удовлетворению потребности в безопасности. Значительное влияние в этой связи имеет также и важнейшая, носящая экзистенциальный характер, потребность в коммуникации с другими живыми существами и, прежде всего, с себе подобными, относящаяся к числу наиболее важных, фактически витальных потребностей человека. Невозможно недооценивать тот факт, что ее удовлетворение необходимо в том числе и для нормального функционирования человеческой психики. Сегодня считается установленным, что «к физико-психологическим потребностям можно также причислить потребность в информации, так как при отсутствии нервных сигналов нервная ткань деградирует, а психика людей в условиях сенсорной депривации расстраивается»³²⁰. А поскольку всякая коммуникация, предполагающая осмысленный обмен информацией, по определению должна быть упорядочена, потребность в общении с себе подобными как необходимая для психики и развития сознания человека форма удовлетворения коммуникативной потребности также может быть отнесена к числу фундаментальных оснований социально-политической организации вообще, а

³²⁰ Мальшина Н. А. Указ. соч. С. 37.

тем самым (пусть и весьма опосредованно) и государства как ее высшей формы.

Отдельного внимания в этой связи заслуживает факт биологической предрасположенности индивида к вербальной коммуникации, в частности, строение речевого аппарата, способствующее произнесению членораздельных звуков и способность к ее оформлению в знаково-символической форме, что имеет не менее, а может быть, даже более важное значение с точки зрения описания человека как существа биосоциального, то есть также и биологически предрасположенного к формированию и воспроизводству развитых форм социально-политической организации. Показательно, что еще Аристотель считал потребность в общении не только важнейшей видоспецифичной характеристикой человека как полисного существа, но и важнейшим основанием государственности, по его мысли: «...всякое государство представляет собой своего рода общение»³²¹. Анализируя социальный смысл предрасположенности индивидов к коммуникации согласно учению Аристотеля, российский исследователь Р. С. Платонов отмечает, что «полис (πόλις) – это “завершение” (τέλος) актуализации человека на социальном уровне. Именно эта форма особенно важна, так как в буквальном смысле аккумулирует в себе все практики общения – “все сообщества – это как бы члены государственного сообщества”»³²². Это также позволяет утверждать, что возникновение государства как интегральной формы организации социальной жизни базируется по меньшей мере на двух фундаментальных, жизненно важных потребностях человека: биосоциальной потребности в безопасности и относящейся к числу социальных, потребности в коммуникации, удовлетворение каждой из которых практически невозможно без включения индивида в определенный социально-

³²¹ Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 386.

³²² Платонов Р. С. Проблема общения в этике Аристотеля [Электронный ресурс] : Теоретический семинар сектора этики. 2016. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/31_03_2016/communication-aristo.pdf (дата обращения: 25.08.2023).

политический порядок, «внутри» которого только и может быть относительно надёжно обеспечена как его собственная безопасность, так и экзистенциально необходимое для него участие в различных формах знаково-символической коммуникации.

Схожим образом роль потребности в коммуникации трактует известный австрийский психолог А. Адлер. Он преодолевает радикально индивидуалистические и, в конечном счете, антисоциальные теоретические установки, присущие фрейдистскому психоаналитическому учению, в котором психика субъекта рассматривается в отрыве от сформированных им социальных связей и отношений. Основопологающим для концепции А. Адлера является понятие социального интереса³²³, смысл которого он поясняет следующим образом: «У одного английского автора я нашел высказывание, которое точно выражает то, чем мы могли бы дополнить наше объяснение: “Видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого”. Мне кажется, что пока это допустимое определение того, что мы называем чувством общности»³²⁴. Таким образом, наличие социального интереса, понимаемого как стремление к участию в разнообразных формах коммуникации с себе подобными, согласно австрийскому психологу, есть не только необходимый признак психического здоровья индивида, но и важнейший способ его социокультурной интеграции и адаптации. Иными словами, в трактовке А. Адлера, именно благодаря социальным интересам («чувству общности») индивидов в принципе становится возможным социальное взаимодействие как таковое, и, в качестве дальнейшего следствия возникновение различных форм его социально-политической организации, в том числе, государства. Для А. Маслоу, как известно, также принципиальным является положение о том, что стремление

³²³ Как отмечают Т. Д. Дубовицкая и Г. Ф. Тулитбаева, Адлер использовал «понятие “Gemeinschaftsgefühl”, которое в переводе на русский язык означает “дух солидарности, общности”; “чувство солидарности”. Первоначально термин был переведен на английский язык как “social interest”, а затем перешел в русские реферативные журналы». Дубовицкая Т. Д., Тулитбаева Г. Ф. Социальный интерес: понятие, структура, диагностика, развитие // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (ч. 10). С. 2276.

³²⁴ Цит. по: там же, с.2277.

к солидарной кооперации, ощущению сопричастности, общности-единства с другими является одной из основополагающих характеристик психики человека и относится к числу его высших потребностей.

Резюмируя результаты современных психологических исследований потребностей и интересов человека, можно сделать вывод, что их данные принципиально противоречат представлениям о субстанциально конфликтной природе социального взаимодействия как такового. Всякое теоретизирование, строящееся на тезисе *о естественности* «войны всех против всех», оказывается, таким образом, не только исторически, но и психологически несостоятельным, вполне оторванным от объективной реальности и характеризующим, разве что, индивидуальные особенности психики и соответствующие субъективные предпочтения своих адептов*. А описание и анализ (!) взаимодействия государства и общества вообще, средствами исключительно конфликтологического дискурса, когда раскрываются причины и характер конфликта их «интересов», и/или противоречия их «интересов» интересам индивида, и, более того, предлагаются пути разрешения таких конфликтов, по своей соотнесённости с реальной действительностью и научной значимости, в сущности, мало чем отличаются от описания взволнованным, отличающимся подвижной психикой субъектом своих кажущихся опасностей или фантомных болей. Подобные описания фактически характеризуют только субъективные переживания и представления и вряд ли могут претендовать на научный статус, даже если и облакаются в форму теоретических обобщений. Какую рациональную аргументацию можно противопоставить такой, например, филиппике одного из самых популярных современных социальных теоретиков Н. Хомского:

* Показательна в этом отношении характеристика, данная основателем понимающей психологии В. Дильтеем, который писал о Гоббсе и его теории: «исключение всех исконных социальных и альтруистических задатков в нашей природе, акцентирование среди душевных движений страха, презрения к людям и суеверия характеризуют его конструкцию государства и общества. Эти убеждения происходят не из объективной теории, а составляют в своей последней основе подлинное глубочайшее выражение его характера. Так за видимостью логических аргументов скрывается ярко выраженная субъективность». Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., 2013. С.350.

«государство – глубоко антигуманный институт. А это значит, что деятельность и само существование государства в конечном итоге противоречат полноценному гармоничному развитию человеческого потенциала в его богатейшем многообразии»³²⁵? Остаётся только спросить, на чём кроме субъективной убеждённости (чтобы не сказать веры) могут быть основаны эти безапелляционные заявления, если ни философский анализ, ни данные конкретных наук не дают для них сколько-нибудь весомых оснований?

Если же говорить о теоретико-познавательной состоятельности и онтологической основательности конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества в целом, то, исходя из вышеизложенного, приходится заключить, что она плохо согласуется с релевантными данными конкретных наук, и, не имея необходимой эмпирической базы, провисает в онтологической пустоте. С другой стороны, проведённый нами анализ показывает наличие объективных онтологических оснований у интегративной стратегии взаимодействия государства и общества. Эти основания коренятся в потребностях индивида, удовлетворение которых объективно требует его включённости в определённый общественно-политический порядок, т. е. собственно, его *подчинения* этому порядку, без чего для него невозможно продуктивное взаимодействие с другими индивидами. Поскольку такой порядок формируется в процессе взаимодействия государства и общества, интегративный характер этого взаимодействия и его соответствие витальным потребностям индивида оказывается объективной необходимостью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что согласно современным научным представлениям о потребностях человека как биосоциального существа, возникновение и развитие государственной формы организации общественной жизни обусловлено потребностями индивида и отвечает его интересам. Развитие науки показало, что гегелевская мысль о «чувстве

³²⁵ Хомский Н. Государство будущего М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 13.

необходимости порядка, которым обладают все» как основании всякой социально-политической организации, и в том числе государства как высшей формы последней, является не просто абстрактно-теоретическим положением, но подтверждается также многочисленными эмпирическими фактами, установленными на материале разнообразных исследований в рамках современных теорий потребностей. В то же время следует подчеркнуть, что конфликтная стратегия интерпретации взаимодействия государства и общества, государства и индивида, опирающаяся на представления о репрессивной природе государства и характеризующая его как «машину подавления», не находит объективного подтверждения в данных современной науки, в том числе, в исследованиях психологии и мотивации поведения человека, оказываясь, в силу этого, скорее в поле идеологического, нежели научного и философского рассмотрения этого взаимодействия.

3.3. Интегративная стратегия и практика «социального государства»

*Часть текста данного раздела была опубликована в журнале, включенном в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М. В. Ломоносова**

Во второй главе нашей работы было показано, что концептуально-теоретическое развитие конфликтной стратегии взаимодействия государства и общества было связано преимущественно с появившейся в XIX в. специальной наукой об обществе и проходило в условиях конкуренции позитивистской и марксистской методологических программ социального познания, каждая из которых стремилась предложить свой, *научно обоснованный* вариант анализа и программы совершенствования, правильной организации этого взаимодействия. Отказ от «метафизики» и стремление

* Голубев И. С. Субординатизм индивида, общества и государства в социальной философии британского идеализма // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2022. № 4. С. 87–102.

построить *новую социальную науку* по образцу и на основе естественнонаучного знания, означал практический разрыв конфликтной стратегии с предшествовавшей философской традицией. Характерной же особенностью интегративной стратегии оказалась как раз её приверженность именно философскому анализу взаимодействия государства и общества. Принципиально, её концептуальный каркас существенным образом продолжал определяться ключевыми постулатами социально-философского учения Г. В. Ф. Гегеля. Во многом, поэтому траектория дальнейшего развития интегративной стратегии, прежде всего в её интегративно-субординационной форме, определялась появлением различных новых форм собственно философской интерпретации гегелевской теории общественно-государственного устройства.

Начало пост-гегелевского этапа концептуально-теоретического развития интегративной стратегии взаимодействия государства и общества было положено начавшимся в конце XIX в. ренессансом гегелевской философии в Англии, в школе британского идеализма. Философское и, шире, социокультурное значение этого интеллектуального течения, развивавшегося под лозунгом «Вперёд, с Гегелем!», тем более примечательно, что оно шло в разрез с преобладающими тенденциями континентальной философии того времени. Даже в самой Германии, как известно, интерес к творчеству Г. В. Ф. Гегеля считался тогда безвозвратно прошедшим, а в философской мысли преобладали иррационалистические или позитивистские и материалистические идеи и учения. В то же время, активный рост числа сторонников британского идеализма и его широкое распространение в английских университетах привели к тому, что, как отмечает К. Тайлер «британский идеализм представлял собой одно из наиболее влиятельных движений в европейской политической философии со времен смерти Дж. Ст.

Милля в 1873 г. и до начала Первой мировой войны»³²⁶.

Характеризуя становление британского идеализма в контексте развития интегративно-субординационной формы интегративной стратегии анализа взаимодействия государства и общества, следует отметить, во-первых, что само возникновение этого направления пост-гегелевской философской мысли было сопряжено с полемикой её сторонников против социального учения позитивизма, и направлялось стремлением продемонстрировать его философскую несостоятельность. Ставший очередным этапом развития исторически доминирующей в Британии философии эмпиризма, позитивизм Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера, в своём социологическом измерении, как было показано выше, отличаясь крайним социальным атомизмом и индивидуализмом, служил идейно-теоретическим основанием для достаточно резкой критики существующего общественно-политического порядка. Реакцией на подобную «эволюцию» эмпиризма и стало распространение в английских университетах неогегельянства, выраженного в форме абсолютного идеализма и проявившего себя, по характеристике Р. Дж. Коллингвуда именно и «прежде всего, как восстание против позитивизма»³²⁷.

Важнейшая идейно-теоретическая и, в то же время, общественно-практическая задача британского идеализма заключалась, в этой связи, в преодолении индивидуалистических крайностей позитивистской социальной доктрины, в демонстрации как её принципиальной концептуально-теоретической несостоятельности, так и того, что её практическая реализация в перспективе может привести к достаточно серьезным негативным социально-политическим последствиям. И надо сказать, что в решении обеих этих проблем он в достаточной степени преуспел. В практическом отношении идеи британских идеалистов «овладели массами», во всяком случае, частью

³²⁶ Tyler C. Individuality, freedom and socialism: The British idealists' critiques of the Fichtean state // *Political studies*. 2015. No 2 (63). P. 319.

³²⁷ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 129.

«масс», – в английском обществе в последней трети XIX в., произошли изменения настроений, вызвавшие «активизацию социально-экономических требований новых избирателей, уставших от принципов крайнего индивидуализма, “laissez-faire” и проповедей сторонников Бентама, господствовавших в середине века»³²⁸. В теоретическом, социально-философском плане, творческая «ассимиляция» гегельянства в британском идеализме фактически положила конец безраздельному господству эмпиризма в английской интеллектуальной традиции и преобладающему влиянию позитивистской и социал-дарвинистской ориентаций (в основном в популярном изложении Г. Спенсера) в социальных науках, и, что не менее характерно, послужила началу продуктивных дискуссий о роли государства в жизни индивида и общества.

Что же касается позитивной программы построения собственной интерпретации взаимодействия государства и общества, то её ключевым концептуально-теоретическим постулатом в социальной философии британского идеализма, была идея субординатизма индивида, общества и государства. Одним из наиболее известных и влиятельных сторонников интегративно-субординационного понимания взаимодействия государства и общества был первый значительный английский философ-неогегельянец и один из основателей социал-либерализма **Томас Хилл Грин**. В своих трудах он обосновывал необходимость активного, деятельного участия государства в социальной жизни и фактически стоял у истоков концепции государства «всеобщего благосостояния» (welfare state) в её современном виде, о чём практически не говорится в отечественной и крайне редко упоминается в зарубежной научной литературе, посвящённой британскому идеализму. И стоит сказать, что сам термин «welfare-state», как сегодня считается, был впервые употреблён епископом англиканской церкви У. Темплом, автором

³²⁸ Цветкова Ю. Д. Роль общественного мнения Великобритании второй половины XIX в. в развитии социального законодательства в 70–90-х гг. правления Королевы Виктории // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 75.

полемических работ на тему взаимоотношений индивида и общества и государства, находившимся под значительным влиянием философии британского идеализма и разработанной Т. Х. Грином социал-либеральной доктрины³²⁹.

В своём учении, рассматривая взаимодействие государства и общества, Т. Х. Грин исходит из того принципиального положения, что только общество способно «превратить» индивида в полноценную личность, – то есть сделать из него субъекта морального и правового (а тем самым и политического) обязательства. Для того чтобы общество было в состоянии на практике обеспечивать эффективную защиту личных прав индивида, общественные отношения должны регулироваться сильной государственной властью. Этим объясняется необходимость активного участия государства (*state action*) в жизни индивида, понимаемого Т. Х. Грином как всесторонняя государственная защита и поддержка частных прав и свобод, в духе гегелевской идеи о том, что формирование развитого гражданского общества возможно только в создаваемом государством правовом поле. Активно выступая против либеральной идеи *state interference*, то есть негативного понимания *государственного вмешательства*, он приходит к заключению, что общество никоим образом не должно противопоставляться государству, – как раз напротив, антитеза их «интересов» снимается при правильно устроенной государственной власти. Организация действительно стабильного и эффективного социально-политического порядка требует не только ограничительных, запрещающих, но и поддерживающих, стимулирующих мер по отношению к индивиду и обществу со стороны государства. Последнее, в понимании Т. Х. Грина не результат «договора», – он был резким критиком контрактивистской теории Гоббса, – а представляет собой стихийно, естественным образом складывающийся институт, организованный с целью

³²⁹ Подробнее об этом см. Temple W. Christianity and The State. L., 1928. Он же. Christianity and Social Order. L., 1942.

обеспечения общего блага³³⁰.

Существенное теоретическое влияние на формирование концепции государства всеобщего благосостояния, трактующей взаимодействие государства и общества в русле интегративной стратегии, оказало также гегелевское понимание государства как исторически необходимой формы организации социальной жизни, воплощающей моральное единство индивидов. Поскольку критика британским идеализмом позитивистской социальной доктрины в целом, и свойственной ей конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества в частности, в значительной степени, была направлена на саму идею противопоставления интересов индивида и общества, общества и государства, важнейшим постулатом интегративной стратегии становится представление о том, что именно в государстве индивид становится субъектом всеобщего морального обязательства, способным преследовать не только сугубо личные цели, но и заботиться об «общем благе», об интересах других.

Пожалуй, наибольший вклад в обоснование такого подхода был сделан **Фрэнсисом Брэдли**, который продолжил развитие концепции государства всеобщего благосостояния в рамках активно разрабатываемого им учения об Абсолюте, одной из форм «земного воплощения» которого он, вслед за Гегелем, считал государство. Подчеркивая, что только общество способно превратить отдельного индивида в развитую личность, в своего рода «*homo sapiens-moralis*»*, он пишет, что «человек тогда обретает себя, когда определяет свое положение в обществе, когда берет на себя обязанности, связанные с этим положением, когда понимает, какую функцию он выполняет как орган социального организма»³³¹. Иными словами, согласно английскому мыслителю, индивид не может существовать вне общества, поскольку он

³³⁰ См. Green T. H. Lectures on the principles of political obligation. Kitchener: Batoche Books, 1999. Pp. 91-93.

* Полемическое противопоставление «экономическому человеку» Дж. Ст. Милля.

³³¹ Брэдли Ф. Этические исследования. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2010. С. 199.

всегда есть, прежде всего, субъект моральных отношений внутри конкретного сообщества, определяющего способы его персональной реализации.

Следует отметить также, что именно Ф. Брэдли принадлежит одна из наиболее системно разработанных философских концептуализаций социального государства в рамках интегративно-субординационной формы интегративной стратегии. Так, характеризуя сущность государства, он отмечает, что последнее «не [есть] агрегат, оно живет; это не масса и не машина. Оно – объективный дух, который субъективируется в гражданах и сознает себя в них: он ощущает себя и познает себя в сердце каждого»³³². И хотя государство «говорит языком команд», тем не менее оно «дает возможность их исполнить, и в актах повиновения обретает и дарует индивидуальную жизнь, удовлетворение и счастье»³³³. Такая характеристика государства, хотя и исходит в принципе из его гегелевского понимания как «действительности нравственной идеи», в то же время по-новому «пересобирает» гегелевское учение о государстве в русле концепции «государства всеобщего благосостояния».

Подчёркивая неразрывную взаимосвязь каждого элемента триады человек-общество-государство, Ф. Брэдли таким образом подтверждает то фундаментальное положение интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, что в действительности вне государства невозможно стабильное обеспечение ни личного, ни общественного духовного и материального благосостояния. Именно поэтому принцип субординатизма общества и государства находит свою реализацию во всеобщем моральном единстве образующих общество индивидов, соблюдение частных, реализуемых в процессе социального взаимодействия, прав которых регулируется воплощенной социально-правовой формой морального закона – государством. Таким образом, подлинная ценность

³³² Там же.

³³³ Там же.

последнего как особой формы существования Абсолюта выражается «не в принуждении или договоре, но в том, что оно [государство] является моральным организмом, сущим тождеством власти и права»³³⁴. Из этого вытекает еще одно принципиальное положение интегративно-субординационной формы интегративной стратегии: наиболее полная реализация индивидуальных прав и свобод человека становится возможной исключительно в условиях государственной формы организации общественной жизни.

Заметим, в этой связи, что поскольку фундаментальной функцией государства является обеспечение безопасности взаимодействия-общения индивида с себе подобными, а, в случае человека, «себе подобные» – это имеющие не только и не столько внешнюю, по каким-то телесным признакам, сколько внутреннюю, духовную схожесть, по общим моральным ценностям и установкам, постольку обеспечение общности этих ценностей и установок у вступающих во взаимодействие-общение индивидов становится задачей государства. Ведь никто, очевидно, не захочет общаться с приятной внешности человеком, пусть даже очень схожим, но таким, для которого обмануть, украсть или даже убить, – что называется «раз плюнуть». Иными словами, в действительности, эффективное обеспечение всесторонней безопасности индивида, практически невозможно вне действенной общественной морали, поддержание которой поэтому и является одной из прерогатив государства. Поэтому совершенно закономерно, что представители британского идеализма и, в особенности, Ф. Брэдли, подчёркивали, вслед за Гегелем, что государство является духовной сущностью, «моральным организмом».

Убедительную системно разработанную критику конфликтной стратегии анализа взаимодействия государства и общества в рамках

³³⁴ Там же, с. 220.

обосновании концепции «государства всеобщего благосостояния» предложил представитель шотландской школы³³⁵ британского идеализма **Дэвид Джордж Ритчи**. Развивая идеи Т. Х. Грина о необходимости активного государственного участия в жизнедеятельности человека и общества, он стремится найти «средний» путь³³⁶ между ведущим к распаду общества индивидуализмом «без берегов» и, чреватými угрозой общественной свободе, крайностями коллективистского государственного социализма. Таким путём, согласно Д. Ритчи оказывается построение «социального государства»³³⁷, что подразумевает, по его мнению, теснейшее взаимодействие государства и общества, наивысший уровень их интеграции. В этой связи особое значение приобретает его важнейший тезис о теоретической и практической необоснованности ключевой для конфликтной стратегии идеи противопоставления государства и общества. Исходя из интегративной стратегии их взаимодействия, он приводит в пример античный полис, который фактически сочетал в себе обе эти формы организации совместной жизни людей. Д. Ритчи отмечает, что уровень кооперации индивидов всё более возрастает с усложнением процессов социального развития, в результате чего постепенно «исчезает [возможность] противопоставления государства и общества; [поскольку] государство выражается не в слове “я”, но “мы”»³³⁸. В силу этого, считает он, возрастание степени государственного участия в жизни общества закономерным образом приводит к расширению прав и свобод индивида и, как следствие, к повышению как личного, так и общественного

³³⁵ В отличие от английского направления (гегельянства), именно эта школа на всех этапах своего существования характеризовалась большим интересом к социально-философской и политической проблематике, а по свидетельству Д. Фергюссона «в Шотландии приверженность идеям Гегеля в целом была даже сильнее [чем в Англии]». Подробнее об этом см.: Fergusson D. *Scottish idealism // The Impact of idealism*. Vol. 1. *Philosophy and natural sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 272–298.

³³⁶ Во второй половине XX в. И. Валлерстайн назовёт эту концепцию компромиссной, направленной на примирение классовых противоречий между правящими и управляемыми социальными группами и, по сути, олицетворяющий этот «средний путь». Подробнее об этом см.: Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Наука, 2001. С. 326–328.

³³⁷ Заметим, что само понятие «социальное государство» впервые было концептуализировано немецким философом-гегельянцем Л. фон Штейном. Подробнее о его учении см.: Кочеткова Л. Н. *Теория социального государства Лоренца фон Штейна / Философия и общество*. 2008. №3. С. 71.

³³⁸ Ritchie D.G. *The principles of state interference: Four essays on the Political Philosophy of Mr. Herbert Spencer, J.S. Mill, and T.H. Green*. L.: Swan Sonnenschein C. Scribner's Sons, 1896. P. 64.

благополучия. Иными словами, по его мнению, характерная для современной социальной науки (и называемая им ложной) дилемма, согласно которой в действительности возможны только две взаимоисключающие стратегии соотношения общества и государства: либо общество подчиняется государству, либо государство функционирует исключительно под контролем общества³³⁹ не находит своего объективного подтверждения в реальной практике взаимодействия государства и общества. Преодоление данной дилеммы и обоснование необходимости отказа от конфликтной стратегии этого взаимодействия Д. Ритчи видит главной задачей концепции «государства всеобщего благополучия».

Эта концепция как известно и послужила идейной основой для определения основополагающих принципов внутренней государственной политики, именно *социальной политики*, ведущих стран Запада, прежде всего, США, во второй половине XX века. В континентальной Европе, в первую очередь, в Германии, англоязычный термин «государство всеобщего благополучия» был заменён термином «социальное государство»*. И, надо сказать, что эта терминологическая конструкция, по самой внутренней логике своего построения и по очевидному «прямому» смыслу, – «общественное государство», – непосредственно указывает на сущностно интегративный характер взаимодействия государства и общества. В известном смысле, можно, наверное, сказать, что этот термин действительно отсылает к греческому понятию «полис» (так что Д. Ритчи имел достаточно весомые основания для своей аналогии), конкретно, – к полисному типу организации взаимодействия государственных, т. е. властно-политических и собственно общественных, т. е., в современной терминологии, социальных институтов. В этой связи можно вспомнить гегелевскую диалектику с её принципом «двойного отрицания», обуславливающим закономерность возврата на новом

³³⁹ Подробнее об этом см.: Ritchie D. Указ. соч., с.19, 98–108, 155–161.

* Как известно, согласно Российской Конституции, РФ также определяется именно как «социальное государство».

этапе развития явления к более высокоразвитому аналогу его начальных-первичных форм (в данном случае общественно-политического устройства), наполненных теперь уже новым более сложным, *богатым* содержанием.

Переходя непосредственно к конкретному рассмотрению практических проекций интегративной стратегии взаимодействия государства и общества на реальную социальную политику в ведущих странах современной цивилизации, заметим, что хотя она далеко не во всех случаях проводится на основе официального принятия концепции «социального государства» и юридического закрепления именно этого термина³⁴⁰, общая, и всё более усиливающаяся тенденция к «социализации» современных государств, как мы надеемся показать, достаточно очевидна. С *другой стороны*, та же закономерность, может быть охарактеризована как тенденция к «этатизации» общества. В этом отношении, показательны исследования П. Бурдьё, едва ли не единственного среди крупнейших современных социологов, кто посвятил специальный и весьма объёмный труд изучению государства, и, в особенности, взаимодействия современного государства и общества. Он фиксирует достаточно выраженную тенденцию к постоянно растущей этатизации французского общества во второй половине XX века³⁴¹ и показывает, что фактически, социальное развитие как таковое, сопряжено с увеличением государственного участия в жизни общества и индивида, и, в частности, что имеется устойчивая взаимосвязь между расширением поля деятельности государства и развитием институтов гражданского общества.

Причём дело не только в таких очевидных внешних аспектах государственного управления как регулирование экономики, пенсионные и страховые выплаты, контроль трудовых отношений и т.п. Сама специфика современного всё более «социализирующегося» государства, по

³⁴⁰ Например, во Франции принято употреблять термин «государство-защитник», в Швеции, – «народный дом».

³⁴¹ См. Бурдьё П. «Лекции о государстве», в частности, с. 68–84.

характеристике ещё одного из крупнейших современных социологов Э. Гидденса предполагает, что оно представляет собой также и «систему обуздания рисков», призванную «защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, – болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости»³⁴². Иными словами, именно социальное государство сегодня берёт на себя обязательства по удовлетворению многих жизненно важных потребностей индивидов-граждан. Эта тенденция к «социализации» деятельности государства, или, что то же, – к этатизации общественной жизни, имеет глубокие объективные основания и обусловлена необходимостью выполнения государством своей основной функции, – обеспечения безопасности социального взаимодействия-жизнедеятельности индивидов. Потребность в безопасности проявляется, как было отмечено выше, на всех уровнях потребностной иерархии и имеет сложную комплексную структуру. Так, очевидно, что такие, например, потребности как: сохранение здоровья, безопасность окружающей природной среды (защита от природных невзгод и катаклизмов), социализации и общения с себе подобными, получения необходимой для обеспечения жизнедеятельности информации, являются важнейшими составляющими общей потребности индивида в безопасности и также представляют его «всеобщий интерес», если использовать терминологию Гегеля.

А поскольку, порождающей функцией государства является именно обеспечение всеобщих интересов, то, то что государство сегодня «присутствует» едва ли не на всех уровнях потребностной иерархии индивида, одним из первых «реагируя» на возникающие у него надобности, приходится признать вполне закономерным. Неудивительно, что уже привычным фактом стала забота государства о благополучии своих граждан даже на уровне их базовых физиологических потребностей, для чего принимаются меры законодательного регулирования форм и способов удовлетворения последних.

³⁴² Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 39.

Так, например, государственными актами запрещается громкая музыка, ремонтные работы и т. п. во время «часов тишины», что должно способствовать здоровому сну, восполнение потребности в котором является необходимым для человека. Производство и продажа продуктов питания должны проходить санитарный контроль, который осуществляется специальными государственными органами; на производство ряда товаров (например, на крепкие алкогольные и спиртосодержащие напитки) и вообще существует государственная монополия, образование которой объясняется заботой государства о сохранении здоровья граждан. То же касается и регуляции «личной жизни» индивида: государство сегодня устанавливает брачный возраст и «возраст согласия» вступления в интимные отношения, насыщает городские и виртуальные пространства напоминаниями о необходимости соблюдения безопасности при близких контактах, берёт под контроль как рождение ребёнка, так и прерывание беременности.

Наиболее рельефно деятельность современного государства как «системы сдерживания рисков» проявляется не только и даже не столько в виде сугубо охранительных мер, реализуемых посредством «аппарата принуждения», – армии, полиции, системой пенитенциарных учреждений, на чём делают акцент сторонники конфликтно-антагонистической стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества. Как раз, напротив, с появлением социального государства, всё более частные составляющие всеобщих интересов индивида, в традиционном обществе, да практически до начала 20 века, остававшиеся его личным делом, попадают в «поле зрения» государства, которое реагирует на них принятием соответствующих мер *поддержки и охраны*. Так, присущая каждому человеку потребность в сохранении здоровья в современном обществе обеспечивается государственной системой *здравоохранения*. Современное государство практически полностью контролирует здоровье каждого своего гражданина с момента (и даже до) рождения, вводит обязательные периодические

медосмотры, обязательный календарь прививок³⁴³ и т. п. Причем эта система постоянно расширяется, принимаются программы *социальной медицины* (обязательное и дополнительное медицинское страхование в РФ, к примеру), которые, кстати, нередко становятся предметом острейшей политической борьбы, как это было (и, наверняка, ещё будет) с программой «Medicare» в США.

Ещё одной важнейшей сферой деятельности современного государства, призванной обеспечивать всеобщий интерес индивида, основой которого является та же потребность в безопасности, становится система институтов призрения. Конечно, лишившиеся попечения родителей малолетние дети, а также малоимущие и старики, оставшиеся без присмотра близких, были и в традиционных обществах. Однако, опять же практически вплоть до начала XX века, содержание утративших кормильцев «стариков, женщин и детей» передавалось «на баланс» церкви или родственников, могущих принять на себя эту функцию. Существовали и частные приюты, и дома милосердия, но государство не занималось *общественным призрением*. Сегодня же именно оно берёт на себя ответственность за поддержание безопасности, сохранение жизни и здоровья своих граждан, лишившихся необходимого обеспечения, создавая государственную систему приютов, детских домов и домов престарелых.

От помощи отдельным *социально неблагополучным* индивидам и «неполным семьям» современное государство перешло также и к практике регулирования внутрисемейных отношений в обычной традиционной семье. Сегодня оно запрещает «семейное насилие» и устанавливает правила, определяющие надлежащие условия воспитания детей в семье, а в случае их нарушения лишает родительских прав. Созданы специальные государственные инспекции, контролирующие жизнь ребёнка в семье и целая

³⁴³ Заслуживает упоминания, в этой связи, нашумевшая инициатива выдачи государством специальных паспортов вакцинации.

новейшая отрасль права, – ювенальная юстиция. Расширяется, не просто не существовавшая, – немыслимая в традиционных обществах, практика изъятия детей из «неблагополучных семей», тогда как ещё недавно немыслима была и сама возможность официально-государственной маркировки семьи в качестве «благополучной» или «неблагополучной».

Огромную роль в жизни современного общества играет и государственная система образования. В принципе, получение образования, – это присущий современной культуре способ социализации, прохождение которой является одним из необходимых условий обеспечения безопасности индивида и, соответственно, составляет его всеобщий интерес. Тем не менее, изначально система образования было преимущественно прерогативой Церкви, а ещё в начале прошлого века, во многих странах, за получение образования отвечали главным образом частные школы и университеты, например, знаменитые *public schools* в Великобритании. Сегодня, же именно государство «даёт образование», проводит *единый государственный экзамен* и выдаёт «аттестат зрелости». Более того, современное государство точно так же как когда-то Церковь в традиционном обществе, предписывает определённое содержание школьным и университетским программам, фактически устанавливая монополию на формирование *общественного сознания*, основ мировоззрения своих граждан.

Современное государство взяло на себя также функцию *охраны природы*, создав систему специальных государственных органов, предназначенных для решения этой задачи. Сегодня оно регламентирует правила охоты и рыбной ловли, время сбора грибов и ягод и даже просто похода в лес, определяет места для купания. Все эти меры, даже если и кажутся избыточными, по сути, действительно являются прерогативой государства, поскольку обусловлены необходимостью выполнения им всё той же своей функции, – реализации всеобщего интереса индивида, обеспечения его потребности в безопасности, так как, очевидно, что нарушение экологического

равновесия и/или исчерпание природных ресурсов создаёт для неё прямую угрозу. Поэтому в современном мире даже взаимодействие человека с природой регламентируется государством и приобретает тем самым, не только социальное, но и собственно политическое измерение. Соответственно, решение экологических проблем становится совместной задачей государства и общества и может быть найдено только в процессе их *интегративного* взаимодействия.

Характерной чертой современного государства является и обладание собственной официально-государственной системой информирования населения. На смену глашатаю, зачитывавшему королевские указы на «Лобном месте», пришла целая индустрия газет, радио и телевидения, причём последние изначально возникли и распространялись именно как государственные средства информации, специально предназначенные для массовой, *всеобщей* аудитории. Современное государство, таким образом, удовлетворяло всеобщий интерес индивида, проистекающий из его витальной потребности (составной части потребности в безопасности) в получении информации о состоянии окружающей действительности. И сегодня, государство – основной игрок на «информационном поле» общества, стремящийся к возможно более полному контролю над производством и распространением информации. Такой контроль приобретает всё большее политическое значение, поскольку в условиях информационного общества, живущего по принципу: «кто владеет информацией – тот владеет миром», своевременное получение необходимой информации, становится всё более значимым фактором успешного обеспечения жизнедеятельности индивида. Неслучайно, сама концепция «информационного общества» появляется в социальной науке именно в эпоху государства «всеобщего благосостояния»³⁴⁴,

³⁴⁴ На взаимосвязь информационного общества и государства всеобщего благосостояния на примере Финляндии указывали, в частности, П. Химанен и М. Кастелс. Подробнее об этом см.: Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М.: Логос, 2002.

отражая в своём названии его важнейший признак.

Характеризуя особенности современного типа организации взаимодействия государства и общества, в целом, необходимо отметить, что государство сегодня разрешает (лицензирует), регламентирует и контролирует едва ли не каждый аспект социальных отношений и вид деятельности, стремясь максимально сократить и делегитимировать находящуюся вне досягаемости его контролирующих органов «серую зону» социального. Можно, таким образом, сделать вывод, что свойственный современной цивилизации тип взаимодействия государства и общества характеризуется постоянным расширением сферы и ростом влияния государства на самые разные стороны общественной жизни. Этот процесс в научном дискурсе обычно называется «этатизацией общества», но, исходя из другой оптики, его с не меньшими основаниями, можно назвать «социализацией государства». Сам факт (подтверждаемый проведённым нами анализом современных социальных практик) роста и расширения влияния государства, своего рода «врастания» его в общество (или их «срастания» и совместного роста-развития), увеличивающегося внедрения в социальные структуры, мы полагаем, вполне установленным. Оценивать же его, как положительный, «прогрессивный» или, напротив, – как непрогрессивный, думается не дело научного исследования.

В то же время, нельзя не отметить, что тенденция к этатизации общества, как таковая, объективно ведёт к сокращению неконтролируемой государством сферы частной жизни индивида – *поля его самостоятельности* и, таким образом, несёт потенциальную угрозу его свободе. Государственной власти поэтому необходимо соблюдать определённый баланс между реализацией благих намерений по социальной поддержке и обеспечению безопасности граждан, и сохранению их прав и свобод. Но такое соблюдение является, очевидно, практической задачей государственной политики, проводимой в тех или иных конкретно-исторических условиях. Для нашего же анализа

основных стратегий взаимодействия государства и общества факт интеграции государственных и общественных институтов, характерный для социально-политического устройства современного типа, имеет существенное значение в том отношении, что служит необходимым и достаточным эмпирическим подтверждением принципиальной концептуально-теоретической адекватности интегративной стратегии интерпретации этого взаимодействия. В этой связи, необходимо отметить также значительный эвристический потенциал интегративно-субординационной формы этой стратегии. Философски-разработанная Г. В. Ф. Гегелем и концептуально связанная с современной социально-политической практикой трудами представителей британского идеализма, она находит своё подтверждение в реальном процессе конкретно-исторического развития взаимодействия государства и общества в современную эпоху.

Заключение

В настоящем исследовании проведён комплексный, интегрирующий релевантные данные конкретных наук, социально-философский анализ различных стратегий интерпретации взаимодействия государства и общества. **В первом параграфе первой главы** работы, отмечается, что существующие в современной социальной науке принципиальные концептуально-теоретические проблемы, связанные с отсутствием в ней общепринятого определения государства и общества, и общего подхода к пониманию их сущности и принципов взаимодействия, обуславливают целесообразность обращения к социально-философским учениям Платона, Аристотеля и Г. В. Ф. Гегеля, а также теоретиков общественного договора Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Далее в первом параграфе рассматриваются учения Платона и Аристотеля как содержащие наиболее теоретически фундированные в Античной социально-философской мысли концепции взаимодействия государства и общества. Делается вывод, что в рамках этих концепций была разработана определённая стратегия интерпретации взаимодействия государства и общества, названная нами интегративной. К её парадигмальным характеристикам можно отнести представление о синкретизме государства и общества, а также такие принципиальные положения, как, во-первых, обоснование того, что полис (как интегрированное государство-общество) является естественно-необходимой формой организации социального взаимодействия и, соответственно, удовлетворения потребностей индивидов; и, во-вторых, – обоснование необходимости наличия идейно-нравственного основания для всякого государственно-общественного устройства вообще. **Во втором параграфе** проводится концептуальный анализ договорных теорий происхождения государства Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. По его результатам мы выделяем конфликтную стратегию интерпретации взаимодействия государства и общества, послужившую в качестве «несущей конструкции» политической теории и практики эпохи Модерна. Главный

постулат контрактивистских учений, – идея соглашения-договора людей, в результате которого и создаётся государство, являющееся продуктом их волеизъявления, взаимовыгодной формой организации их совместной жизни. Важнейшее значение, в этой связи, имеет рассмотрение биосоциальной потребности в безопасности, которая становится ключевым фактором, определяющим характер взаимодействия индивида и государства в теории «общественного договора». Поскольку государство-общество, обеспечивая безопасность индивида, вместе с тем, неизбежно ограничивает его естественную («по природе» ему присущую) свободу, возникновение и функционирование этого учреждения может входить в конфликт с интересами если не всех, то большинства составляющих его людей. Причём этот конфликт при «неправильном» государственном устройстве, по мере общественного развития, будет закономерно обостряться (этот принципиальный момент обосновывал Ж.-Ж Руссо), требуя всё более радикального разрешения.

Третий параграф посвящён анализу гегелевского учения о происхождении, сущности и принципах взаимосвязи государства и гражданского общества. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, каждая из форм нравственного бытия человека (семья, гражданское общество и государство) является естественной для него, поскольку, только будучи включённым в них, индивид может удовлетворять свои потребности. Немецкий мыслитель впервые выдвигает тезис о существовании субординационной диалектической взаимосвязи между индивидом, гражданским обществом, и государством, что позволяет ему дать концептуально-теоретическое обоснование субстанциального различия гражданского общества и государства. Это различие и послужило принципиальной основой для разработки интегративно-субординационной формы интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества. В гегелевской концепции и государство, и гражданское общество опираются на потребности индивида, служат их удовлетворению, представляя

собой две необходимые, взаимоскрепляющие и взаиморазвивающиеся стороны социально-политической организации всякого развитого общества.

Во второй главе диссертационного исследования рассматриваются наиболее влиятельные в современной социальной науке концепции взаимодействия государства и общества, которые мы относим к конфликтной стратегии. **В первом параграфе** показано, что, начиная с середины XIX века, концептуально-теоретическое развитие этой стратегии было связано, прежде всего, с возникновением позитивизма и его производной, – «новой науки об обществе», – социологии, и осуществлялось, главным образом, в учениях О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера. Опора на естественно-научные методы позволила социологии утвердиться в качестве главенствующей дисциплины социального познания, значимость которой подкреплялась также непосредственной практической направленностью и заявленным преобразовательным потенциалом. Именно в рамках «новой науки об обществе», впервые со времён учений об «общественном договоре» становится вновь актуальным представление о конфликтном характере социального взаимодействия, а конфликт, как таковой, понимается как естественно-необходимая, закономерная форма взаимодействия государства и общества. Также было показано, что своё последовательное, принципиальное завершение конфликтная стратегия взаимодействия государства и общества получила в теории насильственного происхождения государства Л. Гумпловича, и в дальнейшем, во влиятельных социологических концепциях М. Вебера и П. Бурдьё, связывающих возникновение государственной формы социально-политической организации общества с монополизацией средств экономического, физического или символического насилия правящими социальными группами. Веберовское определение государства как «монополии на легитимное физическое насилие» приобрело практически парадигмальное значение для конфликтной стратегии, а представление П. Бурдьё символического насилия в качестве одного из важнейших факторов

взаимодействия государства и общества углубило понимание как истоков социальных конфликтов, так и путей, и способов их разрешения. **Во втором параграфе** выделяется антагонистическая форма конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества и анализируются её основные идеи и принципы. Отмечается, что в качестве её концептуально-теоретического каркаса выступает марксистская социологическая доктрина, прежде всего, развиваемые в ней учения о классовой борьбе, происхождении и сущности государства, и публичной власти. Утверждая, что основной формой социального взаимодействия в обществе в целом является классовый антагонизм, классики марксизма трактуют государство, главным образом, как репрессивный аппарат, «машину подавления», созданную в интересах правящего класса с целью экономической эксплуатации угнетаемого класса. В дальнейшем, неомарксистские теоретики показали значимость господства правящего класса, не только в сфере производства, но также и в культуре (учение о «культурной гегемонии» А. Грамши), искусстве (концепция «культуриндустрии» М. Хоркхаймера и Т. Адорно), идеологии (учение об «идеологических аппаратах государства» Л. Альтюссера). В результате анализа концепций взаимодействия государства и общества, разработанных в рамках антагонистической формы конфликтной стратегии, нами делается вывод, что она существенным образом повлияла и продолжает влиять на весь ход развития как современной социальной теории, так и, в особенности, социально-политической практики, обосновывая принципиальную невозможность достижения исторически долговременного взаимовыгодного консенсуса между правящим и управляемым классом.

Третья глава исследования посвящена реконструкции фундаментальных оснований и анализу наиболее значимых практических проекций интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, рассматриваемых в аспекте политантропологических концепций, типологии потребностей и интересов индивида, а также конкретных мер по

реализации государственной социальной политики в современных развитых обществах. Центральной темой **первого параграфа** является анализ онтологических оснований взаимодействия государства и общества сквозь призму конкретных эмпирических исследований происхождения этих фундаментальных социальных феноменов. По результатам проведённого анализа мы констатируем преобладание в современной политантропологической науке «конфликтных» теорий политогенеза, что позволяет сделать вывод о том, что исследование взаимодействия государства и общества в её рамках, осуществляется, как правило, на принимаемой, по сути, а priori концептуально-теоретической основе конфликтной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, причём преимущественно в её антагонистической форме. В силу этого наибольшее распространение в современной политической антропологии получили концепции, рассматривающие проблему происхождения и сущности государства в аспекте классового противоборства. Государство в такой интерпретации зачастую сводится к «репрессивному аппарату» и оказывается чем-то вроде позднейшей «надстройки» над социальной организацией общества в целом. В этой связи, приходится констатировать, что концептуально-теоретическая опора, главным образом, на конфликтно-антагонистическую стратегию интерпретации взаимодействия государства и общества, привела современную политантропологию к ряду существенных проблем принципиального характера, в результате чего конкретное содержание таких, фундаментальных для неё понятий как «вождество», «раннее государство», «безгосударственное общество» оказывается непрояснённым и, в значительной степени, зависит от субъективных предпочтений того или иного исследователя.

Второй параграф посвящён социально-философскому анализу основных принципов организации взаимодействия государства и общества в аспекте их взаимосвязи с человеческими потребностями и интересами. Опираясь на

типологию потребностей, разработанную К. Х. Момджяном, мы показываем, что биосоциальная потребность в безопасности имеет фундаментальное значение для организации социального взаимодействия как такового. Анализ ведущих психологических концепций потребностей и интересов человека (А. Маслоу, К. Обуховский, А. Адлер) позволяет сделать вывод о том, что возникновение и развитие государственной формы организации общественной жизни обусловлено потребностями индивида и отвечает его интересам. На основании этого мы приходим к заключению, что конфликтная стратегия интерпретации взаимодействия государства и общества, исходящая, особенно в её антагонистической форме, из необходимости возможно большего ограничения государственного «вмешательства» в жизнь человека и общества, не находит должного объективного подтверждения в эмпирических данных современной социальной науки, в частности, в исследованиях психологии и мотивации поведения человека.

В третьем параграфе рассматриваются теоретические основания и различные аспекты реальной практики взаимодействия государства и общества, прежде всего, важнейшие направления государственной социальной политики в развитых странах современного мира. Анализируя социально-философские концепции, разработанные в британском идеализме (Т. Х. Грин, Ф. Брэдли, Д. Ритчи), представляющем собой дальнейший этап развития интегративно-субординационной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества, мы отмечаем системно-теоретическое обоснование в его рамках тезиса о необходимости активного государственного участия как важнейшего условия стабильного поступательного развития современного общества. Показывается, что этот тезис подтверждается также и реальной практикой построения государственно-общественных отношений в развитых странах, которая свидетельствует о возрастающей роли государства в организации жизнедеятельности индивида и общества. Это, в свою очередь, позволяет

заклучить, что социальное государство (государство всеобщего благосостояния) является одной из наиболее адекватных современной цивилизации форм социально-политической организации общества в целом. Отмечается, что сам факт интеграции государственных и общественных институтов, характерный для социально-политического устройства современного типа, имеет существенное значение в том отношении, что служит необходимым эмпирическим подтверждением принципиальной концептуально-теоретической адекватности интегративной стратегии интерпретации взаимодействия государства и общества.

Вместе с тем, необходимо отметить, что возможно более полный анализ этого взаимодействия и, соответственно, концептуально-теоретическая разработка различных стратегий его интерпретации, очевидно, всегда будет оставаться одной из важнейших и сложнейших задач социальной философии. Наше исследование, как представляется, может способствовать определению наиболее перспективных направлений дальнейшей коллективной научной работы по решению этой задачи.

Список литературы

1. Адлер А. Понять природу человека. М.: АСТ, 2021. – 320 с.
2. Алексеева Т. А. Власть // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001. – Т. 1. С. 418–419.
3. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175.
4. Арндт Х. О революции. М.: Издательство «Европа», 2011. – 464 с.
5. Аристотель. Сочинения. Т.4. М.: Мысль, 1983. – 830 с.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. – 618 с.
7. Белков П. В. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995. С. 165–187.
8. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество / Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 235–238.
9. Бикбов А. Т. Как делается государство / Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 11–42.
10. Брэдли Ф. Этические исследования. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2010. – 421 с.
11. Бугай Д. В. Единство платоновского «Государства». М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. – 452 с.
12. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной

социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 220–254.

13. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.

14. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Наука, 2001. – 416 с.

15. Валлерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 72–79.

16. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

17. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст]: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Т. IV. Господство. — 542, [2] с.

18. Гайденок П.П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

19. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. – 524 с.

20. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1974. – 452 с.

21. Гессен В. М. Основы конституционного права. П.: Право, 1918. – VIII, 439 с.

22. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

23. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

24. Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т.1. С.270–506.

25. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–590.

26. Годелье М. Азиатский способ производства: стимулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением // Общество. Среда. Развитие (Тerra

Humana). 2008. №1. С. 3–18.

27. Гофман А. Б. Социологические концепции К. Маркса / История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М.: Академический проект, 2020. С. 137–150.

28. Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 564 с.

29. Гранин Ю. Д. Социализация как фактор трансформации европейских государств в XVIII–XX столетиях. М.: «Директ-Медиа», 2022. – 76 с.

30. Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1910. – [2], XXVI, 516 с.

31. Гумплович Л. Основы социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.

32. Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1989. – 288 с.

33. Давыдов Ю. Н. Античная предыстория социальной науки // Философия науки и техники. 2000. №6. С. 160–187.

34. Давыдов Ю. Н. Генезис понятия общества и политического господства у Платона / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 35–45.

35. Давыдов Ю. Н. Новый поворот в развитии понятия общества / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 151–166.

36. Давыдов Ю. Н. Социальная мысль в контексте общенаучных программ XVII–XVIII вв. / История теоретической социологии. Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С.119-141.

37. Давыдов Ю. Н. Социальная философия Аристотеля от «Этики» к «Политике» / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 46–60.

38. Дильтей В. Введение в науки о духе. Т. 1 М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 760 с.
39. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.
40. Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2013. – 233 с.
41. Длугач Т. Б. От Левиафана к гражданскому обществу / Историко-философский ежегодник. 2020. Т. 35. С.77-100.
42. Дмитриев Т. А. La Condition Humaine: взгляд Жан-Жака Руссо // Логос. 2012. Т. 96. №6. С. 7–66.
43. Доватур А. И. Политика Аристотеля / Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 38–52.
44. Дубовицкая Т. Д., Тулитбаева Г. Ф. Социальный интерес: понятие, структура, диагностика, развитие // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (ч. 10). С. 2276–2279.
45. Зиновьев А. А. Логическая социология. М.: Канон-плюс, 2023. – 424 с.
46. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002. – 512 с.
47. Ильин Е. П. Послесловие. Наследие Абрахама Маслоу / Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. [и др.]: Питер, 2021. С. 305–326.
48. История марксизма-ленинизма. Кн.2 ч.1 70-90-е гг. XIX века. М.: Наука, 1990. – 317 с.
49. Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах. Логос. Т. 29. #2. С. 179–220.
50. Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина [и др.]. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.

51. Кассирер Э. Философия просвещения. М.: РОССПЭН, 2004. – 397 с.
52. Кильдюшов О. В. Война и социальный порядок: *ultima ratio* или *conditio humana*? (Гоббс – Клаузевиц – Шмитт – Фуко). Полис. 2016. № 1 (80). С. 6–32.
53. Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №3. С.122-149.
54. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М.: Изд-во ВШЭ, М., 2010. – 592 с.
55. Классен Х. Дж. М. Раннее государство: структурный подход // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. №2014. С. 8–90.
56. Ковалёв А. Д. Эволюционистская социология Г. Спенсера: опыт синтетического подхода / История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М.: Академический проект, 2020. С.171-202.
57. Козловски П. Общество и государство. Неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. – 368 с.
58. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. – 486 с.
59. Коновалова О. А. Учение о потребностях в «Государстве» Платона // Философские науки. 2007. №2. С.123-127.
60. Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: URSS. 2019. – 296 с.
61. Концептуализации общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монография / под общ. ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М.: ИНФРА-М, 2018. – 348 с.
62. Кочакова Н. Б. Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995. С. 153–164.
63. Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна

// Философия и общество. 2008. №3. С. 69–79.

64. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения

// Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности: сб. ст. / Рос. АН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). М.: Вост. лит., 1995. С. 11–61.

65. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция / Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 314–336.

66. Крадин Н. Н. Политическая антропология о происхождении государства // Древнейшие государства Восточной Европы. №2014, 2016. С.91-115.

67. Куббель Л. Е. К истории общественных отношений в Западном Судане в VII–XVI вв. – Африка в советских исследованиях. Ежегодник. Т. 1. Вып. 1. М., 1968. С. 169–201.

68. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. – 273 с.

69. Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм, демократия. Политическая философия австрийской школы. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2020. – 408 с.

70. Лахман Р. Государства и власть. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 352 с.

71. Левицкий В. С. Социальная реальность Модерна. М.: Канон+, 2023. – 328 с.

72. Ленин В. И. Великий почин / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1970. Т. 39. С.1-29.

73. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Госполитиздат. С.7-161.

74. Лестер Дж. Теория гегемонии Антонио Грамши и её современное звучание. [Электронный ресурс] // Политнаука. Политология в России и мире. Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/classic/leyster.php>. (Дата обращения 02.10.2023).
75. Лилла М. Маркс и убийство. Демон Альтюссера и бегство от субъективности // Иностранная литература. 1993. № 6. С.226-229.
76. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т.3. М.: Мысль, 1988. – 668 с.
77. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. – 624 с.
78. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. – 962 с.
79. Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 544 с.
80. Мальшина Н. А. Человек и его потребности. М.: Дашков и К° 2015. – 159 с.
81. Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М.: Наука, 1989. – 256 с.
82. Маркс К. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 7–544.
83. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 214–215.
84. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. [и др.]: Питер, 2021. – 400 с.
85. фон Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело при участии изд-ва «Catallaxy», 1993. – 240 с.
86. Миллс Ч. Р. Властвующая элита. М.: Директ-Медиа, 2007. – 844 с.
87. Милль Дж. Ст. О свободе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия Социология: Реферативный журнал. 1996. № 2. С. 76–94.

88. Момджян К. Х. Было ли советское общество социалистическим? // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 37–45.
89. Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М.: Высш. Шк., КД Университет, 1997. -448 с.
90. Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Ст. 2. Биосоциальная потребность в безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 5. С.77-90.
91. Момджян К. Х. О «разумных» и «неразумных» потребностях человека // Научные труды вольного экономического сообщества. 2020. Т. 223. С.547-550.
92. Момджян К. Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии. 2023. Т. № 4. С. 18–28.
93. Момджян К. Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. №3. С.3-13.
94. Муфф Ш. К агонистической модели демократии //Логос. 2004. №2(42). С. 181–197.
95. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. 2008. № 1. С. 88–102.
96. Нерсисянц В. С. Философия права Гегеля. М.: Юристъ, 1998. – 352 с.
97. Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. – 448 с.
98. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
99. Ньюман С. Постанархизм. М.: РИПОЛ классик, 2021. – 208 с.
100. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. – 295 с.
101. Ойзерман Т. И. Амбивалентность гегелевской концепции государства / Историко-философский ежегодник-1998. М.: Наука, 2000. С.113-184.
102. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013. – 324 с.
103. Олсон М. Диктатура, демократия и развитие / Экономическая политика. 2010. № 1. С.167-183.

104. Орлова И. В. Теория гражданского общества: к истории вопроса. *Философия и общество*. №2 (43), 2006. С.116-133.
105. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
106. Платон. Соб. соч. в 3-х тт. Т.3 (1). М.: Мысль, 1971.
107. Платонов Р. С. Проблема общения в этике Аристотеля [Электронный ресурс]: Теоретический семинар сектора этики. 2016. URL: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/31_03_2016/communication-aristo.pdf (дата обращения: 25.08.2023).
108. Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: коллектив. моногр. / под ред. Л.Е. Гринина. М.: Мос. ред. изд-ва «Учитель», 2019. – 608 с.
109. Попов В. А. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 350 с.
110. Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2006. – 560 с.
111. Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Книга третья. *Философия Нового времени*. М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2022. – 384 с.
112. Реале Д., Антисери Дж. Западная философия от истоков до наших дней. (Книга 4). СПб.: Издательство «Пневма», 2003. – 880 с.
113. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с.
114. Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Территория будущего, 2007. – 368 с.
115. Ротунда Р. Либерализм как слово и символ. М.; Челябинск: Социум, 2016. – 212 с.
116. Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. СПб.: Светоч, 1907. – XXIV, 166

с.

117. Сапов В. В. Генезис и структура социальной утопии Платона / Предыстория социологии. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. С. 27–34.
118. Семёнов Ю. И. История человечества от возникновения до наших дней в предельно сжатом виде с еще более кратким прогнозом на будущее // Философия и общество. 2009. №3 (55). С. 12–36.
119. Семёнов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2019. – 376 с.
120. Семиглазов Г. С. Понятие государства в работах М. Вебера и Г. Ландауэра: анализ веберовского определения из перспективы анархической теории// Социология власти. 2020. № 32 (4). С.123-145.
121. Сенеляр М. Контекст курса / Фуко М. Безопасность, территория, население Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977— 1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С.475-511.
122. Сен-Симон К. А. Избр. сочинения. Т. 1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. – 468 с.
123. Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / Джеймс Скотт; перевод с английского Ирины Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 328 с.
124. Соколова Р. И, Спиридонова В. И. Государство в современном мире. – М.: ИФ РАН, 2003. – 253 с.
125. Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: ИФ РАН, 2022. – 360 с.
126. Спенсер Г. Личность и государство. М.: АСТ, 2023. – 464 с.
127. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты: Коллективная монография / Л. А. Беляева, Ю. Д. Гранин, Н. А. Касавина [и др.]; Институт философии РАН,

Центр изучения социокультурных изменений. – СПб.: «Реноме», 2019. – 232 с.

128. Тимонин А. Н. Об интегративной теории происхождения государства Элмана Сервиса / Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. Екб.: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 13–18.

129. Тимонин А. Н. Раннее государство: теоретико-методологический очерк развивающегося понятия // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 2. С.1129–1132.

130. Федосов А. В., Шинаков Е. А. «Начало государства» в западноевропейской, американской и отечественной политической (социокультурной) антропологии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2018. № 1. С. 136–148.

131. Фуко М. «Нужно защищать общество»: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/76 учебном году. СПб.: Наука, 2005. – 311 с.

132. Фуко М. Безопасность, территория, население Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. – 543 с.

133. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2005. – 383 с.

134. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. – 446 с.

135. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. – 415 с.

136. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – 342 с.

137. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. – 447 с.
138. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. – 440 с.
139. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
140. Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М.: Логос, 2002. – 224 с.
141. Хомский Н. Государство будущего М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 104 с.
142. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
143. Цветкова Ю. Д. Роль общественного мнения Великобритании второй половины XIX в. в развитии социального законодательства в 70–90-х гг. правления Королевы Виктории // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С.65-82.
144. Шевченко, В.Н. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Г. Буров; Отв. ред.: В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова. – М.: ИФ РАН, 2015. – 121 с.
145. Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005. – 326 с.
146. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. – 300 с.
147. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С.76-89.
148. Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. – 363 с.
149. Элиас Н. Общество индивидов М.: Праксис, 2001. – 331 с.
150. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С.5-342.
151. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства

/ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С.23-178.

152. Anter A. Max Weber's Theory of the Modern State: Origins, Structure and Significance. Basingstoke: Palmgrave Macmillan, 2014. – 262 p.

153. Barnes H. E. The Political And Social Philosophy Of Auguste Comte. [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/60553857.pdf> (дата обращения – 10.01.2024).

154. Baum B. J. S. Mill and Liberal Socialism / J. S. Mill's Political Thought: A Bicentennial Reassessment, Cambridge: University Press, 2007. – 401 p.

155. Claessen H.J.M., Skalník P. (eds.). The Early State. The Hague, 1978. – 689 p.

156. Fergusson D. Scottish idealism // The Impact of idealism. Vol. 1. Philosophy and natural sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. Pp. 272–298.

157. Green T. H. Lectures on the principles of political obligation. Kitchener: Batoche Books, 1999. – 191 p.

158. Hazlitt H. Man vs. The Welfare-State. NY: Arlington Press, 1970. – 236 p.

159. Lowie R. H. The Origin of the State // The Freeman. 1922, №5 (123). Pp. 440-442, 465-467.

160. Oppenheimer F. The State. Indianapolis: The Bobbs-Merill Company Publishers, 1972. – 304 p.

161. Ritchie D.G. The principles of state interference: Four essays on the Political Philosophy of Mr. Herbert Spencer, J.S. Mill, and T.H. Green. L.: Swan Sonnenschein C. Scribner's Sons, 1896. – 201 p.

162. Ryan A. The Philosophy of John Stuart Mill. L: Macmillan, 1985. – 296 p.

163. Sanjuan C. R. John Stuart Mill on the relation between society and individual regarding personal liberty // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № II (3). Pp. 66-88.

164. Service E. The Origins of State and Civilization. NY.: Norton, 1975. – XIX, 361 p.

165. Spicker P. The Welfare State: A General Theory. L.: Sage, 2000. – 193 p.

166. Temple W. Christianity and Social Order. L.: Penguin Books, 1942. – 93 p.
167. Temple W. Christianity and The State. L.: Macmillan and Co., 1928. – 210 p.
168. Tigerstedt E. The legend of Sparta in Classical Antiquity. Stockholm: AW, 1965. – 598 p.
169. Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime / Bringing the State Back // edited by Peter Evans, Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 169–191.
170. Tyler C. Individuality, freedom and socialism: The British idealists' critiques of the Fichtean state // Political studies. 2015. No 2 (63). Pp.319-335.